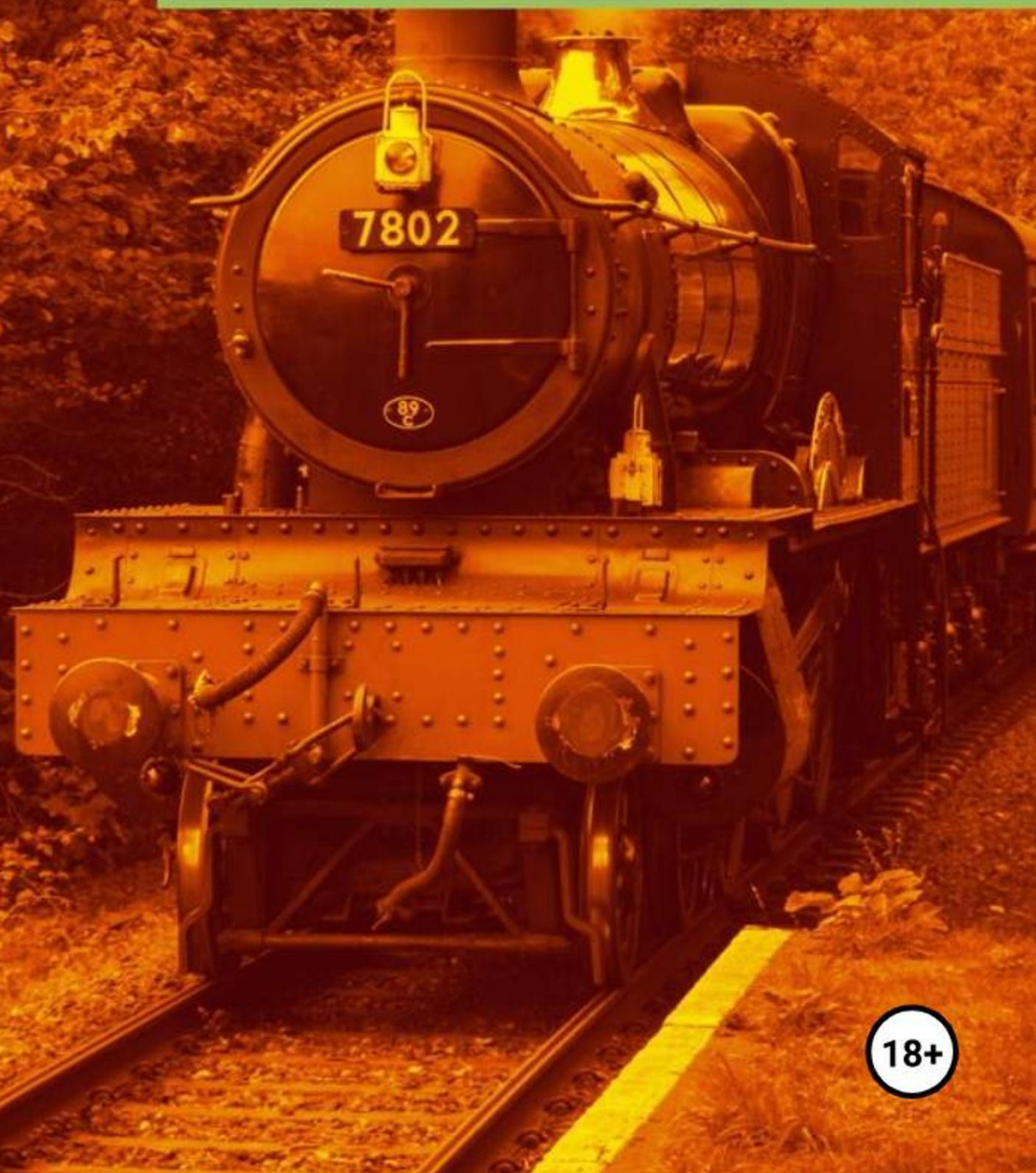

АННА АТТАЛЬ-БУШУЕВА

ТАЙНА ПОИМЁННОЙ БОЛИ

18+

Анна Атталъ-Бушуева
Тайна поимённой боли

«Автор»

2026

Атталь-Бушуева А.

Тайна поимённой боли / А. Атталь-Бушуева — «Автор», 2026

Когда тебе внутри тяжело и трепетно, когда от натяжения нервов стыннут губы - ты ложишься в глубокий окоп и просто ждёшь. Что может в этом мире не попадёшь на войну, на ту самую СВО, внутри которой похоронены даже Боги. Теперь их нет, а ты не сдался, но движешь этой реальностью полноценную смерть. Пусть даже она будет не твоя - ты не сможешь выйти из этого ада, пока внутри тебя не позовёт хозяин судьбы. Сегодня он был российский, а завтра он будет тот, который нужен только тебе и тому обществу, где русский характер преодолеет любого странного зверя. И только в нём ты сможешь увидеть те оттенки слабости врага, за которые судьба даровала военную силу и свободу в будущем. Когда нет ни одного странного оборотня или врага, а вокруг только гул проводов и поезд, за которым не стынет твой час выйти на свободу.

© Атталь-Бушуева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тайна поимённой боли	5
Предисловие:	6
Глава 1: Я жил в городе Шахты, но ничего не видел вокруг	9
Глава 2: Ростов-на-Дону или горький овраг между пропасти ада	18
Глава 3: Танаис не любит современников, а только кровь души	27
Глава 4: Таганрог или наше малое лето	37
Глава 5: Матвеев Курган и ещё немножко боли в дороге	46
Глава 6: И тут начинается настоящее лето в деревне	55
Глава 7: Куйбышево или тонкий ломтик хлеба	64
Глава 8: Я никогда не видел границу такой простой	73
Глава 9: Снежное - это, когда можно не смеяться	82
Глава 10: Шахтерск как зубр между брёвен души	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Тайна поимённой боли

Тайна поимённой боли

Предисловие:

Как никогда я шёл и внутри меня kloкотало сердце. Оно было набито тугими пряниками. Именно такими, как мне готовила бабушка в детстве, но я никогда не подозревал, что стану в будущем военным. Для меня это не было обычным долгом. Это было такой рутинной, что невозможно представить себе Россию без изначального суверенитета. В нём ты дышишь и живёшь, а сегодня просто капает пот со лба и выдаёт мне ещё немного сердечной доброты за моё непокорное будущее. И теперь я иду и не вижу того плотного потолка, что спадает уже с меня, когда мне модно будет думать по-русски и говорить такие тёплые слова для моей семьи. Но сегодня меня призвали и это будет не конечной точкой внутри парадигмы сознания боли, таким себе намёком на долгую и другую жизнь, которая никогда не закончится. Даже если начнётся другая Специальная военная операция, то она будет держаться в глубоком секрете и надо мной не будет уже иного неба, как только бы русское. Оно и сегодня ходит и будоражит мой восторг, чтобы играть от призрачного полнолуния в голове и манить куда-то на другую поимённую сторону.

Когда не знаешь никого вокруг, то и тебя никто не знает. Ты живёшь постоянно в пред-рассудках сам с собой, но автор твоего письма - тебя же и не знает. Ты как бы пишешь некоторую ретроспективу и сжигаешь её на окне такого бы вечного восторга. Чтобы и там стать себе сегодня мудрым или идейным внутри военной подготовки. Где раньше можно было думать более абстрактно и считать в небе бабочек, а сегодня вся техника стала бы уже контактно-цифровой. И ты в этом воздушном прянике моды просто живёшь и дышишь, как некая букашка, которая шепчет свой просторный и непередаваемый русский вид. А на глазах только играючи слетают слёзы и другие формы монументальной живописи. Когда бы абстракция, которую ты рисуешь - не рябит в глазах, а ты не можешь быть просто славянином или путаться внутри непередаваемой игры слов. Ты можешь пройти свой военный путь, но остаться там верным себе до конца. Так и я решил устроиться в пути такого бы прогрессивного русского мышления и вступить в ряды самоотверженных военных. Внутри которых нет ни капли маразма, но тает ужас человеческого непонимания жизни. Потому что на войне оголяется твоё нутро и ты становишься более чувствительным. И чтобы не падать в такой бы красоте первозданной логики - ты должен бороться за свою русскую мысль, когда враг подступает на расстоянии километра.

Так и я несу в себе эту каску мудрости, но не вижу своего фантастического образа Земли. Я бы так хотел улететь вдаль, чтобы видеть свою работу сверху, как будто бы с карты полёта. Где меня нельзя было бы убить или покалечить. Над моей головой дул бы земной тёплый ветер, а у меня в голове трепетало бы второе рождение между людей. Ведь не все могут с радостью принять вызов внутри. Но я пришёл к нему уже в 2022 году и теперь не буду очень длинно вилять своим хвостом. Ведь он у меня не заезжен ранами на пока ещё не сложившейся стихии слов. Я был конечно трудным ребёнком в детстве и у меня было много власти в руках. Но ни одна моя победа в обществе не обошлась мне, как зазубрина в мозгу. Она только стала той русской судьбой, где я развиваюсь и буду играть под плетью уже бы новых приключений. Которые ждут меня впереди, чтобы уберечь в будущем всех других людей. Тех, от которых ты можешь быть в зависимости или тех - кто связан для тебя кровной моралью любви.

Поэтому я веду такую историю, над которой нет цели проникать в сердце дважды. Пусть бы оно проникло само в тебя и уже звучит, как сильный в слезе командир. И он вышел к тебе сегодня, чтобы стать уже более уверенным человеком, где много фраз лежат внутри фатальности бытия. Как например: «Быть или не быть? Решать или опять оставить на сердце? Любить или быть любимым?». Я так и не понял до конца Россию, где можно состояться уже в один шаг. И этот шаг будет для меня сделан прямо сегодня. Он выйдет из моего тела и наступит

прямо как солнечный свет. Где в груди очень много приятных впечатлений, а сам ты не ищешь их ступень понимания рамочности в бытие. Ведь у жизни очень много граней и все они лежат в твоей бы голове. А ты не можешь сегодня выиграть и только потому, что сам не знаешь как пройти сложную дорогу. Но выйти на поле сражения совсем не трудно. И ты сделал это в 2022 году, чтобы иметь новый шанс преуспеть в жизни.

Так бы и отдал долг для своего военного положения, храня в сердце такую бы философию победы, что трудно вообще дышать. А ещё труднее видеть, как капают с лица капли пота и ты режешь сегодня новый инструмент для управления миром. А он поначалу не поддается, но лежит вокруг окрестностей российской границы. Ты пытаешься нащупать бы свой иноземный предел страсти в вине, а страх окутывает всё ближе и ближе. И уже в восемь часов вечера тон твоего голоса потихоньку спадает, чтобы выбрать искусство - твоим вторым современным названием для души. Так пусть это будет российское военное искусство, внутри которого хранится доля человеческого оптимизма. Я ведь знаю, как она важна для меня, но иду дальше, чтобы видеть конформность этого мира. Ведь противник не так прост, но отложенное действие не принесёт ему сил для нового удара. Потому что внутри философии русского сердца нет истинной вражды. И не было её никогда в пору ответов даже самых жестких в мире. И если бы положить на чашу весов такое бы опротивевшее чувство зрелости в голове, то ты можешь думать и как ребёнок.

Однако, сам не ищешь в глазах свой ветер от сомнительного тона иллюзий в жизни. А они всегда с тобой. Когда оружие в руках, и когда нет никого, а только точный обзор в очках ночного видения. Он пронзает тебя своей остротой, но зовёт вдаль, чтобы не пробовать на вкус уже бы другое лето. Я увидел в своём оптимизме, что смогу победить страх. И может во мне есть гость такого бы тепла и несломленной надежды на успех. Я вижу ту гордость, с которой прощаюсь с семьёй, но внутри я никогда не буду один. Такой бы символ любви может быть как орёл или как ветер в руках. Он несёт тебя по волнам твоей человеческой свободы. А ты идёшь ему навстречу и слышишь только тени пререканий от других людей. Как они накапливают личные страхи или ждут, что современность даст им новый иммунитет. Но она, к сожалению, даёт им только болезнь и ту, от которой можно было бы погибнуть, как стёртый камень изнутри. Не рак конечно, но какой-нибудь неизлечимый вирус или такое приключение, которое не проходит никогда.

Вот и я прошёл через странные испытания совести и вышел к своему будущему футуризму, чтобы наладить в глазах сонные тени из векового строения мира. Они подсказали мне, что будут ждать уже на другой мистической стороне, внутри которой я никогда не буду один. Я веду там голос своей бы изнеженности и мужской харизмы, но не вижу больше ни одного человеческого чуда. И всё это потому, что там нет людей. Их просто сделали призраками, но такими, которые не могут тебе сегодня навредить. И они станут только резать глаза и щипать своей бы вечной неприкаянной надеждой. Что можно меня в чём-то обмануть или понять мою гордость в дыхании жизни. Я же иду и не верю, что стал сегодня мужчиной, который сведёт счёты с врагами, напавшими на Россию. Это будет, как небольшое футуристическое приключение, где нет отшельников или зомби, но иногда проявляются тени великолепного слоя монументальной лжи. И эта ложь лежит сквозь сознание жизни и не водит пустой обращённой надеждой между людьми. Потому что на моих врагах нет почти никаких отметок. Им строго запрещено иметь сегодня другие фолианты совести. Так как они принадлежат к неофашистскому подполью и буду повержены через несколько минут.

Внутри меня встрепелся чёрный ворон, а сам я стал просто невидимкой. Потому что внутри меня нет спонтанности биться с врагом напрямую, но обходить его с тыла и мелькать уже бы как делают профессиональные силе люди. Внутри себя я конечно же стал быстро профессионалом. Мне всего двадцать лет и волны мудрости уже захлестнули мою свежую голову. Чтобы не гнаться за волком туда, где нет никого, а только тени спадают от нарочито формен-

ной болезни. Я не хочу болеть, а жду, как в каждую минуту моя совесть станет уже ролевой и освободительной. Чтобы психологией моей русской души она сняла возрастные рамки и я понял, на что имею подлинное благородство и силу. Когда я могу быть благородным русским, а когда могу увиливать от страха врага. И так я становлюсь невидимым, но точным и краеугольным камнем, от положения которого зависит и мой дух. Он сегодня сильнее, чем это может показаться на первый взгляд. Отношения внутри меня не стали обязательным испытанием, но поддерживаются такой бы философией мудрости, которую я смогу попробовать на поле боя.

Внутри трепетало мужество и свет рождался в каждую такую минуту. Я вышел на улицу в городе Шахты и стал курить. Может сегодня я понял, что меня уже бы в будущем не найдут. Главное, чтобы это всё проходило далеко за гранью моей реальности. В которой я был простым парнем из города Шахты, но жаждущим ощутить всю прелесть уже бы глобального мышления мира. Этот мой внутренний компас настраивал меня на такую бы агонию света и тьмы, когда ты не можешь расслабиться в себе. Пока кто-то внутри не одержит волевою победу и теперь я точно знаю, что одержать победу должен именно я. Потому что я прошёл специальную подготовку в военной части в городе Шахты и мне не так страшно иметь при себе: накопленный опыт и возможности в будущем. Они дают мне надежды не умереть под тонкой гранью маразма и полноты видения бы мира изнутри. Когда ты не можешь просто бояться, но дышишь от колкости такого бы поколения мира изнутри.

А мир всё не приходит и не приходит, трудности же при этом остаются. Я видел их в глазах моих друзей, с которыми мне придётся столкнуться в будущем. Когда я буду с ними воевать на образованном транспортном кольце. Где меня невозможно будет сломать или увидеть вплотную, а сам я буду в защитном шлеме под тонкой гранью морального цинизма. Где есть очень много парадоксов бытия. Я умею их читать каждый день в своей жизни и теперь они стали бы почти что космической переменной в глазах. А когда всё закончится, то время будет длиться для меня бесконечно и никто не скажет, что я был болен войной. Я никогда не болею и не умею проигрывать. Мой возраст - это только моё ощущение гордости, выведенное по руке символизмом сознания человека. Я мог бы говорить, что предатель рядом, но моё чутьё стало для меня новой вехой и уже видит более тонкие вещи, касающиеся моей неординарной личности. Когда все двери закрыты, а ты не можешь ютиться в чёрной комнате раздора, но ждёшь, что туда обязательно придут друзья. Они приходят и ветер сдувает покровы ненависти и горя, а за мной уже висит только бы полная луна.

Она светила мне сегодня ночью в Шахтах и я не снимал своего подозрения внутри личности. А на руке можно было бы просто написать, что сегодня я еду напрямиком в Донецкую Народную Республику. Чтобы там может остаться навсегда или выучить очень много новых языков, которые помогут мне победить этого странного врага. Он стал для меня гибридной ловушкой, внутри которой неприемлемо дышит пламенный зверь тоски. А я дышу ему вслед и моя окаменелая личность не смывает позор, полученный в прошлом. Когда некого было винить от той бы злобной и неоправданной боли вокруг. Но я ещё не знал язык моего врага, а он уже караулил меня у порога. И теперь стало почти что светло и я могу увидеть полный отсвет уже бы линейного страха на земле. На той, на которой я буду биться среди очень опытных бойцов и доказывать им свою степенную и зрелую удачу. Она пришла в мою руку сегодня и внутри меня зажёгся Вечный огонь. Теперь он горит прямо передо мной, чтобы вспомнить уже бы Союзные войска и ту породу важности в глазах, от которой я никогда не бегу. Так и теперь я не буду бежать назад, а только привыкну к этой неопределённости. Пока внутри меня сжаты кулаки и тонкий стиль мужского эго стекает на образ вечной русской харизмы в глазах.

Глава 1: Я жил в городе Шахты, но ничего не видел вокруг

Шёл ноябрь, по коридорам тоски незаметно мелькнула тупая придорожная смесь яда. Она была похожа то ли на человека, то ли на животное, о котором можно сразу и не подумать. Можно только летать, прямо как бабочка в небе, чтобы ещё больше ждать приближение нового года. Он конечно же не был обычным для меня. Уже с утра Артёма приговорили к некоему ритуалу такого чувства патриотизма, что сразу то и не оклемаешься. Точнее не очнёшься внутри пагубы уже давно приведённого смога тоски, в которую хочется поскорее упасть на дно. Я не был обычным мужчиной, но был сегодня девятнадцатилетним юношей. И чтобы не говорить больше - я никогда не хотел стать Артёмом. Может потому, что я им и никогда не был на самом деле. Просто притворялся так для вида и нехотя подрабатывал на местной радиостанции. В то время я учился в городе Шахты в небольшом колледже. Это был строительный колледж с уклоном в инженерную область исследования экологии окружающей среды. Я даже не знал кем буду после этого обучающего инструмента гордости внутри России. Но был немного выше уже своей давно заведённой цели думать.

Поэтому, как-то раз в пятницу в ноябре я шёл по небольшой жёлтой песочной дороге куда-то вдаль, а куда я и сам не знаю точно. Может, чтобы немного покуралесить в местном клубе, а может для того, чтобы набить морду ещё одному нелестному подонку. На которого я может просто не захочу смотреть и не буду этого делать. Но только Бог мне судья и очень может русский стиль моей благополучной жизни. Чтобы никогда не думать о плохом и не робеть на том самом краю пропасти, где мы постоянно живём. И хотим никогда не упасть на другую пропасть тоски. А немного барахтаемся и визжим, чтобы, когда мы сами очнулись от такого бы быстрого всплеска радости и страсти, то уж точно придумали как жить дальше. На этой мысли я быстро выкинул окурок в приближающуюся ко мне урну и стал думать о своём будущем.

Вдруг, по моей немного запотевшей и чёрной зимней куртке пробежала небольшая тень. Может это была тень от уличного фонаря, что светил мне уже почти вечером. А может просто рано потемнело и у меня в глазах был только город Шахты. Ведь я почти ничего не видел вокруг себя самого. С тех самых пор, как мерно поступил в колледж. Там я нашёл несколько симпатичных друзей и мог им довериться на будущее. Не дружков, а именно друзей, чтобы можно было не называть их в беседе по фамилии. Так я изживал внутри себя некий вид цинизма, но точно не думал, как пройдёт мой сегодняшний вечер. А он прикоснулся ко мне, как чёрная кошка, что хочет быстро взобраться на плечо. И нисколько не переживает, что я буду жить в России всю свою оставшуюся жизнь. Где буду иметь маленьких детей и может даже смогу их благополучно вырастить.

В этом ноябре я много познал на своём роду, но меньше всего я хотел попасть конечно же в армию. Ведь у неё нет для меня искусственных сапог или ещё чего-нибудь своего, чтобы просто поговорить по душам. А может продумать мой следующий шаг на свободу, где я смогу бы жить довольно вольготно. Мне было трудно сброситься с крыши моего ментального дома. Ведь Артём жил на пятом этаже и думал сегодня с кем-нибудь встретиться. Или хотя бы поговорить немного по душам. А оказалось всё немного прозаичнее. Некий мужчина по имени Александр Викторович Остапенко остановил меня и попросил показать документы. Я нисколько не нервничал и просто дал ему немного своих документов. Чтобы тот подумал и перешёл уже бы на мою сторону.

Не для того, чтобы я начал видеть всё вокруг, а чтобы может понял, что на дворе идёт война. Ведь город Шахты был недалеко от границы с Украиной и мне пришлось бы влиять

много своим нутром. Где бы Артём придумывал огромное количество анекдотов, и потом перемещался бы вместе со своей тенью прямо на юг. Может на юг России, а может и в самую глубокую и дальнюю Африку. Чтобы там меня увидели коварные крокодилы и породили бы множественный космос в своей голове. Я никак не хотел поверить в то, что я совершенно годен к службе в армии. Я всячески отговаривал там себя самого, что могу только пройти немного строем вместе со всеми. А потом ещё немного покурить может в одной компании с ребятами, но не бежать сквозь препятствия и боль.

Ведь она самая давала мне очень много проблем в жизни. У меня была девушка Варвара, которая никак не хотела за меня замуж. То ли сама она боялась, то ли её отговаривали родители, но больше всего я винил только самого себя. Не будь сам внутри свиньёй - я так и не сделал себе справку по здоровью, а значит был уже полностью готов служить на благо Родине. Ведь в ней я мог пронести очень много через сложное поле конфликтности и не застрять в нём самому. Когда даже будучи маленьким ребёнком я мог говорить с полной серьёзностью о самых страшных вещах в жизни. И эти вещи потом никогда меня не преследовали, а преследовали меня только друзья, которые мило развесили свои уши. Ноябрь тянулся неспешно и я тянулся к нему со всей своей силой. Чтобы ещё больше распрощаться может с молодостью, а может и где-то с будущей любовью.

Потому что Варвара была со мной ровесницей и постоянно мне снилась последнее время. Она пыталась меня предупредить о каком-то списке, в котором я значусь. Не то, чтобы он был подписан кровавой рукой местного генерала, но воткнут в утробу моего же представления о слове чести в глазах. В такой бы жизни всё могло идти наперекосяк, но я никогда не нервничал. Я считал, что все беды можно обойти заранее, но не из всех можно увидеть светлый путь в будущее. Ведь выбраться из сложной ситуации я был мастак, но пройти целую череду испытаний в жизни не так то просто. Александр Викторович сказал мне, что пора собираться на войну. Я не сразу понял, что он имел ввиду и даже немного подшутил, что всегда готов быть полезен обществу.

На это Александр Викторович немного ухмыльнулся и сказал, что скоро он всё сможет проверить. А будет это происходить уже бы в учебной военной части. Куда меня и отсылают на некоторое время для подготовки к войне. Но к какой такой войне? Артём замылся и стал вспоминать о ситуации в обществе. Которая может нагнеталась ещё недавно, а завтра её уже можно было бы не узнать. Такой вот барьерный клич из нетипичного схода лавины ужасов слова и мог меня приподнять сегодня. На целую точность моей же тоски, а может и внимания, чтобы долго не думать и не гадать на тему моего же будущего. Сегодня же был 2022-й год и мне не хотелось много думать о моей учёбе или ещё о каком-то странном страхе за жизнь. Поэтому я решил немного покурить и составил там уже в мыслях некое завещание. Оно было обращено к моим друзьям и родственникам, чтобы они никогда не смогли подумать, что я один такой болван на свете. Просто попался под горячую руку и получил сегодня повестку на войну. Я конечно не был недотрогой, но в пятницу вечером мой путь уже не начинался, а заканчивался на том периметре сложного часа свободы. Где я уже не стою, а просто лежу.

И некий Александр Викторович вручает мне такую бы повестку в надлежащей и очень красивой форме, чтобы ещё раз напомнить о любви. Это конечно не моя любовь к Варваре, а такая искусственная кукла, внутри которой просто нет никого. Там нет и мистического ожидания будущего, но есть военный потенциал силы. Ты берёшь его и раскрываешь на собственных глазах, чтобы цели в жизни все были выполнены. Ведь идти мне пришлось на обучение уже не просто военного, а участника СВО. Там, над самой пропастью, где нет ни одной пролетающей птицы - сидит и топорщится странный старик. Он говорит мне, что в будущем у меня нет никаких преград к боли, а все кто должен будет умереть уже записаны в книге повестей. И эти повести конечно же сам я прочитаю в будущем, когда созрею, как настоящий воин и мужчина.

Так я ласкал своё недолгое сознание в полном тумане. Пока Александр Викторович рассматривал мои документы и приготовился уже бы к осознанию моего настоящего лица. Конечно же это был обычный рядовой, но зато какой. Прямо из колледжа и нарасхват с такой великой инженерной улыбкой и мыслью, что после хочется просто застрелиться. Или застрелить там всех своих врагов на месте, даже не проходя по окопным свалкам через минное поле тоски. Затем через минуту Александр Викторович Остапенко посмотрел в мои честные глаза и позвонил куда-то, чтобы проверить мои документы. Потом, уже через несколько минут я сел с ним в машину, конечно сзади, в такой вот небольшой пикап чёрного цвета. Сидя в машине я познакомился с неким Сергеем и он уже рассказал мне, чего ждать от этой поездки. Я конечно не был суеверным, но увидел в его глазах отражение какого-то мистического зверя, который хочет забрать всех вокруг себя на поле войны.

Сергей немного нервничал и говорил довольно сбивчиво и неаккуратно. Как будто бы он кладёт целую форму яиц на сковородку и жарит их вместе со всей скорлупой. Я даже немного улыбнулся, но понял, что сейчас меня начнут сразу обучать. Когда мы приехали в учебную часть, то мне дали позвонить домой и я даже немного удивился. Спустя некоторое время, когда я поговорил с Бертой - мой стиль уже был почти что как у военного. Конечно не прошедшего много войн, но очень задиристого и энергичного, что даже путник с дороги может устать от моих навязчивых фразочек или новостей. Я любил постоянно друзьям что-то рассказывать или травить анекдоты. Поэтому и сегодня я делал это с наибольшим трепетом и честью. Чтобы внутри у меня открылась, быть может, харизма не свойственная Артёму, но такая, что ты не забудешь уже никогда. Потому что ты не сможешь выжить от моего чувства юмора и просто будешь валяться по полу. И там, немного причмокивая между первой и второй рюмкой коньяка ты будешь уговаривать меня больше не травить анекдоты.

На такой мысли я почти что призадумался о счастье в этой жизни. Как внезапно мне выдали боевой комплект экипировки и ещё какие-то вещи, которые может мне понадобятся. Я бы не сказал, что мне нужно так много внимания от других людей, но скромность почему-то ушла на второй план и больше не показывалась. Я обдал своё тело небольшим жестом и поблагодарил милого мужчину с одеждой. Внутренне я был конечно же не готов. Но у не готового ведь нет никакого внутреннего чутья, поэтому и я приспособился упасть в свои фэнтезийные миры. А их у меня было много. Ведь жил я в городе Шахты с рождения и выезжал оттуда только по большим праздникам. Которые могли быть мне для чего-то в душе полезны. Например, для поездки в Москву мне пришлось долго тормозить Варвару, но мы нарядились в туристов и съездили в большой мир. А теперь и сам большой мир приехал ко мне на чёрном пикапе, чтобы забрать в великолепное будущее, где нет никого.

Там нет и моих родителей Берты и Клина. Они так и живут в городе Шахты, чтобы любоваться местными красотами и смотреть на природный стиль русской красоты. Меняя только своё очередное современное воображение на тонкий хруст булочки. Внутри которой родились их приятные и полезные мысли о семейном будущем. И я хотел бы приспособиться к нему, но сегодня у меня получился внеочередной отпуск. Он мог состояться только по моему согласию или по приказу уже бы президента. Я конечно хотел бы увидеть его воочию, но без надобности и без моих заслуг - делать такое сальто-мортале было бы очень глупо. С работы я отпросился почти сразу. Точнее ушёл в бессрочный отпуск по личным и не передаваемым переживаниям юности. В которой нет никого более странного, чем сам Артём. И может даже Варвара не знает, что толком сейчас у меня происходит в душе. Но завтра она уже точно об этом узнает от моих родителей. С которыми она часто общалась и всегда была в курсе последних событий из моей лихой жизни.

Я сел опять на рельсы и стал сидеть, чтобы больше ни о чём не думать. Так я медитировал и думал, что мне делать уже бы с моей учёбой? Ведь там был очень злой директор колледжа Василий Александрович Райский. Он бы конечно меня понял. Даже то, что я смогу продолжить

учёбу только через два года. Если конечно выживу внутри такого вот социального и личного испытания своей совести. Я не был конечно зазнайкой, но решил на следующий день сам ему позвонить. И после этого звонка около одиннадцати часов утра - я был даже удивлён. Я не хотел ничего ему толком объяснять, но когда речь зашла о защите от нападений на Родину, то мой голос был сразу услышан. И даже учтён наверно где-то в его обучающем кадровом процессе. О котором не знает толком никто, кроме конечно меня и моей сильной интуиции. А она не на шутку распалилась и стала предсказывать мне очень много фантастических событий.

Первые из них начались прямо на учебном полигоне. Нас туда отвезли для обучения стрельбе и разным тактическим приёмам. Чтобы когда мы были совсем не готовы на войне или безоружны, то всё равно были бы с оружием в своей сильной и мужской голове. Так было бы меньше страдания для самого Артёма, но я нисколько не мучился по этому поводу. Ведь я увидел благодаря своей интуиции, как застрелят одного пацана. Это был Илья. Ему было почти как и мне, но на год больше. Прошло только два часа от начала нашей первой тренировки. Я уже даже подержал оружие в руках, где бы не стал слушать много занудных лекций. И вот, в самый такой не подходящий момент у меня было некоторое видение. Из него я узнал, что Илья скоро будет поражён случайным выстрелом в голову. Но кто его убьёт я почему-то не увидел. Поэтому, сам я стал держаться немного поодаль от него, чтобы и себе не схлопотать пулю в лоб.

На следующий день я расслабился и стал сопровождать глазами всех кто смотрел на Илью в упор. Мне казалось, что я просто схожу с ума, но ничего толком не происходило. Как вдруг, в два часа пополудни зазвучала сигнализация и мне показалось, что наступило дежавю. Я давно не испытывал такого бы нечаянного расстояния глупости и подлости внутри своей небольшой головы. Но попытался сразу найти для себя надёжное убежище. И как правильно, что я попытался это сделать! Ведь некие вражеские БПЛА или дроны, как их называют местные люди не ради шутки и не ради любви - посыпались на исходную позицию. Она была занята немного на высоте птичьего полёта и рассмотреть их было довольно сложно. А вот поражающая их часть давалась мгновенно и по живому была точно в цель. Так и в одного моего знакомого Илью попало вот такое бы сооружение иностранной честности. Где ты не можешь просто взять и отпрыгнуть в сторону, а только молчишь. Если сумеешь спрятаться в боевом укрытии для себя самого. Артём конечно же успел это сделать, но выдумал очень много шуток про себя.

В голове звучала сирена и мне стало плохо в груди. Я съёжился и набрал в лёгкие побольше воздуха, чтобы успокоиться. Но в такие моменты не имеешь в глазах ни одной пули, чтобы ответить на такой вот поражающий дрон. И это ведь были далеко не разведывательные, а именно ударные дроны. Им было всё равно на людей, потому что это радиоуправляемая машина, собранная из стальных частей. В такой вот корпус личной выгоды, что сам ты не можешь никуда от них убежать. Ты ищешь там выход и прячешься, а этот большой глаз смотрит на тебя с неба и молчит. Он молчит только несколько долей секунд, а потом изрыгает на тебя молниеносный удар и стиль его логики далеко не безбрежный. А такой себе правильно упреждающий, чтобы больше уже в жизни ничего не хотеть.

Поэтому и сам Илья больше уже ничего не хотел. Ему не повезло вовсе, так как он находился прямо в зоне поражения этим дроном. Летающие и смертельные звери разбежались, а внутри у нас осталась вот такая досада - быть обычным русским воином и не думать, что это плохо в жизни. Не потому, что ты можешь задеть чьё-то странное восприятие в жизни, а просто потому, что ты должен выполнять свой мужской долг. Ведь больше некому быть няшечкой в такой сложной ситуации, где много неизвестных и парабол и никто потому впереди тебя не светит. Ни фонариком жизни, ни ещё каким-либо испытанием на верность Родине, а есть тонкий и неимоверный ужас в каждом твоём глазу. Поэтому я стал прислушиваться к своей милой интуиции и к её подсказкам. Чтобы впредь идти туда, где эти самые неизвестные не смогут сложить для меня чёрный квадрат.

В тоскливости ли этой жизни или в ином каком-то бы измерении, где я уже не живу в 2022-году, а например, нахожусь уже бы в 3033-м году и вижу всё оттуда. Как за слепой стеной непонимания внутри изничтожившегося чувства времени. Оно само себя уничтожило и пустило туда бы небольшого путника, чтобы дать ему подсказку и выиграть при этом какое-то иное значение на пути. Я толком не знал этого иного пути, но стрелять из автомата АК-12 и АК-9 я научился. А сам я при этом почувствовал себя какой-то разрывной пулей, с небольшой начинкой гордости и терпения. Которая сможет тебя разорвать по дороге в некий будущий рай и ты уже не будешь там человеком, но станешь настоящим героем. Внутри такой вот матрицы и несбывшихся желаний врагов, о которых можно просто ничего себе и не помышлять. Ведь я жил просто в Шахтах и не думал ни о какой личной казни по судьбе. Меня трудно было вывести из равновесия, а итог за моей спиной всегда был дорог только моему ближайшему кругу людей. Среди них было несколько друзей, Варвара и мои родители. Которые пожелали мне успехов и обретения нужных мне качеств в жизни. Где я уже не смогу никогда потерять свою мужскую личность.

Или потерять такую бы черту характера, которая помешает мне стать профессиональным военным. Так я размышлял о своей новой жизни и решил позвонить и Варваре. Уже вечером я набрал её номер, но что-то тайное запеклось у меня в груди. Это не был сигнал к самообороне, но было что-то коварное, что может привести меня в настоящее бешенство. И наверно всё таки это была моя мужская ревность. Ведь когда я долго не видел Варвару, то у меня находилось очень много отговорок для других людей. Чтобы увидеть эту стройную блондинку снова и понять те чувства, которые я испытываю в данный момент. Пусть этот момент теперь был в учебной части, но он принимал облик такого же зеркального зверя. Чтобы отпустить меня в воображаемые миры или на последний поезд моей ещё не ушедшей молодости. Потому что терять, в принципе, было то и нечего. Я манил очень многих, но ждал, что моя работа над собой даст выгоду не только мне.

Артём конечно не хотел, чтобы им только гордились и восхищались, но хотел и подавить свою личную ревность к любовной муке. А она сегодня прижалась таким зверем к душе, что я сильно держал трубку и был очень красноречив с Варварой. После получасового разговора я вроде бы успокоился и принял опять заметно свою позу. В ней Артём находился каждый раз, когда ему предстояло сделать в жизни выбор. Сегодня он был в пользу моего родного города Шахты, который я хотел отчаянно защищать. Так я думал конечно до последнего момента. Пока внутри нашей учебной части не начались занятия по изучению оборудования для войны. Точнее изучения боевых наземных машин для войны и их особенностей поведения на поле боя. Мне понравилась такая психология обладания новой тактикой, а внутри своего поведения я даже добился личной выгоды. Я был, то механиком, то наводчиком, а то стрелком и всё мне удавалось очень хорошо и слаженно. Чтобы найти там нужный выход из этой тошнотворной матрицы, где бегают маленькие нацисты.

Ведь был ноябрь и мне нужно было бы обучаться ещё два-три месяца до первого своего испытания. А значит, я проведу новый год в учебной части и может быть даже с кем-то подружусь на этой почве странного восторга. Я конечно не хотел кидаться шапками к небу раньше победы, но видел в этом некий символический стиль поведения. Когда ты не знаешь, что будет в конце твоего пути, но настраиваешь себя только на лучшее. На то самое лучшее, что можешь дать себе и другим людям, которых ты может даже и не знаешь. Или не видел никогда в жизни, а они ждут от тебя такой стройной политики, что даже придыхание появляется. Артём стоял так на улице и покуривал сигарету, а в воздухе летали странные птицы. Они так близко приглядывались к Артёму, что можно даже было спутать их с дроном. Но я был всегда начеку, чтобы не обдать самого себя иллюзорным воздухом или просто не спятить. Когда на тебя летит дрон, а ты не знаешь, что с этим делать? Ты можешь махать руками или сжимать кулаки, но это пользы точно не принесёт.

В воздухе стоял небольшой мороз, а моя учебная экипировка мне вполне уже бы нравилась. Она бы понравилась конечно и Варваре, но ей я её покажу немного позже. Когда все тени разойдутся на две части целого, а полночь примет уже другой поворот времени. И тогда, мы все сольёмся внутри такой бы трагичной матрицы чувства мира, что победа станет идейным проводником на иноземное поле игры. Туда можно будет попасть только через военную самоходную машину или взлететь на военном самолёте. Куда ты сам можешь добраться только через войну. Чтобы там перенестись уже бы в будущее или в такую точку детективного невозврата, где нет никаких маленьких нацистов. А есть только кучка странных людей. Они могут быть из разных концов нашей планеты, но все они просто заблудились на ней и не могут понять - кто есть кто? А ты такой великолепный выходишь и читаешь им нравственное замечание, чтобы принять мораль уже бы будущего. В котором тебя собственно и нет.

Ты жил когда-то в Шахтах, а теперь вот блуждаешь по времени своей воли и ищешь там небольшое скопление нацистов. Внутри которых хочешь понять, что они такое на самом деле? Кто их программирует на эту войну, и где их боевой железный конь, что приведёт их самих на верную смерть? Мой сегодня был совсем рядом. Я освоил уже несколько разных боевых машин. Но больше всего мне понравилось конечно ездить на танке. В нём была какая-то особенная романтика, чтобы сквозить среди людских черепов и костей. Когда уже нет никого, а только гусеницы оставляют терпкий след на твоём незапамятном сердце военного времени. Оно теперь немного бьётся по-другому, заставляя меня задуматься о личной свободе более глубоко. Чтобы сам Артём понял, что после его двадцатилетия жизнь уже не будет никогда прежней. Она не пройдёт конечно бесследно, но найдёт для меня новые источники силы. А я буду ими управлять, как будто бы сам сижу в танке и виляю такой вот своеобразной химерой души. Её мне подарили в детстве и не смогли больше ничего с этим сделать. А Берта стала постоянно нервно расспрашивать меня о странностях уже моей жизни. Как будто бы она сама чувствовала что-то непреодолимо большое, что может возникнуть на моём пути в будущем.

Это не был враг или плохой совет из прошлого, но было такое ощущение, что когда я жил в Шахтах, то никого толком не замечал. Я воспринимал всю жизнь именно внутри своего воображения, но не пытался подгадать о его значении в будущем. Это родство личной выгоды ума и риска сменяло мою чуткую натуру на довольно прагматичный характер. Поэтому среди военной выправки и новых навыков мне больше всего нравились конечно же тактические. Точнее аналитический подход или попросту разведка. Ей я уделял больше всего времени и не мог обдумать мало деталей или не думать вообще. Всё стало происходить автоматически, как будто бы в некоей чёрной коробке из моего же мозга. Он был из обычных костей и крови, но внутри свободолюбия даже небольшая толика страстной черты давала новую черту личности. Так я мог бы воспитать себя заново аналитически или понять - кто я такой на самом деле?

Артём плохой или же Артём хороший, но правильный для других россиян и невидимый для иностранцев. У меня в душе возникла некая подушка безопасности, к которой я даже мог немного пристраститься. Я почувал её уже в самом начале своего пути, но у меня не было должного терпения, чтобы разгадать этот ребус природы. Я только всегда хотел забежать немного вперёд из-за человеческого любопытства. Где сам не можешь стойко остановиться, а ищешь пыльные полки сознания, чтобы их прочно и стойко протереть. Так и я научился протирать свой мозг, чтобы он не застыл на половине моего уже бы жизненного пути. Когда я стою с автоматом в руке и не знаю, что дальше будет у меня на горизонте? А сам горизонт то уже большой и сложен так, что многим не пройти. На тебя смотрят те же люди и диву даются. А ты им кричишь вослед, что всё хорошо, но останется в живых только сильнейших. Такая череда психологических испытаний воли и собственного тщеславия. Которое будит и зовёт меня постоянно вперёд.

Чтобы и там я прошёл на поле боя и увидел впереди себя нужного тактического врага. Не сменяя при этом маски со своего лица. А немного притронувшись к личности уже скрытой,

но всё же сильной и мужской. Там я не буду много рассказывать анекдотов, но сброшу парочку бомб для таких вот циничных любителей нацизма. Чтобы и они поняли всю сложность пребывания в культуре мировой войны, где нет конца прошлому. А будущее просто постоянно повторяется. Как будто бы это цикличная матрица и она зовёт тебя обдумать твоё сложное прошлое и может будущее. Ты не можешь выбрать из этого просто ничего, но совершаешь небольшое сальто-мортале. Оно обнажает твою гордыню на полную мощность и зовёт уже бы поговорить о чувствах плохих. Ты изливаешь их самому себе на душу и ждёшь, что конец всё таки наступит. А он не приходит и не приходит вовсе. Как будто бы Вторая мировая война вовсе не закончилась. Она сложила только часть своих полномочий, но не перестала действовать полностью на людей нашей планеты Земля.

Просто кто-то уже забыл о войне, но многие люди помнят. А я такой бодрый Артём живу в Шахтах и вообще не вижу ничего вокруг себя самого. Я не падаю в густой белый туман, но живу в России, чтобы придумать себе новую историю по судьбе. Но не все могут такую бы историю придумать. Некоторые так и живут тем прошлым, которое осталось в международных документах. А нынче уже некоторые из украинских политиков нашли и этому праву свою нацистскую основу для подражания. И так они стали приговаривать некоторую правду на личном языке мысли, о котором никто толком не знает. Может знают только пришельцы, но чуда тому они никогда не совершат. Ведь им всё равно на землян и кто будет дальше играть в эту странную игру под названием «Пребывание в аду». На территории которого находятся почти все постсоветские страны. И их нельзя в этом обвинить или переубедить, но можно только дотронуться до смысла такого вот состояния, где нет войны или она прошла.

В моей голове конечно она прошла, и не застала там почти никого из моей семьи. Застала Вторая мировая война только моих бабушек и дедушек, но им уже очень много лет от роду. Я не хотел опускаться в подробности прошлого. Даже тогда, когда у меня в душе был обычный патриотизм. Ведь он придавал мне некоторое величие. Что можно просто взять и одолеть мировой фашизм и не думать больше о нём никогда. Ведь если о нём думать постоянно, то можно прийти к нервному состоянию. Не вылечить этот странный синдром, а просто обозлиться на весь мир и замкнуться на долгие годы в себе самом. На такой шаг я конечно идти не хотел, но уроки прошлого подсказывали мне, что идея старой идеологии двадцатого века ещё не пришла к своему финальному умозаключению. Она просто подвисла и висит под политическим потолком. Под которым живём все мы, но не можем найти себе пристанище в жизни. Мы барахтаемся, как прокажённые личности и не видим той суматохи проходящих лет. А внутри твоего уже чёрного ящика копится настоящий огонь и страсть, которые могут вырваться наружу в любой момент. Ты точно не знаешь, когда это произойдёт, но думаешь, что видно в следующем году. На поле боя, там, где уже почти нет никого из двадцатого века, но молодых нацистов очень много.

Все они скопились сегодня в очередь и не могут понять: почему так дорого нынче жить? За что платить такие деньги в обычной торговле, если можно просто нажиться на халяву? И так по каждому вопросу, где есть такое же отражение грубого национализма. Который идёт и не хочет гладить тебя по человеческой шёрстке. А ты не можешь дать ему выход из себя, а ждёшь, что встретишься с тенью уже бы не своего лица. А например, такого бы бравого нациста, который будет тебе говорить, что жизнь проживать - одно удовольствие. Что можно поднять много денег и также дать этому личное объяснение. Чтобы не ходить далеко к гадалке, когда уже всё есть под рукой. Но только вот как оно добыто под этой самой рукой? Что ты можешь противопоставить обычному стилю проживания гражданской жизни? Я долго думал на эту тему и пришёл к довольно печальным выводам. Меня носило туда-сюда и курить хотелось постоянно. Но в глазах я видел смеющуюся Варвару. А сам настраивал уже бы военный автомат для поражения врагов в будущем.

Противопоставить обычному стилю жизни можно только лишь бизнес. Но не всем он идёт, точнее не все могут стать бизнесменами без криминальных приёмов в душе и в личности. На моей жизни было много примеров успешных людей, а я всё чаще задавался вопросом: «А какой путь я сам выберу для себя самого?». И сразу отвечал на него, что буду обычным пацаном, который живёт в Шахтах. А профессию я всегда оставлял на сладенькое, чтобы не давать себе жизненного прельщения в будущем. Когда оно ещё не наступило, но ждёт меня за следующим бы поворотом моей совести в жизни. И уже после нового года в начале 2023-го года этот поворот стал проявляться. Точнее сначала я увидел его глаза, рот, а потом понял, кто этот человек на самом деле. Это был наш военный командир. Точнее начальник нашего центра обучения и дальнейших инструкций по поводу военного дела. А звали его Виктор Георгиевич Саломей. Он был не высокого роста, но довольно хорошо сложен, чтобы не думать прямо ему в душу. Не пытаться достать до его берегов странной жизни, где мы уже наравне.

Я хотел бы конечно с ним поравняться сразу, но сегодня был искренне вежлив и немного только спросил: «Который час?». На что Виктор Георгиевич улыбнулся и сказал, что время действовать и идти уже бы в настоящее будущее. Что он подразумевал под настоящим будущим - я не знаю, но вдаваться в причины этого ответа не стал. Я хотел только узнать точный маршрут и цели нашей военной работы. Чтобы внутренний патриот в моей голове не сломался, а стал ожидать бы целую свору уже другой говорящей жилы вреди людей. Все они говорили о многом и говорили так ярко, что загорались при этом как разноцветные фонари. Я было немного опешил перед картами, когда мне показали сложность прохождения данной местности. Нам нужно было бригадой из пяти человек пересечь границу с Украиной и освободить несколько заданных целей от тех самых странных нацистов. Или того очередного факта неустроенности внутри головы, при котором они не дают жить нормально обычным людям. Потому что это уже настоящая республика. Точнее Донецкая Народная Республика со множеством нетипичных мест и отголосков.

Куда бы хотел попасть самый настоящий нацист. Но сегодня ему запретили это делать и я ничего не могу сказать вослед. Артём только видит глаза хитрого Виктора Георгиевича и просит его объяснить всё более подробно. Или положить на такую бы полку совести, где информация точно уляжется и будет очень практичным методом преодоления собственного страха. Даже когда я никого и ничего на свете не боюсь, но вижу только лишь глаза своих сослуживцев. Внутри которых нет того же отражения стиля свободы. Он стал моим и горит только для меня, как чёрный ворон или мистическое предзнаменование будущего. Которое никогда может прийдёт, но ты видишь эту траекторию полёта мысленного эго и легко увливаешь от своих бы уже врагов. Они сжались в небольших наземных укреплениях и не могут просто оттуда выбраться. И всё потому, что ты сам мысленно уже бы их закидал боеприпасами на высокое расстояние своей же гордости за русскую душу.

Мне её нисколько не жалко и я буду вести этот диалог сам с собой, чтобы расположиться поудобнее и смотреть напротив смерти на поворот. Сегодня он был в глазах нашего командира и он сказал мне, что будет руководить нашим отрядом до тех пор пока мы сами полностью не освоимся для поражения практических целей. А их было очень много на карте и все они мелькали, словно чёрные мушки на лице. Когда не можешь отгадать ни одного предназначения для такой вот мушки, но видишь, что она точно европейского происхождения. А ты то русского происхождения! И получается небольшая незадача на плоскости уже бы некоторого шанса в душе. Чтобы выжить и там не спрятать своё циничное состояние наружу, но добить бы такого врага. Что лежит уже прямо под ногами, но тянет за собой целый воз из стран. В которых ты видишь только старую Европу или стиль такого бы закономерного и личного анекдота. На эти темы смеяться я не любил, но тыкать пальцами во врагов также бы не стал. Просто моя военная подготовка ещё не закончилась, а профессионализм уже бы вырос и стал космической высоты. Чтобы никогда уже до него никто живой на планете Земля не смог бы никогда добраться. Если

бы захотел или не захотел, но бежал постоянно, чередуясь вслед за этим с железной пустотой и тишиной неокрепшего мозга своей плоской души.

Или души такого бы нациста, что нельзя никому сказать плохого о своём оппоненте. Ведь ты вежливый человек, но на войне сравниешь и там с землёй такого же вежливого человека внутри нацистской оболочки его темноты. Поэтому Виктор Георгиевич Саломей показался мне вполне обыденным как личность, но очень необычным как военный. Он имел такую хитрую выправку и блеск в глазах, что когда он что-либо рассказывал, то все вокруг немного замирали. Или превращались уже бы в небольших русских зайчиков, которые хотят прыгать только за своим командиром и не думать там ни о чём плохом на свете. Как будто мудрость их старшего брата стала и их мудростью души, а этот круг переливов внутри матрицы уступил бы сегодня уже даже человеческой смерти. Конечно не моей смерти, но может быть чьей-то другой. Когда Артём может увидеть в глазах и такое необычное действие, над которым станет постоянно рассуждать и тормошить свою сознательную совесть.

Когда нет списков на такую бы боль, а ты не ищешь её тёплого оправдания внутри ревности. Потому что ревновать больше не к кому. Ты пущен уже на самотёк и стал полноправным членом общества. Таким обученным и стойким, что можно прямо из города Шахты, точнее из его пригорода, оправляться на дальнейшее расстояние. А куда точнее нам нужно было бы отправляться - не знал почти никто, но догадывался, что в новостях об этом конечно же не расскажут. Только буду крутить социальной информацией о неприхотливости нашей жизни. О том, как можно выживать среди санкций и вести слаженный бизнес-проект. А он конечно же состоится не у всех людей, но будет щипать сердце до последнего. Я не хотел думать о том, где будет наша первая постоянная остановка, но ждал уже бы просто отправки. Туда, откуда я смогу принять на душу целое состояние гордости или спасти свою сложную мужскую цель.

Когда ты ставишь её перед собой, но идёшь только окольными путями. Ты разворачиваешься вполоборота и смотришь так упрямо, чтобы понять: что в тебе собственно не так? Может ты сегодня чем-то обделён по жизни и не хочешь развиваться? А может эта самая жизнь скрыла от тебя долгожданный факт уже бы из твоей личной биографии? У меня их было такое количество, что можно собрать целый томик из исследования о неопознанном и неизученном в мире людей. Я не боялся постоянно рассказывать на эту тему анекдоты и желал того же самого и другим людям. Точнее корешам, с которыми мы должны были бы преодолеть этот страх будущего и не умереть насовсем. Точнее умереть только внутри себя на одну сотую доли секунды, чтобы понять кто мы такие на самом деле? Куда мы движемся и что будет в нашем расположении уже бы в конце этого загадочного и стихийного пути? Когда нет уже ни одной чёрной мушки на лице, а нацистам нет входа в оборотный предел личности за твоей спиной.

Они просто не могут там спрятаться или принять облик призрака. Но будут выжжены из такого бы повторения матрицы в жизни. Чтобы там никогда больше не проявиться и не осознать бы былую болезнь в душе. Ещё бы немного и я совсем расстроился, но сам взял себя в руки и поправил куртку. На дворе была зима или уже виделся её окончательный призрак. Чтобы потом ещё немного уловить весенней улыбки и продолжить наш путь. Когда бы ни один из нас не сможет принять свой мир таким, как он есть на самом деле. А наоборот, будет долго разыгрывать душу перед врагом, чтобы и твоя маскировка личности стала звериным оскалом уже бы трагедий в такой душе. И так бы душа твоя закалялась и жила бы в прошлом и в будущем, но плыла по обоюдному пережитку вольности. Если, конечно сама она этого захочет и не будет пускать там слюни по жирной гражданской среде людей. Ведь к ней можно только привыкнуть, а победить её, увы, никак не получится. Только ждать своего привыкания в старости к этой среде людей и дальше, чтобы немного в конце поговорить по душам.

Глава 2: Ростов-на-Дону или горький овраг между пропасти ада

Рано с утра на одной вот такой остановке всемирной вольности - я вдруг проснулся. Мне показалось, что всё вокруг горит, а я один такой несчастный и гордый: вишу и не вижу выхода из клубов серого дыма тоски. Но мне просто показалось. Это был всего лишь сигнал к очередным сборам или к тем, о которых можно и не думать. Просто брать и вставать с кровати, а потом идти в непонятную и скупую пустыню души. Наполненную такими бы явными и скрытыми артефактами, чтобы больше не думать ни о чём плохом. Ведь Артёму думать вообще не хотелось, а хотелось быть лучшим мужчиной, к которому может когда-либо обратиться больной или несчастный человек. Я никогда не был таким и конечно же не буду. Я буду трогать серьёзность напротив своего сердца и только тогда пойму, как мне лучше всего бороться со своими врагами на Земле. Она конечно довольно большая и округлая, но мне приснилось недавно, что я буду счастлив на ней только после полной победы. И тогда Артём решил прочно идти до конца, чтобы никогда не падать духом. Где бы никогда не ждать решений от других людей, но всегда предугадывать их с точностью. Может до одной миллисекунды такого вот прогрессивного мозга, как мой.

Уже на построении и сборах с раннего утра я понял, что наш день наступил и теперь придётся идти самостоятельно. Не то, чтобы по корчам и неизвестным прериям, но в будущее. Туда, где ещё нет ни одного нациста, но они обязательно появятся, чтобы думать дурно о простых людях. Где бы они могли воспитывать там русофобию или лежать внутри каменных гробов, чтобы напоминать серьёзность внутри жизни. Когда оружие - это их самый большой фетиш в мозгах и они им постоянно пользуются. А когда дело доходит до рукопашного боя, то тут уже никакая смекалка нациста не поможет вообще. Они просто зарывают свою маленькую голову в песок и не хотят чувствовать внутри себя ни одного чёрного таракана в мозгах. А всё это потому, что они созданы из одних простых тараканов и не могут собрать это подобие ясности изнутри созданного ими же блага в жизни. Чтобы не иметь при этом много друзей, но иметь очень много поклонников. Которые бы им тихо поклонялись в ножки и тащили бы за этими нацистами своё непреложное право быть на высоте закона.

Может это месть судьбы заставила их пасть в двадцатом веке? А может просто я очень много думаю с утра? Ведь мне придётся теперь выдвигаться в сторону Ростова-на-Дону. Такого южного и очень благообразного города по пути нашего бы пребывания сквозь тернии напрямик к звёздам. Поэтому я лихо попрощался с Виктором Георгиевичем Саломеем и подумал было уже, что я такой один на целой Земле. Могу бегать вокруг да около между врагов, а они меня никогда уже не видят. Потому что видят они только мою серую тень, прямо как у пришельца с других планет. А сам я прячусь между выбора насчёт того, как мне выглядеть в будущем или кто будет моей следующей маской души. Так я сам внутри себя немного рассмеялся и понял, что самое страшное ещё впереди. Может меня там и не убьют, но символы уже стали заходить какие-то странные. Всю ночь мне снились кошмары, но в них я всегда выходил победителем. Я не был должен никому и ничему, но всегда видел прямо за собой небольшую чёрную тень.

Может она гналась за мной вдоль дороги или выглядела точно так, как могут выглядеть внутри себя настоящие нацисты. Артём никогда не задавался таким бы вопросом, но череда странных совпадений только началась и вокруг них не было особенного примера для подражания. Я научился очень многому за последние два месяца. Моя стрельба и бег через препятствия давали мне хорошую физическую подготовку. Как будто бы готовилась сама душа, но

внутри не понимала к чему она готовилась вовсе. А знало это - только моё натренированное тело и оно не хотело пока что открывать всю правду этой хитрой жизненной головоломки. Сегодня был четверг и было февральское утро. Оно не было очень морозным, но тяготило меня постоянно думать о весне. Чтобы больше не переживать о прошлом, о моих родителях и о Варваре. Но, чтобы мечтать внутри, где бы сам я мог прочно полететь на Луну. За последнее время я познакомился с Богданом и Гедеоном и именно с ними мне придётся идти дальше. Под командованием нашего серьёзного куратора - Александра Игнатьевича Рема. Который прошёл довольно много испытаний в своей жизни, но ни одно он до конца так и не рассказал.

Наверно потому, что у него было несколько детей и сам он был из приличной семьи и немного стеснялся. Чтобы обучать только хорошим правилам и манерам, а самое странное и мнительное в жизни просто оставить напоследок для произведения в своей жизни. Где жизнь не сможет произвести для тебя много событий в будущем, но ты станешь намного взрослее и сильнее от своего мужского характера. Чтобы и там налиться сочным персиком и достичь уже бы нравственного совершенства, когда внутри тебя дремлет зверь, но никогда не выходит наружу. Он постоянно спит и сон его очень тревожный. А на войне этот сон проявляется, как необычная буря. Она раскрывает твой русский характер и ты стелешься по земле - будто белый туман. Чтобы там наедине с собственной зрелостью характера превзойти всех своих врагов на жизненном пути. Александр Игнатьевич оказался довольно весёлым человеком. Он постоянно отшучивался и не давал спуска никому из нас. Куда бы мы не ходили и к чему бы там ни притрагивались.

Всюду наша рука была положена ровно на его внимательные глаза. Чтобы потом провести полную ревизию нашего учебного опыта и понять, чему бы ещё можно в будущем подучиться? Например, пускать разведывательные дроны или нести на себе смысл уже бы нового испытания для гордости. Я не могу сказать, что я всему научился в совершенстве, но сделал это как мог. Поэтому, когда я познакомился с Богданом, то он показался мне намного более слабее и скромнее. Как будто бы у него были другие условия для жизни, но эта гражданская ситуация не дала ему нужного опыта по судьбе. Я приглядывался к нему очень тщательно и не понимал, в чём тут собственно дело? Богдан был старше меня на год и никак не мучился по этому поводу. У него была совершенно другая ситуация, о которой он говорил вскользь, как будто бы смущаясь и не веря, что я его до конца пойму. Одно я точно услышал, что родом он был из Москвы и его родители оттуда же.

И так, я должен был отправиться в Ростов-на-Дону, и там, немного потренироваться на дальней станции ада. Её так называли, так как она была недалеко от самого города. Может расположена, а может и выдолблена в камне, уже бы новой истории, через которую я могу пройти довольно легко. Чтобы потом ещё раз доказать самому себе, что военный из меня хоть куда. И сам Артём не боится своей тени, но может иметь довольно успешное поле притязаний на будущую жизнь. Другой же мой знакомый напарник Гедеон был куда сложнее. Он был очень напористым и грубым, конечно тогда, когда ему не удавалось пройти вперёд. Гедеону было двадцать один год и внутри он был почему-то моложе. Видно его годы жизни, проведённые на нашей Земле не дали бы того ощущения возраста. Но дали большой аппетит и такой же большой живот. Я подтрунивал над ним постоянно, что неплохо бы ему сбросить немного веса. Но втайне считал, что его рацион никак не зависит от его внутренних appetитов, если конечно они не будут в будущем, точно нацистские.

Поэтому я постоянно смеялся над ним в столовой и рассуждал сквозь призму казарменного анекдота. Чтобы сблизиться хоть немного с этим грубым животным. Или тем, кто может быть для меня очень бы полезным человеком в будущем. Поэтому сегодня был февральский снег, а у меня было вполне себе чудное настроение. Я собрал свои вещи в дорогу. Всю военную экипировку и все нужные мне принадлежности и сел в БТР. Так мы должны были доехать ровно до границы с Украиной и ни разу не пересечься ни с какими препятствиями. Потому что

в груди было только небольшое ощущение холода от зимы, но было также и горячо, чтобы не думать о своём гражданском прошлом. Проживать его конечно было для нас хорошо и весело, но опыт полученный в будущем поставит точку на карте более вымощенную синим карандашом. Таким, чтобы можно было бы запомнить всю свою оставшуюся жизнь, которая пронесётся у тебя перед глазами за долю секунды.

С таким боевым настроением духа я решил пройти этот путь до конца. Когда ты бежишь уже через военное обучение туда, где не знаешь ни одной новой аллегории полёта. А всё это потому, что лететь тебе и не придётся. Ты будешь просто прыгать через огненные препятствия и держать ухо востро, чтобы никому около тебя было сознательно не успеть до своего поезда смерти. Ведь он пребывает ровно в то время, когда ты сам этого меньше всего ждёшь. Ты висишь на своей перекладине морали и видишь всю эту пустоту близлежащего мира людей. Когда они отпрянули или ещё следят, но их глаза не считают тебя опасным. Они просто ждут, что ты попадёшь в такую вот огненную ловушку. Где будешь дышать очень безжалостно и тихо, как будто бы от ударного дрона над головой. Когда мы тренировались в учебной военной части нам было довольно легко. Может быть осознать это липкое ощущение смерти. Когда ты не можешь повернуть уже никуда, ни вправо, ни влево, а просто лежишь себе на перилах уже бы спокойной Вселенной. Где космос может омывает тебя тихими водами двадцатого века, который уже давно прошёл. Он произошёл также от тебя самого, но тебе тогда было ещё очень мало лет.

А теперь уже двадцать первый век и ты слышишь одинаковую речь о прошлом и не можешь уяснить себе, что нужно вообще для жизни внутри. В душе такого вот мужчины или может военного, когда нет ни одного нужного человека рядом. Они все разбежались куда-то по полю жизни, по полюсу уже бы различного благополучия. А ты так и остался здесь: дремать или искать остатки смелости, чтобы играть на их улыбках и ждать чего-то наподобие своего жизненного счастья. Испытанием это назвать нельзя. Как и то, что мы должны были просидеть около Ростова-на-Дону несколько дней, а потом уже передвигаться в другой город. Наше командование было довольно лояльно к нам и не подгоняло наше беспокойное и маразматическое чувство - вырваться наконец на свободу. Чтобы там уже с полной ответственностью насладиться таким бы спелым и первородным благом победителя земной болезни души.

В такую болезнь я может провалюсь в будущем, но точно не сегодня. Я хорошо устроился в военной машине и занял свою нужную наблюдательную позицию. Чтобы наш рулевой Богдан говорил мне, что нужно делать и как себя вести. Ведь на его месте я был бы очень внимательным к каждой мелочи на дороге. Когда не знаешь кто может выпрыгнуть из-за кустов. Конечно сегодня они были в снегу, но пока ещё не наступила мартовская грязь - мы должны были преодолеть довольно большой отрезок нашего пути. Точнее приличное количество километров, которые отведены не только под наш маршрут, но проходят недалеко от населённых пунктов. Конечно же вдалеке от города, в объезд, но на таком расстоянии, чтобы было видно вообще - куда передвигаться впереди. На дорогу мы не жаловались, а по пути нам стало немного страшновато. Ведь за нами ехало прилично машин и все эти бронетранспортёры были оснащены передовым оружием. Где нельзя подсмотреть в глазок мудрости почти никому постороннему.

Только ты один можешь видеть весь необозримый стиль военной логики, но обзирать его можешь ты один. Когда настал вечер мы немного передохнули, вылезли из машин и направились в ближайший магазин. Он был на самом отшибе, где-то между сельских дорог, а вокруг были только не тонущие в снегу деревья и очень много странных теней. Уже ближе к вечеру все эти тени расходились по полю и нам становилось не по себе. Чтобы нам стало не так страшно мы взяли немного водки, чтобы согреться и там же заночевали рядом с бронетранспортёрами. Мы нашли небольшой заброшенный дом. Он был сделан из массивного дерева и находился где-то на окраине одной небольшой деревушки. Чтобы нам не было страшно мы прихватили с собой несколько АК-12. И по такой же траектории мы двинулись втроём по снегу в этот ста-

рый дом. Другие же машины остались немного позади. Их почти не было видно из-за зимней темноты.

До Ростова-на-Дону оставалось примерно десять километров, но нам и этого было вполне достаточно. По пути к городу мы не встретили ни одного полноценного нациста и были вполне довольны этим фактом. Чтобы ещё немного подсобратиться мы стали давать друг другу дельные советы насчёт нашего общего будущего. Выяснилось, что все мы ходим по одному и тому же замкнутому кругу и постоянно нам всем мерещится мировая война. Но она никак не наступает и не приводит за собой уйму солдат. Но приводит очень много гибридных средств, которыми они поражают легкомысленных граждан. Прямо в такой вот обстановке, когда ты идёшь на работу себе по городу. Может быть любому российскому городу, где столпились уймы очередей на транспорт или ещё куда-то в нужные места. А вдруг, из ниоткуда приходит Господин дрон и выслеживает тебя своими железными щупальцами. Как будто бы глазами какого-то робота он дышит тебе прямо в спину, чтобы пронзить ещё один ус твоей легкомысленной свободы.

Когда ты можешь немного отвернуться, и вот, ты уже поражен для этой жизни навсегда. От таких вот роботов никак не спастись. Но те кто их запускает могут теперь спать не совсем спокойно. Потому что СВО ещё не закончилась, а идёт полным ходом. И внутри такой вот военной матрицы нет исходного кода выдоха для нациста. Он есть только для нормального земного человека. Который умеет дышать и ловить себя на мысли, что не всё ещё потеряно в жизни. Артём бы также хотел думать и о себе, но вдруг, что-то скрипнуло в доме и стало проходить между стен. Как будто бы это был некий сквозняк или какое-то немощное привидение. Дух, а может ещё какой-нибудь странный силуэт из прошлой матрицы чьей-то выдуманной личности. Я быстро достал свою военную рацию и отправил сигнал Александру Игнатьевичу. Тот отослал мне, что всё нормально и на целую минуту я даже успокоился.

Артём никак не думал, что некие привидения могут его напугать даже тогда, когда он просто сидит в доме и отдыхает после трудного переезда. С такой вот дороги мы решили сыграть в карты, но и тут что-то не вышло. Ростов-на-Дону не встречал нас дружной каёмкой счастья, но выводил уже бы к новому бешенству. Когда ты не можешь понять, что такое вообще происходит и где теперь ты находишься? Среди людей или уже среди настоящих зомби? Внутри которых нет ничего живого и нет того странного состояния человека, чтобы прислушаться к себе подобным. Когда ты стоишь на земле, но идёшь как бы сквозь неё, чтобы придумать себе новое приключение на свете. Артём с такой доброй мыслью стал постоянно выигрывать и мечтал уже бы лечь поспать. Дом был заброшенный, но взломать его не составило труда. Чтобы не мёрзнуть попусту в военной машине и не просить переночевать где-то в неизвестном тебе месте. Богдан был очень суровым, но под конец также стал смеяться и немного расслабился.

Уже к утру мне стало легче, когда я почувствовал лёгкий ветерок, что доносится из под двери. Только дверь была немного другая! Она была более светлая и новая, а не та старая дверь, за которой я ложился спать. Геден спал на соседней кровати и я видел отчётливо его закрытые глаза. Значит он ещё не проснулся. Может мне просто показалось вчера всё более блёклым, например эта дверь? Я встал и стал одеваться. Когда я уже почти натянул на себя всю военную экипировку, то понял, что что-то не так. За окном была уже весна и вокруг всё тонуло в зелени. Наверно был май - судя по моим ощущениям. Я пошёл в соседнюю комнату и увидел спящего Гедена. И тогда я понял мельком, что мы все попали в какую-то нелепую ловушку. Это конечно не были нацисты. Мы были ещё на территории России, но время было немного другое. А вокруг стояла больше поздняя весна, нежели глубокий февраль. Поэтому я стал раздеваться сразу после того, как натянул на себя зимнюю куртку.

Конечно у меня не было с собой летних вещей и сапоги были зимние, но я придумал, что можно сделать в такой странной ситуации. Мы сели в нашу военную машину и решили проехать ещё несколько километров до Ростова-на-Дону, чтобы там что-нибудь купить себе из вещей. Странности стали преследовать нас постоянно. Мы открыли немного верх в броне-

транспортёре, чтобы был воздух. Но и этого мне стало мало. После вчерашнего веселья болела голова, хотя мы ещё не приступили даже к нашему трудному действию. А действие всё как-то не начиналось и не хотело подходить к волевому началу. Быть военным - это конечно интересно, но намного интереснее иметь при этом хороший кругозор в жизни. А может ещё ловкую сноровку и сильный интеллект настоящего человека. Не того, который просто бегаёт по команде, а ищет выход из сложной ситуации со множеством неизвестных. Чтобы понять, как будет действовать, например, твой ближайший враг? Сегодня этим врагом была жаркая погода. Артём стал обливаться потом и немного уязвился прямо в магазине. От меня пахло потом и сквозило ещё какой-то походной снедью. Как будто бы я был настоящим туристом из российской сакраментальной среды.

Где своё будущее я могу также отслеживать, как и прошлое. А вокруг там рыщут и зреют не только мои личные враги, но и враги национальные. Где русскому никак не приспособиться, но можно пройти тренировку внутри личной совести. Чтобы не видеть уже препятствий на своём пути, а ждать, что за каждым твоим поворотом будет только хороший и надёжный человек. Когда до города оставался километр мы заметили, что вокруг города также есть небольшие военные части. Но приближаться к ним было запрещено. Мы должны были объезжать большие города вокруг по дорогам, где нет почти людей. Складывалось странное ощущение, что мы встряли куда-то туда, откуда нам не уже не вылезти. В эту самую минуту наш бронетранспортёр застрял в какой-то земляной жиже. Точнее в таком небольшом овраге, которого сразу бы и не видно. Военную машину стало засасывать внутрь земли и грязь стала покрывать заднюю её часть. Точнее огромное колесо, сделавшееся для меня уже бы начальной точкой невозврата.

Мы пытались втроем поправить ситуацию, но всё было тщетно. Я стал опять по рации посылать сигнал Александру Игнатьевичу, но в ответ только слышал гудки. Никогда бы не подумал, что рация может издавать такие вообще сигналы! Мне стало совсем странно внутри, но я не подал никакого вида. Этот горький овраг засосал наш БТР, но вместе с тем и засосал наше будущее. Точнее то, к чему мы должны были бы прийти или приехать. Мы уже купили себе вещей, но лето для нас так и не началось. Еле-еле, уже через четыре часа мы вытащили эту военную машину, но полностью выдохлись. Поэтому решили остаток дней провести уже бы в ней внутри. Там и может вечером заночевать. Прошло несколько часов и одиноким голосом Богдан сказал мне, что ему мерещится, что мы попали в какое-то другое время. Что здесь нам не место и вернуться мы никак не можем обратно. Потому что больше здесь нет никого из того отряда, который ехал после нас.

Нам нужно быть более аккуратными и следить за каждой своей мелочью из жизненного личного поля. Потому что подсказки могут прийти внезапно и станут для нас полной неожиданностью. Сказал - как отрезал! Мне давно не приходилось видеть таких красивых женщин, да ещё и в такой глухой местности. Две дамы подошли к нам и мило представились. Одну звали Антонина, а другую - Мария. Им было также около двадцати лет. Сегодня они гуляли около города и были очень удивлены появлению военных в окрестностях. Мария поинтересовалась, что мы делаем здесь и по какой нужде приехали? А сам я сказал, что мы большие путешественники и труженики своего морального долга и не можем говорить о секретных операциях. Внутри конечного мужского круга причин, по которым нам нужно будет выдвигаться уже бы к личному делу очень и очень скоро. На таком высокомерном тоне я дал понять дамам, что мы очень заняты и нам важно успеть всё сделать до конца.

Чтобы там не было ни одной неприхотливой дамочки такого бы сладкого возраста, но были только лишь наши военные планы и цели по расширенному периметру дальнейшего пути. Ведь в России очень много разных путей и все они ведут к разным выходам к личному счастью. Главное в такой ситуации просто выбрать - который из них собственно твой? Где ты будешь счастлив и как пройдут твои дальнейшие подвиги внутри соизволения уже бы лично тебя? Мы попрощались с дамами и напоследок я всё же спросил: «Какой сегодня день или число,

а может месяц?». На что дамы улыбнулись, и преодолевая боль сказали, что сегодня восьмое мая. Я не мог поверить своим глазам! Не бывает таких чудес и быть того не может, чтобы за одну ночь уже стало на три месяца больше. Ведь ты же не можешь пролететь их на самолёте среди квантовых измерений вечности? Или пересечь на таком бы периметре странного чутья - собственную жизнь, как невзгону? И всё только потому, что может она сама тебе не нравится. Или стала такой бы серой и типичной, что хочется засунуть голову прямо в жёлтый песок.

Сделать сегодня это я не смог, а вот вынуть нашу военную машину всё же получилось. Под большим усилием из этой горькой пропасти ада - мы вынули очень много сожалений. К счастью, никто на этой остановке так и не пострадал, но был сакраментально удивлён. Чтобы в следующий раз уже не улавливать на себе летних мух, когда ты сидишь просто в доме, а за окном зимний февраль. Ближе к вечеру мы собрались внутри бронетранспортёра и решили немного расслабиться. Для того, чтобы понять, что всё таки произошло в том проклятом доме? Может мы все сошли с ума и это просто галлюцинация из процесса проживания нашей жизни? Нам кажется то - чего и вовсе уже нет. А мы может лежим уже в полноценной готической могиле? Когда твой надгробный камень говорит тебе, что сегодня не твой день, а только твоя памятная дата из прошлого. Составленная по неким спискам тоскливого прошлого внутри войны, до которой ты никак в реальной жизни так и не доехал.

Но до Ростова-на-Дону мы всё таки доехали и нам было немного невмоготу выбираться уже к людям. Просто потому, что это было запрещено военными правилами. Поэтому поздно вечером я ещё немного решил постоять возле машины и покурить. А может просто подумать о своей жизни и о том, как я буду в будущем уговаривать бы уже Варвару. Правда, не знаю о чём, но всё таки буду уговаривать её женское чутьё. Тут, я вспомнил, как она говорила мне, что в трудной ситуации нужно представить себе круг. Пройти по нему и быстро выйти за его очерченные края, чтобы не думать больше о цикличности этой странной жизни. Ведь время всё и так заиклено на нас и мы не можем обойти его квантовые края. Мы можем только думать о своём мирском предназначении и ждать. Но сегодня ждать я никак не хотел, поэтому быстро посмотрел на небо. Оно было такое тёмное и всё в звёздах. А звёзды рассыпались по небу, как большие изюминки по тарелке. Где бы космос точно мог их съесть уже на свой вечерний приём пищи или может подождать ещё сотню другую столетий.

Я так хотел насладиться зимними февральскими пейзажами, а тут опять это жаркое лето и так неожиданно и не вовремя. Куда-то задевалась вторая пачка сигарет и я полез посмотреть в свои вещи. Я долго копался там внутри в бронетранспортёре и нашёл помимо своих сигарет также много интересного. Например, я нашёл внезапно неизвестную мне винтовку Мосина и не знал - говорить об этом другим или нет? Потому, что такого военного снаряжения у нас не было. Ночью, когда я спал мне снился постоянный огонь и стрельба была из всех мест, откуда можно было бы вообще выстрелить. Но сам я попадал прямо в цель и был привинчен уже бы к какой-то другой войне. Может не такой современной, но похожей на ту СВО, которая проходила сегодня на территории России. Может она была также нереальной для меня, но я мог знать наверняка, что обойду этот роковой овраг, куда могут быть нацелены наши враги. Они конечно ещё находятся за границей. Но выдумать можно многое, когда пересекаешь время и пространство и оказываешься на том краю необычного российского восхода, где всё кажется не твоим.

Не совсем похожим на реальность, а немного как будто бы искажённым и прицеленным на другое поле истинных целей в жизни. А истиной для меня была сегодня конечно же - победа над врагом. Поэтому я спал и видел их очень в большом количестве, чтобы не считать их по пальцам. Где бы не знать, откуда они вообще взялись, но точно руководить своими мозгами на перепутье уже новой российской матрицы великолепной жизни. Исчертить которую мы можем сегодня втроём на нашем бронетранспортёре. Что бы кто ни думал и не мечтал, но только в своих мысленных перипетиях, от которых не больно под коленкой. Где ты не ждёшь сво-

его конца постоянно, но тихо смотришь сквозь темноту, надевая защитные очки. И там же, ты можешь выдумать очень много сакраментального юмора, но видеть тепловизором только стильное поле такого бы жизненного пространства. Сегодня оно было на редкость тихое и скромное, а завтра могло бы стать свирепое, как настоящий зверь. И внутри уже такого эквивалента сил ты не можешь упасть, как мужчина, но будешь играть мускулами на каждой остановке своего великолепного движения тела.

Наблюдать за своим тепловизором души я мог бы постоянно и там не видеть никого сильнее себя самого. Только наутро, когда я проснулся, то понял, что Гедеона и след простыл. Рядом лежал Богдан и немного причмокивал своими губами. От которых исходил небольшой душок, который появляется у человека после весёлого выпивания алкоголя. Мне не было страшно или странно, но я сразу понял, что один из нас не справился с заданием. Точнее либо он сбежал ночью в Ростов-на-Дону, либо его кто-то выкрал тайно. Чтобы может взять в плен или ещё как-то использовать для своих человеческих нужд. Я быстро разбудил Богдана и мы методом непрерывной дедуктивной беседы стали сравнивать наши вчерашние факты. Они все почти что сложились, только несколько не могли никак уложиться в моём воображении. Под самый поздний вечер, когда мы уже изрядно выпили то Богдан говорил мне, что выходил с Гедеоном наверх, а я в то время сидел один. Я же помню, что был постоянно с Гедеоном один на один и долго о чём-то с ним сакральным разговаривал. Такие нестыковки могут кого угодно сбить с толку, но я не мог никак заземлиться.

Я хотел постоянно улететь куда-то наверх, чтобы не думать о плохом. Где я сам, как Артём не смогу себе врать и не буду этого делать психически. Я не стал винить себя ни в чём и решил проверить все наши вещи. Может что-то было уже украдено этим Гедеоном? Но к моему удивлению все вещи лежали в порядке и ничего не пропало. Только самого человека не было на месте. Вдруг, я опять почувствовал некий лёгкий ветерок, как тогда в том старом заброшенном доме. Только это был не ветер, а небольшое предзнаменование. Нас стал обстреливать некий дрон. За долю секунды мы успели закрыть стальной люк и может даже остались в живых. Это не было случайностью, а было хорошей сноровкой, которая сегодня помогла нам спастись от странного происшествия. Этот ударный дрон не был похож на «Ланцет», но был примерно такой же поражающей силы. К моему удивлению он был только один и видно потонул в какой-то матрице чувства.

Потому что, спустя полчаса этот военный дрон пропал и след его исчез даже из нашей памяти. Как будто бы это было чудо, которое нужно было бы поскорее забыть навсегда и не вспоминать уже бы никогда в будущем. Богдан сказал, что у него было такое же впечатление, но он сдержался и не стал нервничать на деле. А дел у нас ещё было много впереди. Наш бронетранспортёр выдержал эту атаку дрона, но оставил там небольшой след на корпусе. Это было что-то вроде чёрной заметки на полях, когда не можешь точно определить символ своего слабоумия. Но ждёшь, что этот стиль точно в будущем отразится на твоих личных врагах. И они будут потом мучиться в припадках своей болезни всю жизнь или мечтать избавиться бы от такой их жизни. Нам нужно было ехать дальше по курсу, но одного напарника мы видно потеряли. И сообщить о такой пропаже также не можем. Вот ведь незадача? Поэтому мы решили всё таки проехать ещё несколько километров вперёд и посмотреть - может там находятся другие наши БТР из того же отряда?

Потому что быть затерянным около города не очень конечно страшно. Когда ты находишься ещё в России, но быть потерянным лично в себе - намного страшнее. Я был сегодня в особенно остром настроении. И каждый такой наконецник своего самолюбия я обнажал на новую кость верности, чтобы любить не только свою семью. Ведь теперь моей семьёй был ещё и мой отряд, который вместе с военными машинами должен был пройти немало километров по пути. Уже бы не самого тяжёлого расстояния до войны, но такого бы пути, где не каждый сразу разберётся. Что можно делать, если связь вдруг потеряна? Как поступить в странной ситуации,

когда время перемешалось с состоянием одиночества, а ты не можешь понять, как вылезти из этой странной матрицы? Может просто превратиться также в призрак военного? Или одеть на себя душевную маску из гордости и чести? Где бы мне можно было бы и вовсе не думать, как жить дальше, но ехать постоянно вперёд. Чтобы выбраться из этого странного ада.

Он был сегодня в пяти километрах от Ростова-на-Дону, но я его почему-то чувствовал более сильно, чем раньше. Наверно Артём сегодня чувствовал намного больше, чем мог вообще передать своему военному командиру или тому кто должен за ним присматривать. А присматривал за мной теперь кто-то очень идейный. Кто украл моего напарника Гедсона и теперь не хотел никак сознаваться в содеянном. Я может манил так к самому себе свою бы ментальную интуицию, но даже не мечтал встретить его снова в жизни. Может потому, что идёт война и нападения стали такой же типичной и повседневной картиной, что можно её не придумывать вовсе? А только создавать всё новые и новые бригады для отражения атак беспилотников, наподобие дронов. Мы ехали по какому-то полю через подобие песочной дороги, чтобы ещё больше приблизиться к тому месту, которое было нам указано на картах. Я очень тщательно его изучал, чтобы понять - как мне нужно действовать дальше? Как, вдруг, проснулась и моя военная рация. Мне был сигнал от Александра Игнатьевича. А в руках у меня был АК-12, прижатый плотно к груди, чтобы не думать о плохом и не болеть.

Ведь в этой жизни я болеть не любил. Поэтому быстро схватил рацию и ответил громким и звонким голосом. Мне стало легче, когда я услышал знакомый голос моего командира. Но старший сказал, что они уже давно пересекли границу с Украиной, оставив нас далеко позади. Но как же они могли это сделать за одну только ночь? Ведь прошло всего семь часов и может ещё некоторое время с утра? Я стал думать, что же Александру Игнатьевичу ответить, но только мычал. И в конце концов, я выпалил, что у нас нештатная ситуация с пропажей одного военного из команды. Конечно доказать его пропажу я никак не мог, но лучше было всё сказать на чистоту. Точнее так, как это могут делать только смелые и очень терпеливые люди. А ещё точнее: самые надёжные военные России. Александр Игнатьевич несколько не смутился, но сказал, что нам нужно продвигаться вперёд и пытаться найти связь с нашим пропавшим напарником. В такой странной ситуации всё могло бы плохо закончиться, но у меня внутри вдруг всплыл старый анекдот.

Я стал его рассказывать Богдану и даже немного успокоился в душе. Я сложил своё оружие и отложил его в сторону, чтобы немного оглядеться и понять, что же на самом деле происходит в реальности? А там не было почти никаких людей. Но причин паниковать также не было. Мы ехали по пересечённой местности и вокруг было довольно много естественных препятствий. Артём мог бы их оставить также на долю своей военной совести, но только был лучше подкован. Прямо таки подбит на твёрдой основе своего земного жизненного характера. А этой ковкой конечно занималась его мать Берта. Она говорила часто, что не нужно обращать на других людей никакого внимания, особенно тогда, когда они сами его пытаются вызвать на себя. Прямо так, как это делают хитрые артисты, которым нужно просто подзаработать на их сценической основе жизни. Но иногда эта жизнь не ищет с ними никакого бы проникновенного диалога. Ты ждёшь, что станешь более нужным человеком, а твой характер уже бы полностью закалился.

Но в один неподходящий момент появляется вот такой вот артист и сдвигает рамки твоего жизненно воображения. Ты хочешь выбраться из ловушки хитрости, но ждёшь, что это сделает кто-то другой. В такой обстановке Берта говорила мне, что нужно принимать решение только лишь самому и ни на кого при этом не смотреть. Поэтому я не стал сам себя ненавидеть за оплошность в пути. Но и нервничать по этому поводу я также не стал, чтобы не уstraшать там Богдана своим уже поведением. В моей голове крутились разные мысли и может был какой-то запасной план. Я искал его постоянно над своей русской головой, но не мог придвинуть к рулевому уже бы такой совести. Чтобы потом стать ещё более профессиональным воен-

ным и жить не только для себя. А жить для страны и думать, что можно сделать для личной Родины. Когда ты видишь не только своё окружение, но список тех несчастий, благодаря которым выбывают из жизни даже очень благополучные люди.

В тот момент мой запасной план сам выбрался из моей же гуши воображаемой честности. Где я не могу признаться в своей беспомощности самому себе, но вижу некоторую жизненную импровизацию. И на каждом кончике такого бы идейного ножа можно просмотреть не только мой сильный мужской характер, но и честность внутреннего обаяния человека. Таким зрением сегодня ближе к двенадцати часам я нашёл внутри себя облако уже бы личной выгоды. А в нём я нашёл знакомое лицо. И было оно моего напарника Гедена, который шёл нам навстречу по той же пересечённой местности. Не знаю, откуда он вообще взялся и может это был всего лишь его двойник? Который ходит по нашей Земле и не знает, что в мире есть ещё один живущий Геден. Он только может прикалываться над своими друзьями в дороге и чинить там волю сумасшедшего или выкраденного путника. Чтобы внутри такой загадки времени мне стало ещё более непонятно: что же делать в данной ситуации?

Богдан остановил БТР и мы вышли. Также плавно, как могут выходить чёрные и элегантные пантеры из-за кустов. Когда они видят свою великолепную добычу и хотят приблизиться к ней поскорее, чтобы захватить её в могучие руки. Артём мог больше ничего не говорить, но делать конечно хотел очень много. И первое из того, что я хотел бы сделать - просто набить лицо своему напарнику. За то, что он глупо сбежал и почти что нас подставил, а может и подставил уже, но никогда не сознается в содеянном. Не будь я внедрённой душой из личного состояния маразма - я бы точно пересёк уже границу с Украиной только силой мысли. Чтобы потом набить там себе больших очков между правдой в моих глазах и реальностью. Когда ты не представляешь на что идёшь в будущем, но тебя захватывает этот тайный и мистический стиль. Где нет ни одного заметного врага впереди тебя, но есть только пересечённая местность. Окутанная тайнами прошлого и будущего, чтобы видеть не только твои глаза на природной маске, но видеть и другую часть души. О ней я ещё не думал, но мой военный опыт подсказывал мне, что дальше будет намного веселее и интереснее. Может продолжать путь или искать запасной план на случай проявления уже бы посторонней личности в твоём будущем.

Глава 3: Танаис не любит современников, а только кровь души

Ко мне мелким шагом подошёл Геден. Он казался вполне себе выпавшимся и держался также бодро, чтобы никто ничего не подумал. Я также ничего не подумал, но сказал, что вообще-то нам нужно уже быть в другом городе. Точнее около него, а по картам этот город был Танаис. Внутри себя он соединял древность и европейские черты того старого города, на окраине которого хочется построить крепость. Пусть сегодня она будет не в честь Гедена, но будет возвышаться для того, чтобы никто не смог сбить нас с пути. Или разрушить наши же укрепления, когда ты сам не знаешь, как пройдёт уже твой следующий час? Может он будет носить новые улыбки, а может и найдёт на лице тайных врагов. Но о них я предпочитал сегодня не думать, только протянул руку к Гедену и посмотрел ему пристально в глаза. А там Артём увидел очень много нового. Как будто бы его мозгом завладели сегодня пришельцы и не думают вовсе сдаваться. Он вряд ли попал в плен к нацистам, но мог вполне себе сделать что-то очень неприятное в жизни.

Как раз за то самое время, пока мы с Богданом отчаянно пытались добраться до следующей нашей точки. Расположенной ровно на карте, где очень много неизведанных мест. Их никто не смог разведывать, но очень многие пытались сделать это под командованием своих старших братьев. Которые также могли научить солдат не думать о плохом в своей жизни. Потому что Александр Игнатьевич Рем толком мне ничего не сказал, но я понял, что дальше будет не так всё просто. Где ты не сможешь блуждать и барахтаться просто так на дне такого вот огромного земного океана. Где есть только небольшие скопления людей, но нет ни одной нужной тебе затрешины. Они все разбежались по углам, чтобы не видеть далеко вдаль от себя. Где ты бы смог также распознать услужливый космос личности, но уже бы в других людях или прочесть его в глазах своих кровных врагов.

Теперь то они стали мне мерещиться по-настоящему почти что везде. Я хранил на своей груди небольшой талисман в виде серебряного сердца. Подаренного мне Варварой не так давно. И этот амулет приносил мне постоянно удачу, о которой я мог бы молчать целыми днями. По этому поводу я вдруг подумал о нём и по моей груди пробежал какой-то небольшой холодок. Я не понял сразу, что он означает в моей жизни, но придумал сам для себя милую отговорку. Что завтра мы опять будем пить водку и искать нацистов по разной пересечённой местности, а также вести разведку на своём боевом посту. И что бы кто ни говорил - это будет приносить нам много вдохновения и русской удачи. Которая бы мне сегодня очень даже пригодилась к лицу. Я спросил Гедена, где он был всё это время и как он сможет объяснить свою пропажу? На что Геден очень хладнокровно ответил, что ему стало страшно и он стал просто задыхаться.

От неумолимой тени своего состояния ему пришлось выпрыгнуть из БТР и пойти немного погулять. Чтобы может подышать свежим воздухом или найти себе ещё какую-то ментальную отдушину. Где он сможет немного расслабиться или понять, что сегодня вообще происходит? Поэтому я сразу спросил, а понял ли сам Геден в чём было его это состояние? Которое заставило его просто так ночью выйти из безопасного места и пойти куда глядят глаза? Чтобы ещё раз проверить свою смекалку и наличие небольшой русской удачи в такой вот глуши. Конечно же он и АК-12 с собой прихватил. Чтобы наверно пострелять местных зайцев или ещё каких-нибудь зверьков на ужин. Тут я ухмыльнулся и сделал вид, что ему повезло. Однако, сам стал серее тучи, чтобы узнать, что внутри Гедена может сегодня по-настоящему находиться? Он был хорошо подготовлен и также хорошо сложен. А его задиристость ему постоянно помогала или была в руку, что казалось весьма подозрительным.

Я встал напротив него и стал задавать очень много вопросов с подковыркой. Но не понял, что поднять моего зверя души не так-то и просто. Ведь он был сегодня довольно кровавый и мог даже кого-нибудь ненароком убить. Может моя подозрительность была излишней, но я стал присматриваться к фактам более весомо и объективно. Ведь на дворе был май, и не февраль и мы сидели далеко от города. Потом уже, спустя два часа мы подъехали к некоему магазинчику. Это был сельский магазин на давно заброшенной дороге. Где-то между Ростовом-на-Дону и городом Танаис. Я стал смотреть в свой бинокль, ведь был ещё день и увидел мельком вдалеке некоторых людей. Их было пятеро и они были одеты в незнакомую мне военную форму. Она была тёмно-синего цвета с какими-то знаками на руках. Я не мог преподнести это другим своим напарникам, а почему-то замялся и стал думать о будущем.

Точнее о том, как мы пересечём город Танаис и уже ближе подойдём к границе Украины. Эти пятеро мужчин несли в руках какие-то тюки и очень торопились, а я стал думать насчёт этого события. Мне не было страшно, но во мне начала кипеть мужская кровь. Я так рассчитал свой маршрут, чтобы мы провели весь этот путь зимой. А теперь даже майские праздники и День Победы мы встречаем как бы уже после. Где нельзя сказать ровным счётом ничего ни о нас, ни о том месте где мы должны были бы находиться уже в такой важный для нас момент. Может мы должны были бы уже быть на том свете? А может у нас были бы большие проблемы, только вот сегодня я не могу даже предположить, что коснётся нас там за той свободной чертой? Где лежит квантовое время и тонет внутри такого вот странного сумасшествия, когда ты не знаешь кто тебя переносит вперёд и зачем это нужно для жизни? Для твоей или может для чьей-то другой, но важнее чем твоя собственная жизнь? Ведь матрица - она же коллективна и стала на нас сегодня смотреть очень таким тёплым взглядом. Чтобы мы не думали, что сами стали изгоями на перепутье коварности взглядов несовершенного времени.

Тем временем, оно всё шло и шло и позволяло нам уже проехать много километров. Мы хорошо заправились по дороге и взяли с собой про запас также достаточно, но вот нужного положительного настроения как-то не взяли. Я вытер пот со лба и выглянул из люка бронетранспортёра. Вокруг пахло зеленым и манило куда-то пойти просто отдохнуть. Но водоёмов рядом не было, как не было и той горячей лошади, что сможет тебя унести на новый путь души. Он мог бы быть для меня не таким кровавым, но сошёл сегодня только на одних подозрениях. Я уже стал думать, что Гедеон - обыкновенный шпион. И он хочет что-то сакральное разузнать или понять, что может вывести его на истинную логику военного противостояния. Но ведь оно ещё толком не началось? Мы блуждали только по местности России и думали, как пройти незаметно границу и не столкнуться с ненужными нам людьми?

Потому что нужно было всегда соблюдать ряд правил. А в частности тайну нашего передвижения. Точнее - быть сегодня секретной областью знания даже для самых сообразительных путешественников, которые встречаются нам по пути. Ведь на День Победы всё должно просто и легко получаться. Мы также отметили эти праздники вечером и не могли поздравить друг друга со столь важным событием в мире. Внутри которого многое смешано напротив воли быть победителем над фашизмом и воли быть русским патриотом. Я попытался раскрыть внутри себя образ великого воина, но получился какой-то более или менее опрятный современник. Который знает очень много о себе и о других людях, но ищет во всех других только небольшие закономерности для лжи. Для того, что можно сказать сегодня хорошего, но ты никогда при этом это не говоришь, а просто киваешь головой. Так ты можешь дать понять собеседнику, что во всём с ним полностью согласен.

Я был конечно же согласен даже с маем, но никак не мог понять, что нам делать, если мы соприкоснёмся с чем-то неизведанным или фантастическим. Когда оно может внезапно проявиться перед нами и обрести здесь вечное превосходство для души. Как будто бы оно стало таким же современником и не может пустить нас дальше по той дороге смерти, по которой нам предначертано умереть. Но мы сами втроём об этом не знаем и даже не догадываемся, а тихо

ждём, что кто-то большой нас спасёт. И он приходит в образе такого вот Господина судьбы, который переправляет нас через время на ту сторону Судного дня. Но сегодня сам Танаис не любил современников. Над городом висел какой-то сизый смог и мы даже стали немного чувствовать тревогу. Как будто бы увидели город-призрак, который нам не отвечает, а просто стоит и дремлет на своём ходу. Среди огромных памятников древней природы и тех осколков старой цивилизации, которая могла поднять даже Атлантов из глубины океана. Артём стал смотреть в сторону города Танаиса и на фоне такой вот сиреневой дымки - даже заплылся изнутри дремой. А моему напарнику Гедеону повезло намного меньше. На очередной остановке он выпил Русской водки на фоне палящего солнца у него, вдруг, случился солнечный удар.

Но сам удар пришёлся не на тело. Он пришёлся как раз на его воспалённое сознание. Как будто бы его дело не совсем и военное, а очень простое и ловкое. В котором сам Гедеон может учинять много разных неприятных шуток или понять, что его душа очень хочет новой крови. Я не понял сразу, как на меня накинута эта Гедеон. Он повалил меня на землю и мы стали драться. Внутри такой вот драки я увидел просто бешенство в его глазах, но не мог понять, что же натолкнуло Гедеона на такой вот поступок? Ведь всё было вполне себе осознанно и хорошо. Я немного дремал и ждал, когда уже будет садиться солнце, а его новый восход принесёт мне опять удачу и выльет сотни новых фактов на переливы моего же нравственного пути из тьмы. В которую я никогда ранее не попадал, ни своим мозгом, ни такой вот мерой движения участника СВО. Я лишь хотел понять роль самого бойца, когда он находится в состоянии борьбы. Чтобы перешагнуть через это психологическое состояние в человеке.

И я в этот момент это сделал на примере моего напарника Гедеона. Он конечно не был мне братом, но я его очень легко уложил на лопатки и силой прижал к земле. Когда я схватил Гедеона за горло, то стал интересоваться, что на него нашло? При чём тут я и как я могу достигнуть с ним понимания, если он так нахально себя ведёт? Ведь все в странном положении сегодня: и современники и даже самые несчастные по жизни люди. В которых уже совсем не осталось никакой совести, а есть только небольшая капля лжи. И она может очень долго растираться о твою кожу и думать, что ты нашёл самое верное средство и желание. Чтобы преодолеть наше земное притяжение и найти там нового зомби на службе уже бы у инопланетян. Артём никогда бы не хотел подчиняться таким вот инопланетянам, но видел в своём напарнике сегодня совсем уже не военного. А какого-то разгильдяя, который не может взять себя в руки, но ищет там тайное желание, чтобы удовлетворить свою ненасытную совесть.

Я быстро встал и отошёл от Гедеона на приличное расстояние. Потом встал в стойку и на всякий случай взял в руки АК-12. Мне конечно не было страшно, но я хотел проверить адекватность своего оппонента. Поэтому по телу даже немного пробежала дрожь, а внутри осталась только капля слезы лжи. Чтобы и потом наполнить уже бы мою вторую сущность человеческого зверя. Я не стал его выпускать сегодня наружу, но видел этот дымок над Танаисом. Который говорил мне, что город видимо совсем не любит современников или приезжих, а любит он только коренных жителей России. Моя интуиция стала гулять внутренне очень быстро и я расслышал небольшое признание от Гедеона. Он сказал, что на него нашло что-то очень большое и гротескное, что подсказало ему, что вокруг находятся одни враги. А сам он может быть вскоре убит или смертельно ранен, и чтобы избежать этой горестной судьбы - нужно убрать своего старшину с дороги.

А им был конечно же Артём. Я немного поёрзал, но опустил свои плечи, потому что не думал, что Гедеон говорит всерьёз. Ему напекло голову, а на улице был просто май и не к чему было здесь придаться. Можно только его уличить во лжи или ещё в какой-нибудь тайне, которая покрыта сегодняшним современным роком человеческих отношений. На этой паузе я понял, что роковых событий не произошло, но мне стало неприятно спать рядом с Гедеоном в нашей военной машине. Я попытался протереть глаза руками, чтобы понять, что же на самом деле происходит? Где я стою, а где можно уже бы и прилечь, чтобы немного отдохнуть? Артём

вынул сигарету и немного закурил. Я стоял вполоборота, чтобы контролировать ситуацию с Гедеоном. Когда бы он мог опять на меня наброситься ни с того ни с сего или придать себе очень серьёзный и бахвальный вид. Чтобы и потом накинуться бы на меня, например, с ножом. Поэтому я убрал все эти колющие предметы подальше и заварил себе немного кофе.

По ту сторону великого расстояния солнца в самом центре космических сфер мне стало довольно приятно рассматривать, как само это солнце постепенно садится и думает, отнюдь, не обо мне. Оно думает о ком-то другом, чего я не могу сказать сегодня о Гедеоном. И тут, мне позвонил опять Александр Игнатьевич Рем. Точнее я сам принял от него сигнал или то, что можно называть бы уже чудом. Он спросил меня, как у меня дела и почему мы так отстали от общего отряда ребят? Что мы делали всё это время, ведь прошло уже больше двух месяцев? Нас могли бы записать в пропавших без вести, но почему-то не стали и этого делать. И всё это также была величайшая загадка того времени, чтобы не придумать ей странного и лживого объяснения, но придать немного фатализма впереди себя. Ведь участник СВО должен просто выполнять всё то, что ему говорит его командир. Внутри которого очень много надежд на успешное выполнение плана внутри сложной военной миссии. Она была сегодня качественно приготовлена и также хорошо сделана, чтобы даже понять, что мы не одиноки в этой блуждающей Вселенной.

Мы как бы растекаемся здесь, как небольшие созвездия или сознания внутри истины людей. Но сами не можем найти выход из нужного маршрута судьбы. Он конечно проложен не нами, но вид имеет довольно себе граждански обособленный. Эту оказию знал и Александр Игнатьевич Рем, который без особенных препирательств просто дал мне понять сегодня, что он меня поддерживает. А может даже и одобряет в глубине моей кровавой души. Артём её никогда же не разбирал на части, но видел свет потусторонней матрицы, которая шепчет ему впереди. Сегодня там был город Танаис. Такой бы малонаселённый город-памятник, состоящий из древних развалин и уже бы пройденного этапа жизни в глазах человеческой цивилизации. Я в неё никогда не входил, но почувствовал что-то очень таинственное и лёгкое, где могу придать даже шёпот воды. Для такого факта осознания себя самого, как наблюдателя военного и разведчика, который видит больше чем ему на самом деле нужно.

В природе видит или вне её самой, но точно знает, что завтрашний день настанет. Он будет идти также по часам и переливаться там через разные российские города нашей души. А они будут отвечать там уже бы своей взаимностью и удачей на пути в жизни. В такую вот жизнь я и иду, туда, где можно будет достигнуть перемирия уже бы не с противником, а просто с оппонентом. Которого я может не знал, но он был такой же славянской цели рождения и рода, однако, остался немного позади. Его потеряли и теперь на месте такого бы человеческого света души находится некий ларец. Я его беру в руки и открываю, а оттуда вылезает злобный и циничный человек. Который хочет только наживы в жизни или понятия абсолютной строгости на своих карманах выгодной души. Из такой дурной души не может никто нормальный вырасти, а ты не можешь туда проникнуть ничем из своей природы. Всё потому, что эта природа уже не человеческая.

Она стала механизированным и затравленным зомби внутри такого же социального пути развития невежд. Откуда бы и ларец нельзя открыть достойно, а душу выпустить и уж совсем страшно. Когда бы такое чудо природы идёт к тебе навстречу и говорит, что ты должен жить как нацист. То есть понять суть уже бы деловой этики между нормальностью и выгодой, но в пользу максимализма внутри общества. Которое никак тебя не ценит и не верит в твои глаза, а завтра ты должен этот максимализм опять и опять доказывать и бредить у него на руках. Что ты можешь сделать намного больше, чем говоришь о своём прошлом или своём будущем в жизни. Я не хотел вдаваться в глубинные описания таких вот социальных зомби, но всё поглядывал на Гедеоном. Который также охотно заварил себе предвечерний кофе и стал думать, что ему делать дальше по жизни? Где его сторона нормальности или воли, которую нельзя запрятать также

глубоко, чтобы и вовсе не видеть? На переливах уже бы почти летнего солнца и слипшихся ресниц, которые постоянно хочется разлепить руками. На моей жизни разлепить без грязи такие ресницы было почти невозможно. И я стал думать, как это можно было бы сделать в будущем?

Около меня в пяти шагах стоял Богдан и смотрел постоянно в бинокль. Он видно наслаждался такими вот красивыми весенними пейзажами, чтобы никогда не спутать их с чем-то невероятно странным. Я увидел, что Богдан немного шелохнулся и вздрогнул, а потом согнул своё небольшое тело. Чтобы отпрянуть на долю секунды назад и сказать мне несколько своих тайн. Их было немного, но одну я расслышал почти сразу. Богдан сказал мне, что он опять видит этих самых военных в неизвестной форме и они куда-то рысцой передвигаются. Без каких-либо средств или военных машин. И все они очень озабочены, чтобы не выдать своё присутствие на том конце жизненной меры, где уже нет людей впереди. Есть только странные очертания теней и может два-три сигнала, излучающих свет для их осознанной миссии. О ней мне хотелось узнать, но подходить к ним было запрещено. Это так и осталось видением или наблюдением за дорогой из тумана вокруг Танаиса. Видно именно оттуда они и переправлялись. Только не понятно было зачем или с какой сегодня миссией?

Мы немного после поговорили с Богданом на тему этих людей в странной форме и стали думать - кто будет дежурить ночью? Ведь если эти военные нас внезапно атакуют, то будет плохо даже и без солнечных ударов. Мы приготовились дежурить, я - до пяти утра, а после уже дежурит Богдан. В такой вот обстановке нам было легче и Гедеон мог поспать и отойти от своего странного изнеможённого состояния. Которое он получил, глядя на солнце днём и веря, что в ясную погоду с ним ничего не может собственно плохого произойти. Уже после двенадцати часов я взял в руки АК-12 и стал наблюдать. Сначала через очки тепловизоры, а потом и через другие военные средства распознавания движения людей вокруг. Я не видел ничего тайного или странного, но мог бы не понять, если бы вдруг из-за кустов выскочила лиса. Она была бы такая рыжая и терпеливая, но очень скромная под стать нашему Гедеону. Который хотел покорять в жизни как можно больше дамских сердец.

Он молил об этом постоянно втайне, а сегодня спал зубами к стенке бронетранспортёра. И такой пейзаж меня очень умилял и радовал, что можно было бы не спутать кривым глазом между кустов. Вдруг, я почувствовал, что нечто шелохнулось не очень далеко от нас. Да так, что можно было даже вытянуть голову из люка и просто посмотреть невооружённым взглядом. Я подманил опять сам к себе удачу и нашёл верную точку опоры. Чтобы и сегодня Артём смог сделать этот точный шаг и уже к пяти часам утра сменить бы самого себя на своего напарника. Мне не было страшно, но что-то шевелилось более активно. Наутро нам нужно было бы ехать дальше, а передышки делать в такой ситуации просто некогда. Да это и не нужно делать, только вороны каркают по углам уже бы моей несносной головы. Чтобы пугать там ещё больше мой глаз или моё утончённое ухо. Которым Артём может прислушиваться сегодня с такой невообразимой силой, наблюдая ночную природу.

«Может это просто вороны скопились недалеко и дерутся за свою добычу?» - подумал я и немного прищурился. Обычно я никогда так не делал, но сегодня мне захотелось чего-то другого. Того, что я обычно не делаю, и не могу сам себе бы интуитивно объяснить. Как будто бы там на самой сердцевине души Артём хотел бы себя обмануть, где бы сделать свою природу неуловимой и тонкой. Чтобы потом быстро спрятаться за её великие глаза и уже не думать о своих бы личных врагах. А их видно было много вокруг. Приближался пятый час и мне стало немного скучно. Точнее я устал и от скуки у меня уже начинали слипаться глаза. Тогда я разбудил Богдана и сказал ему, что уже почти пять часов утра. Мы мило переглянулись и обмолвились парочкой слов, а потом я лёг спокойно и стал видеть радужные сны. Они были такими странными и даже мнительными, что у меня выступила испарина на лбу. То ли от жары

в БТР, то ли от того, что я забыл снять с себя верхнюю часть одежды. Чтобы остаться в обычной майке.

А снилось мне очень много чего интересного. Например, моё прошлое, которое я проживал в городе Шахты. Когда я был ещё совсем ребёнком и мучил постоянно родителей своими истериками. Так я хотел показать им, что во мне зарождается настоящий зверь и он не может быть плохим. Или укусить кого-нибудь, словно вампир, но понять всю сложность такой бы человеческой жизни. В моих жилах и сегодня был настоящий вампир. Он лежал теперь и думал о том, что приключится с нами завтра? Может нам придётся отбиваться опять от дров или манить свою свободу куда-то вдаль. Где нет никаких ворон, а есть только участники Специальной военной операции и все они собрались сегодня в одном месте. Конечно доехать до этого места нужного назначения стало теперь огромной проблемой. Артём даже не задавался вопросом: «Как можно так беспечно жить, чтобы никогда не думать о других людях? Где ты сам не можешь понять даже, что от тебя хотят в реальности, а только стреляют?». На этот раз никакой стрельбы не было. Ночь прошла как огромный и великовозрастной вампир. Который крадётся к тебе навстречу, но не хочет понять кто ты вообще такой? Он видно не знает тебя лично, а его глаза отражают только смертельную усталость на переливах такого бы стиля логики зверя.

Над моей головой навис Богдан и сказал мне, что уже двенадцать часов дня. Я видно очень заспался и видел много чего неординарного. К такой промывке мозга я был не готов, но выбрался из военной машины довольно быстро. И первое, что я увидел на поле - это лежащее армейское оружие. Как будто бы вокруг нас кто-то проходил или пробежал и ненароком оставил бы его лежащим на земле. Может эта потеря была не великая, но множила уже бы мои страхи. Ведь до следующей остановки нам было ещё много ехать. А впереди бы опять густой и белый туман. Теперь он был в виде немецких штурмовых винтовок, в количестве пяти штук и одного автомата Калашникова иностранного производства. Я не мог понять, что это значит для нас, но призадумался. Впереди видно была наверняка засада? А может там было скопление нацистов и они уже теребили своё самолюбие, чтобы приготовить очередной сюрприз.

Только вот для кого в этот раз? Мне стало не интересно, что это могло бы быть за военное сопротивление. Только сам я решил избавиться от такого бы оружия почти сразу. Недалеко, метрах в двухстах был большой овраг, а вокруг него было много тех самых кустов. Ведь уже в мае зелень заполонила почти что всё вокруг и рассмотреть что либо точное - было почти невозможно. Я хотел туда сходить и уничтожить весь этот иностранный склад оружия. Во мне загорелась некоторая идея и я нашёл ей даже ручное применение. Поэтому Артём немного подкрепился и решил сходить туда один. Я сказал Богдану, что пойду недалеко, чтобы избавиться от иностранного оружия и мне нужно будет отойти ненадолго. Поэтому Богдан должен был бы следить за машиной более тщательно. Ведь если у Гедена съедет опять крыша, то это будет уже более болезненно для нас всех. Я надел свою военную экипировку и пошёл быстрым шагом. На плечах у меня был небольшой груз, но он мне никак не мешал.

Конечно можно было бы не думать о том - кто найдёт это бы оружие в будущем. Но наверняка не станет его искать в глубоком овраге на окраине уже бы небольшого города. Моему терпению пока не было конца, но под ногами проявилась некая грязь. Это было как будто бы подтопленное место, а из под земли бил небольшой ручей. Он растекался по дороге и потом отходил уже к тому самому оврагу. Чтобы потом видно стекать по нему в самый затаённый низ, где возможно было бы небольшое озеро. Я не понял сразу куда я попал, но пройдя немного по земле я подошёл вплотную к кустам зелени. Пахло очень сильно листвой и какими-то волшебными цветами. Мне стало не по себе, ведь я сразу руками раздвинул эти кусты и увидел, что за ними ничего нет. Там был просто воздух или та самая пропасть куда можно было скинуть это личное оружие. Так я и сделал, а потом услышал небольшой хлопок и как будто бы что-то очень тяжёлое упало. Видно это был мой нетривиальный груз, который я мог бы нести на себе

не целую вечность. А только её самую несовершенную часть, чтобы убрать этот постыдный тип оружия с себя самого.

Когда я шёл обратно, то услышал крики и понял, что Геден опять ругается с Богданом. Мне стало не по себе и я приготовился опять к атаке. Но эта была не атака врагов, а небольшая атака, которую могут сделать тебе нездоровые напарники. Где нельзя предугадать их сложный стиль поведения, но можно понять их косную и невыразительную речь. Моя была сегодня на высоте и мы решили так теперь дежурить постоянно ночью. Полночи дежурю я и полночи дежурит Богдан. А тот самый Геден не дежурит вовсе, он просто прохладается и ждёт своей особенной воли. Чтобы за этим совершенным ничем не деланием не скучать, но и не вредить своим бы напарникам. Внутри которых скопилось очень много военных страхов и проблем. И все они не видят пока что достойного разрешения внутри обоюдной личности в жизни. А личность эта была не последняя и даже не посредственная, которая могла бы внезапно выпрыгнуть из-за кустов. И притвориться может нацистом, а может быть даже пьяным русским человеком. Которому просто сложно идти по дороге и он идёт напрямик по кустам и ворчит на всех людей в округе.

А ворчать мне пришлось сегодня на самого себя. Я раскрыл медленно карту и стал смотреть на пути, по которым нам лучше бы ехать дальше. А там нас поджидал уже бы большой город Таганрог. При этом нам нужно было бы ехать вдоль железной дороги и вдоль уже известного Таганрогского залива. Я не был большим фанатом железных дорог, но романтика это была бы приличная. А сам Богдан ничего мне не сказал насчёт его криков с Геденом. Только прикинулся немного дурачком и что-то очень невнятное проговорил под нос. Как будто бы сегодня он сам стеснялся быть таким вот современником. Простым военным работягой или путешественником, внутри которого могут затеряться уже глобальные формы иноземной красоты. А ты берёшь её в свои чрезвычайно железные мужские руки и укладываешь точно напрямик на свою бы совесть. Чтобы внутри уже тогда смог бы вылупиться настоящий и реальный человек. Такой же современник, но более продвинутый и сложный, когда он сам сможет тебе давать множество советов и не думать о плохом в будущем. Который не будет тебе во всём подражать и звать на помощь по каждому странному случаю. А будет видеть в тебе пример для подражания, но такой бы личный, чтобы никогда не казаться на виду уже дурачком.

Поэтому я прикинул, что если мы опять переместимся уже бы ближе к осени, то нам придётся запастись тёплой одеждой. А вокруг конечно же никого. Только деньги может тебе переслать начальство, если конечно это будет необходимо в том времени, где ты сегодня. Такой одинокий и маленький человечек, который ищет своего счастья в уже альтернативной истории жизни. Потому что в обычной среде вопросов и ответов он может уже бы давно умер. Но на его похороны так никто и не пришёл, не вышел ему навстречу, чтобы увидеть его серый гробовой камень из точно выгравированного слова имени на лице. А лицо это было конечно же военное и русское. Такое слаженное и современное, что даже пятки могут сверкать в темноте моего древнего чутья человека. Но я не вижу их след на песке, а вижу только в свой иллюминатор простоты уже бы циничность других людей. Они не стали сегодня большими маразматиками, а сам Геден стал очень мало разговаривать и может совсем замкнулся на таком бы чёрном периметре его необузданной личности.

Обуздать которую я так бы хотел сегодня. Пока, в один прекрасный момент не наступили бы уже сумерки и к ним не присоединились бы какие-нибудь вражеские дроны. Они могли нас атаковать повсюду, а мы были, как небольшие полевые зайчики. Чтобы вовремя успеть от них замаскироваться или спрятаться в надёжном месте. Так учила нас обычная военная методичка, но в жизни можно было видеть совсем другую картину. В которой ты сам глазами не можешь поверить в то, что за тобой пристально следят. И делают это днём и ночью, чтобы преподнести нужные военные факты внутри уже бы новой реальности. Я стал изучать психологию этой реальности, как будто бы это была гражданская маскировка души. И понял, что внутри меня

таится зверь, которому никак нельзя доверять. Танаис не очень смог обуздать в нас ту самую кровавую душу, но устроил небольшой сюрприз из потерянного иностранного оружия. Значит ли это, что враг был совсем близко? Или это было украденное оружие и нелегально перевезённое через разные города России?

Этому факту можно было бы дать очень много предсказаний. Но все они оставались на грани подсказок из стиля личной совести. А она почему-то сегодня неслышно молчала и косила под такого бы важного мужчину, которому всё по плечу. Просто взять и сложить всю свою и чужую жизнь себе на плечи, а потом задать бы жара для уже иностранного легиона врагов. Он не был мне понятен полностью, но я не видел в точках такой логики много устрашающих факторов. Ведь мстить в такой ситуации бесполезно. Можно быть лишь расчётливым военным и выполнять свой предначертанный долг. Своими же руками или глазами, но с пущей осторожностью, где можно быть российским героем в жизни. На моей жизни я не очень тянулся к героизму, а вот Гедеон хотел им стать. Он иногда даже говорил о подвигах прошлого, о военных так лаконично и трепетно, что немного потирал свои ладошки. А я в это время ему мило улыбался и ждал, как он будет дальше указывать мне на промахи или особенности уже бы человеческой психики.

Так моя психика стала проявляться больше чем обычно могла бы делать это. В режиме обычной жизни или в режиме слежения, когда ты находишься с прибором ночного видения или следишь через другие военные приспособления. Над моей головой пролетел ворон и указал мне на то, что неплохо было бы подкрепиться. На сей счёт я сделал быстро сухой паёк и накормил бы своих голодных напарников. В армейской дисциплине это была хорошая начинка для нашей сегодняшней гордости. Я мог бы сделать даже себе шашлыков, но просто побоялся разводить костёр. Ведь на пересечённой местности я мог бы привлечь к себе не нужное внимание. А дым - это был мой тайный враг, о котором никак нельзя забывать. Как и о дронах внутри моего сопровождающего взгляда, который видит всё и сразу, и может даже охватить пустое поле переживаний целого народа. Вот такие вот мысли стали таиться в моей голове, но я им позволял делать это со мной. Чтобы внутри у меня не было никаких больше мужских комплексов, а сам я считал себя только победителем.

На своей уже состоявшейся жизни, а может и в жизни моих напарников. Которые могут меня конечно не поддержать, но делают это не со зла. Как и раньше, когда меня поддерживал мой преподаватель по колледжу Василий Александрович Райский. Если бы я уже был бы инженером проектировщиком и говорил, например, на трёх языках, то может быть и сам тогда вполне состоялся бы в жизни. Но сегодня я был состоявшимся военным и моя задача была поддержать этот боевой имидж, чтобы потом дополнить его новыми гражданскими приключениями. Где я вижу не только злых и требовательных преподавателей, но вижу и тонкий стиль цинизма. На который не могу не обратить своего же внимания. Он ищет со мной связь в прошлом, а я ишу туда бы уже свой мужской выход для сознания. Чтобы при приближении такого бы поезда времени - выпали наружу все мужские страхи и комплексы. А потом бы они ловко разбежались по углам, наблюдая за своими притаёнными врагами. На моём веку было много людей мне знакомых, которые никак не сражались с комплексами. Потом уже после многочисленных испытаний эти люди просто стыли как небольшие статуи, набравшие в себя исполинский воздух. Чтобы за ними повторяли не только военные, но и обычные гражданские люди.

Я не был таким надменным и боролся сам с собой только через личную интуицию. И то, Артём делал это очень аккуратно и трепетно, чтобы не задеть ни чьё самолюбие. Где за гражданской одеждой всегда находится мужская военная экипировка и она конечно принесёт тебе сегодня полноценную удачу в бою. Не такую, за которую нужно бороться до самой смерти, а более нормальную и верную, где ты просто сам выживаешь и тянешься к свету своего времени. И всё это потому, что ты стал современником уже бы своего времени и своей армейской подготовки. Чтобы не думать вообще об устройстве этого мира, но погружаться в такой неболь-

шой котлован своей ментальности, где нет никого кроме тебя. А есть только твои армейские привычки и они ведут тебя по пересечённой местности в разную глушь или туда, где не может пройти нога обычного человека.

Ты же быстро пересекаешь эту опасную траекторию и не можешь уже быть слабым в душе. Я не был никогда таким и пытался держаться всегда в ровном и спокойном состоянии, чтобы не смущать своих уже бы напарников. Богдан стал также каким-то задумчивым, а часы стали очень мутными. И всему этому позиционированию лучшей жизни внутри нас не было никакого конца. Видно опять обострился некий военный идеализм и тянет сегодня на то психическое состояние, где нет ни одной логики для удовлетворения. Ты сам должен её создать внутри своей современной психики, чтобы понять, что у тебя лежит на сердце? Как этот зверь руководит тобой в бою? И что он может принести тебе сегодня нужного, когда опасность стала вечно царить над головой. В дороге мы не встретили пока серьёзной опасности, но мысли блуждали по этому поводу постоянно. Я иногда боялся ловко открывать люк, чтобы дышать свежим воздухом на остановках. Так как чувствовал постоянно некую свинью за спиной. Но мечтал, однако, что этой свиньёй не станет Гедеон.

Он сегодня не внушал мне доверия и спал как-то очень нервно и может даже нездорово. Я дал ему немного успокоительных из аптечки и вроде бы пока всё уладилось. Ведь водка была отменная, а мы не говорили много о личных пустяках. Которые возникают при передвижении по неизвестной местности куда-то вдаль. Смотря только на свои карты или не веря, что мы находимся в безопасном месте. Потому что на сегодняшний день этих мест вокруг границы с республиками почти что не было. Нам нужно было въехать на территорию Донецкой Народной Республики и мы могли этого ждать. Очень точно и с некоей ловкостью в своих глазах, чтобы потом получить ещё небольшие сухие пайки в армейских специальных магазинах. А может провести уже бы гуманитарную помощь и самим людям. Или спасти из плена выживших граждан, которые подвергались насилию со стороны нацистов. Они ведь никогда не задумывались, что это вообще значит - подвергнуться насилию?

Когда ты не можешь понять за что тебя наказывают и где конец этому бесправию? Расположенному сквозь очки уже не приближения, а удаления от войны. Где ты живёшь обычной жизнью и не ищешь пути из демократической правды, но проживаешь жизнь такой как она есть. Довольно хладнокровной и смелой, а также моментами непривычной, но всё же естественной и живой. И вот, в один из таких моментов ты просто попадаешь в плен. К неким людям, о которых ты только читал в газетах. Они вообще не видят в тебе никакого человека, но поднимают там же сюжет уже космической опасности на руле. А вырулить сами-то они и не могут. Так как их тактика заключается в определении наилучшего вывода из врага. Его имени, его знака мудрости, а также его идейного поведения. И всё это на основе национального мышления, чтобы залезть туда бы дальше в чужую бы голову и мучить людей до конца. На таком конце я никогда не был, но был готов по-армейски к самому сложному сражению. Когда много неизвестных, но нет ни одного источника повторения человеческого почерка.

Такая себе гибридная картина нападения на образ гражданского бытия. На личное лицо обычных граждан, когда они не могут выглядеть иначе. Чем быть просто по-свойски униженными или растоптанными перед такими вот свиньями с разладом внутри головы. Богдан меня хорошо понимал и на эту тему рассказывал очень много историй из своей прошлой жизни. Только в его глазах я всё же был мужчиной из небольшого городка. Внутри которого нет основания бы для огромного стиля логики, но только для элегантной тактики, которой я сегодня конечно же горжусь. По этому поводу я находил постоянно выпад и говорил, что буду мучить его долго и усердно, чтобы понять, где наше общее слабое место. Каким конечно же завтра может воспользоваться общий враг. И он непременно сделает этот шаг на пути уже бы к повторению второго и третьего нападения. Чтобы не думать сложно о простом или не делать гиперболы из низкопробной гибридной техники окружения противника. Я слабо представлял как

можно вообще окружить таким способом военных, но усиленно стал доверять своим цифровым глазам. Они никогда меня не обманывали, но давали очень много надёжных советов на будущее, где тактика может уже просела и образовался такой бы плотный кровавый туман. Который может опять заполниться в будущем общими человеческими страхами и не дать мне преодолеть причину несовершенства военной тактики на поле боя.

Глава 4: Таганрог или наше малое лето

Роман малодушия с лёгким умопомрачением меня мало интересовал, а вот, например, роман внутри летнего отдыха и изысканный стиль ведения войны - намного больше. Поэтому я ехал, немного придерживая руль, чтобы ни сколько не казаться себе ничтожным существом из космического ада. Когда бы мой ад только и делал, что поглощал уйму сигарет и тонкий флирт между ответами и вопросами Гедеона. Он никак не мог понять - куда мы вообще едем? Может после солнечного удара у Гедеона совсем сместились мозги не в ту часть, от которой в сумме мнений нужно отражать смыслы этой жизни? Но сам он стал выражать особое беспокойство насчёт нашего будущего. Ведь все понимали, что что-то идёт не так. А эта самая возможность природы - «идти не так» давала очень странные преимущества. Например, на одном переходе между пригородными дорогами, ведущими в Таганрог я вдруг вспомнил про Александра Игнатьевича. Я стал думать о нём слишком часто, как будто бы он был всего лишь сном. Из моего непокорного будущего или того, что я могу сделать сегодня плохого. Я ничего такого делать не хотел, а разложил свои руки на руле и дал проехать остальному транспорту впереди.

А передо мной была железная дорога, которая казалась мне очень успокаивающей и ласковой гостьей. С которой нельзя снять шляпу при параде, но нельзя и привыкнуть к той маленькой шутке судьбы, что все мы одни на этом свете. Умираем и можем быть полезными только для себя самих. Не считая особенных подвигов на войне, о которой также можно прочесть в огромных и слезливых исторических романах. Я стал смотреть на поезд и немного напрягать своё лицо. От летящих синих вагонов нельзя было просто оторвать своих глаз. Они, как небольшие синие птицы летели перекрест меня и хотели немного отвыкнуть от надвигающейся в будущем войны. А она конечно же предстояла и могла принести немало бед мне и моим напарникам. Но сам Гедеон об этом никак не жалел. Он был настолько напористым и угловатым, что можно было бы снять про него целый художественный фильм. А в основу просто положить сюжет о том, как сам он мог ломать своих врагов на щепки. И эти щепки конечно же летели туда-сюда и не могли обманываться насчёт личного несчастья. Именно того, которое им приносили военные и их боевой опыт.

Артём вскользь посмотрел на лицо Гедеона и стал как-то мрачнеть. Ещё через несколько секунд мне был сигнал на рацию от Александра Игнатьевича и он меня почему-то сразу очень озадачил. Может потому, что он был внезапно и прямо перед железной дорогой? А может и потому, что я слишком засмотрелся на лицо Гедеона. Который должен был следить за дорогой также аккуратно, как и я. Я услышал знакомый голос и мне полегчало. Александр Игнатьевич сказал мне, что нужно делать дальше. Как обойти некоторые трудности на пути, которые могут нам попасться или повредить нашу БТР. Во время нашего разговора по рации сделалось такое поле вокруг меня, что объективно это очень трудно объяснить. Меня стало передирать и я даже вспотел. Но украдкой стал думать, что в общем-то ничего плохого пока что не случилось. Не прошёл целый составной поезд по нашим головам, и не прекратилось то самое военное удовольствие от жизни. Внутри которого можно только трогательно гадать, что же будет в следующий миг нашей жизни?

А в следующий миг мы переехали через этот железнодорожный переезд и попали почти что в другое измерение. Там было очень много деревьев, но это был ещё не лес. Дорога же была довольно широкая и шла по такому песочному налёту с асфальтовой кромкой, что можно далеко не смотреть. Не думать насчёт своей личной выгоды по пути, но делать всё точно по плану. Я хорошо выслушал всё, что мне было сказано по рации. Но не сразу понял, что это может быть для нас уже бесполезным действием. Потому что наш детективный роман только начинался, а жара постоянно усиливалась и могла накрыть теперь кого угодно. Так мы проехали

ещё десятка два километров и остановились на очередную стоянку. По пути мы встретили ещё несколько магазинов и там взяли себе довольно много провизии. Это было вечное лето, как в тумане, за которым может внезапно начаться настоящая осень. И она принесёт нам много другого личного испытания на пути. На нём стояли мы трое и делили постоянно смысл в нашей жизни. А ещё очень не хотели встречи с очередными посторонними людьми.

Особенно, если они были бы немецкой национальности или вертели бы свою фуражку прямо на пальцах. Чтобы ещё больше раззадорить нас не только своим внешним видом, но и своим прямолинейным поведением. Я хотел ещё немного отдохнуть от таких назойливых мыслей. Но тут, вдруг, Гедеон полез опять в коробку с инструментами. Они нужны нам были для разных случаев, но использовались крайне редко. Я стал присматриваться к нему и думать, что на уме у этого человека? Что он может нести за своей сварливой честностью и такой же мужской харизмой? Артём не мог никак понять, что его беспокоит в этом человеке? Где он может ему доверять, а где лучше полагаться только на личную интуицию. Мы стали располагаться около бронетранспортёра и постоянно чего-то ждали. Не то своей смерти, не то странного ощущения победы. Которое может прийти внезапно и окунёт нас в одно такое личное слабоумие. Это были всего лишь цветочки из малого - того, чего я ещё просто не знал или не мог понять. На моём месте кто-то другой сразу бы насторожился, а я стал думать и копаться внутри себя самого.

Много времени не прошло, как мне стало казаться, что у нас есть хвост. Точнее есть некто кто наблюдает за нашим передвижением. И этому некто всё давно известно, но мы не можем ничего больше сделать. Подставой это было бы назвать нельзя. Слежкой из космоса также нельзя было упорядочить множество странных мелких фактов. Они попадались мне преимущественно на самой дороге. Чтобы, когда я ехал - думал, что сам тащусь, как черепаха в изголовье какого-то чудовища. А это самое чудовище может меня заглотить в любой момент. Оно уже почти это сделало, но пока я его сам почему-то не вижу. Я смотрю сквозь деревья, но вижу только зелёные кусты, хорошо пахнущего преддверия леса. Или того, с чем можно было бы собрать много уже новых и необычайных слов в своей душе. Богдан также смотрел на лицо Гедеона как-то неодобрительно. Может после той перепалки около Танаиса? В этом нельзя было быть уверенным, но я понимал, что что-то здесь не так.

Мы поели и стали смотреть на природный закат. Стояла почти середина мая и уже ощущалось приличное лето. Которое мы могли бы провести, например, в Таганроге. Но несмотря на ласковость всей этой погоды нам был дан приказ воевать. Точнее участвовать в СВО, чтобы иметь намного больше преимуществ перед жизнью. Сломать её было довольно трудно, но найти секретный ларец всегда хотелось. Чтобы, когда ты его откроешь - можно было бы узнать о своей будущей судьбе. О военной или о той, что может тебя ждать на гражданской службе. Ты несёшь её и не водишь носом туда-сюда, а лоснишься уже бы к круговороту странных мыслей. Они и сегодня имели верх над моей же циничностью и странностью менять много логических позиций в уме, а потом их просто забывать. Чтобы не думать много о тщеславии этой надоедливой жизни и не ронять туда много социальных алмазов. Их и так выравнивают тоннами на военном поприще в каждой войне. Особенно, если война становится патриотической и смыслообразующей.

На такой вот интересной форме мысленного эгоизма я просто замер и стал курить. Дорога ещё шла какое-то время по лесам, а потом опять обрывалась на пересечённой местности. Где шла уже вдоль бы железной дороги. А поезда виднелись лишь изредка, но могли быть напоминанием о нашем военном путешествии. Ведь мне казалось, что оно будет более простым. Что мы доберёмся быстро и у нас не будет никаких транспортных проблем. Но всё затянулось в такую кривую сложного оборота лексики, что теперь было уже похоже на самый настоящий фантастический роман. Он проходил из города в город и мог принести нам множество мелких проблем. Но самая большая проблема была на сегодня - это борьба с нацизмом. С таким вот

явлением, где нет почти никакой национальности, но есть самый настоящий радикализм. Он проявляется везде и всюду и тонет внутри такого бы озера зверств к людям. Ты видишь его озлобленные глаза и не можешь переплыть это озеро несчастного рока. Пока твоя дорога ведёт тебя туда, где сам ты будешь бороться с огромным количеством психологического явления войны.

Потому что сама она бывает только в огромных литературных романах. А ты при этом воюешь с действительной реальностью, чтобы не думать о прошлом или будущем с негативной их стороны. Сам же Таганрог был на берегу залива. А нам так хотелось отдохнуть на море, но было никак нельзя. Мы пытались даже с Богданом и Гедеоном играть в разведчиков, но постоянно обыгрывали самих же себя. Просто было нужно поменьше врать, потому что разведывательная деятельность - это не лотерея. Её невозможно выиграть за один день и тем более принять позу сурка, а потом стать внезапно победителем. Я очень смеялся над Гедеоном, какое он делал серьёзное выражение лица. Когда пытался объяснять свои ответы на мои вопросы. Он ждал, что я проколюсь на каком-то месте, но я этого никогда не делал. И тогда сам Гедeon делал ложное решение обо мне и начинал быстро врать. Его руки при этом неестественно начинали шевелиться, а сам он покрывался мелкой испариной.

Ведь организм же невозможно обмануть. Можно только перехитрить свои мысли или отвести внимание собеседника. Пока ты сам будешь цыганским образом иметь небольшое преимущество. Но всё хорошее конечно нужно делать в меру. Не пытайся упасть в криминал или ещё в какую-то странную ситуацию. Я был недоволен сам собой, когда перекачивал взгляд то на одного, то на другого собеседника. А ночью мы опять дежурили и думали, что нам уже ничего толком не угрожает. Как это было наивно и странно: думать или знать, но всегда отговаривать себя от военной перестраховки. Уже поздно вечером я почувствовал, что что-то странное опять нагнетается над моей головой. Оно стало лежать как полноценный кирпич и звало меня туда, откуда бы уже никто не возвращается. Я стал собираться, поменял свою одежду и решил пойти немного поспать. Мне настолько было не по себе, что я взял АК-12 и положил его себе почти под голову. Чтобы в любой неадекватной мне ситуации сразу взять и начать просто стрелять. В воздух или ещё куда-то в тень моего врага или соперника, но может и в него самого. У нас и так были самоходные артиллерийские установки, но их можно было использовать далеко не везде. Я понял, что стал чего-то бояться. Того, откуда уже никто не возвращается и может не вышел никогда живым.

Моя собственная тень упала прямо на карту, на которой я смотрел наш будущий маршрут и мне стало опять страшно. Я не был никогда нытиком, но Варвара говорила иногда, что я угрожаю сам себе. Будто дерусь со своей же тенью и не могу привыкнуть к тому простому правилу жизни, что я человек. Никакой не робот и не ловкий богатый денежный мешок, а обычный мужчина с военной хваткой. Её и сегодня можно было бы найти не только во мне, но открыть этот стиль логического идеала всегда трудно. Меня влекло к людям совсем на меня не похожим. С которыми я мог бы постоянно спорить или даже драться. И таким вот человеком сегодня был Гедeon. Он почти меня раззадорил на небольшую взбучку, но вокруг было довольно тихо и умиротворяюще спокойно и сам я, немного пошурясь - решил уже бы поспать. Ночью кругом меня было много мрачных людей в чёрной одежде. Они говорили мне, что пришла пора сдаваться и идти с ними на тот конец берега, где уже нет никого похожего на меня. К такой неоднозначной трактовке событий я был не готов.

Прямо во сне я стал спрашивать, откуда все эти люди? Кто они такие, и что хотят от меня узнать? В атмосфере полной тайны и сакральности я не узнал почти ничего и понял, что меня пытаются поймать в секту. В реальность, от которой я никогда не смогу отказаться. И не пойму, что там для меня будет самым определяющим и сакральным, а что я смогу применить в своей бы уже жизни. Артём не думал, что ему будет плохо от такой вот жизни. Где он постоянно преследуем некими тайными организациями. А эти люди видят в глазах своих жертв только ключи

от сундуков с алмазами. Они берут их к себе ночью в заложники и пытаются в сердцах до самого утра. А потом ты просыпаешься с полностью вымученной и промытой головой, и не можешь понять, кто вообще всё это придумал? Что за ахиня, простите, несётся из подкорки твоего же мозга? Когда ты можешь плавно наслаждаться тихим сном, где не веришь даже своему я.

В такой вот момент я услышал сильный шум. Потом меня подняло и опять отпустило. Тряхнуло так, что нельзя было назвать это даже патриотической взбучкой. На которую можно было бы повлиять во сне или переместить в одно такое вот равноценное положение. Как в то, когда я лежу и не лежу одновременно. Артём как бы плавает и ходит в своём риторическом сновидении и оно ведёт его куда-то вдаль в запущенный уже давно чёрный ящик. Это конечно не мой гроб и не моя будущая смерть. Я могу только догадываться, что находится в этом сооружении тайны? Где потом я смогу оказаться, если не буду безжалостен к самому себе и не слезу с такой вот эквивалентной причины - быть сегодня дурачком. Потому что меня разводят какие-то тайные сектанты и все они смотрят на меня не то что глазами, а своим чутким и умиряющим эго. Поэтому я ещё несколько раз подскочил на своей же постели и понял, что я уже не сплю. Поэтому я быстро вскочил и взял в руки оружие.

Это был мой сакраментальный сигнал к началу боя. О котором ещё раньше я всё же мечтал, а теперь не буду многословным и найду там ловкое чудо, чтобы не умереть. «Хорошо, что я не умер во сне. Ведь мне пришлось бы туго - опять лежать в гробу и смотреть на моих скатившихся напарников. Которые мне при жизни, отнюдь, не доверяли, но знали, что я буду уже бы их тайной. Тем сакральным свитком печали и мира, который будет унесёт навсегда в могилу и там же и похоронен». Все эти мысли пронеслись у меня в голове также быстро, как и проявились на свет. Я не мог понять ещё, что в частности происходит. Но думал, что сегодня справлюсь с такой вот переходной линией на изменчивом шагу. Артём сделал ещё один шаг навстречу своей свободе и выглянул из люка БТР. И первое, что я увидел, как лежит на земле Гедеон весь в крови и уже не шевелится. Было почти утро и начинало светать. Я чуть не опоздал, но думал, что может ещё успею спасти этого человека.

Самого же Богдана исчез след и мне было уже всё равно, что будет дальше. Ведь мысли неслись каждая сама по себе и все очень аккуратно ложились прямо на карту. Которую мне придётся более тщательно изучить, чтобы понять - кто мог нас подсадить? Когда уже всё было оговорено и сделано ладно, но внутри я понимал, что не всё так просто. В моей голове крутилось много сомнений и я быстро подбежал к Гедеону. Изучив местность первым взглядом я не увидел ничего странного или опасного. Только то, что отсутствовал сам Богдан меня конечно же смутило. Артём попытался нащупать пульс, но его конечно же не было. Тогда я сделал небольшой массаж сердца и подумал было, что сейчас Гедеон очнётся. Но какое же моё было сожаление, когда я внутренне отчётливо осознал, что его уже нет. Видно его дежурство Гедеона было сегодня для него роковым. Но тогда где находится Богдан? Даже спросить то не у кого, негде взять ту ценную информацию, которая была бы сейчас кстати. Я стал исследовать всю прилегающую к военной машине местность. Там же Артём прошарил по всем кустам и понял, что никого больше нет. Только он один и его военная рация остались бы уже в его странной и безмятежной голове.

Тогда я решил об этом инциденте доложить Александру Игнатьевичу Рему и сам себе немного выдохнул. Ведь ехать одному совсем было бы неудобно, а добираться до своих - ещё через целый город. Может уже на границе с ДНР я смогу кого-то там и встретить. Чтобы собрать новую команду из напарников, но сегодня нас кто-то подстерёг и выманил бы уже Богдана на ту сторону души, где нет никого. Там нет ни людей ни сектантов, но стоит только стиль моих мозговых догадок. Они не хотели сегодня притворяться друзьями, а лес заполнял уже свойской и одинокой атмосферой. Я понял, что это был налёт беспилотников с поражающими элементами и оружием для массового поражения. Конечно не ядерная ракета, но уже словно бы она. Когда разминает человека до мяса и ты не можешь вернуть его на этот свет души.

Поэтому я дал сигнал Александру Игнатьевичу и стал думать, как всё это ему в общем-то грамотно объяснить? Пока я думал, то в моей рации появилась связь и опять очень знакомый до боли голос спросил всё ли у меня в порядке?

Может это были те самые нацисты, которые переманили бы Богдана на свою сторону? Я не хотел придумывать много идиотических историй, но стал рассказывать Александру Игнатьевичу всё по порядку. Я сказал ему, что всё наше оружие на месте, но вот напарник Богдан пропал и я не знаю как его искать в одиночку. Поэтому буду передвигаться пока один до ближайшего города. Точнее до Таганрога, чтобы уже оттуда придумать, что мне делать дальше. Александр Игнатьевич рассказал мне много полезной информации, что нужно делать, когда находишься один в лесу. Во всей своей военной экипировке, но с незащищённым тылом. И мне стало даже полегче, а потом он просто стал соболезнавать о потере друга. Потом сказал, что даст сигнал через два часа, когда выяснит в чём тут собственно дело? Меня это никак не удивило, но сам я получил очень много травмоопасной смеси чувств на утреннем своём чутье.

Артём не мог оправиться от того, что рядом уже нет ни одного человека, а есть только его тень. И та постоянно устрашает и летит, как тот злополучный БПЛА, который настиг прямо на земле стоящего Гедеона. Видно, когда он вышел покурить или стоял и ни о чём не задумывался, но смотрел явно не вверх над своей головой. Такое положение дел я мог бы и предугадать, но что оно случится так быстро и прямо перед границей - не знал никто. Я немного успокоился и поел. Потом, не долго думая пытался связаться с Богданом по рации, но конечно же получил только идейный шум. Такой, который можно перебрать в мозгах военного и опустить на этот свет. Пока ты ещё не умер на этом, а деревья вокруг только и стоят, чтобы подтрунивать над твоей иллюзорной свободой. Где у тебя просто нет права выбора, но есть военная смекалка и она ведёт тебя постоянно днём и ночью и не даёт уснуть, когда есть что-то злое впереди. Такой вот заведённый зверёк из глухой и свободной психической стихии человека, который ловко обходит все электронные приборы слежения и связи. Он только может играть мускулами внутри тебя самого и придумывать всякую чушь насчёт личных врагов. А ты его слушаешь и как-то немного вслушиваешься в этот заведённый внутренний голос.

Чтобы не только ты стал в себе самом мудрецом, но и твоё отражение в обществе стало бы мудрой личностью военного. Уже через час я поехал дальше, но был теперь совсем бы один. Я хотел бы видеть этот быстрый поезд по окольной дороге, но он всё не выезжал и не выезжал. И когда он всё таки выехал, то мне померещилось, что в нём находится Богдан и скоро меня уже догонит внутри такой вот дорожно просветительской истории. Что ему всё нипочём из редкого скопления мыслей на небе, а может быть и внутри головы уже военного. Я стал пристально смотреть вперёд и ждать, что мне навстречу полетит опять такой вот огромный БПЛА. С которым мне придётся уже разбираться при помощи своего оружия. Или системой слежения распознавать его и выбивать его электронную начинку прямо в небе. Как будто бы это делает рука Бога, которая всё знает и всё может вовремя предотвратить. Чтобы не мелькать на половине своей души, а тонко бы хранить трепетное чувство твоего успокоения, как военного.

Впереди была дорога, которая расходилась на множество других таких же песочных линий. А значит уже начиналась пересечённая местность. Я мог бы придумать для себя новое лето, но ещё был только май и мне понадобилось бы много времени, чтобы придумать новый одиночный план действий. Тут, мне подал сигнал Александр Игнатьевич. Он сказал, что мне нужно будет приехать в военную часть около Таганрога в области и там уже меня проинструктируют в дальнейшем. Я мог бы выкрасть сам у себя много времени, но добираться было ещё очень долго. Поэтому я решил запустить разведывательный дрон «Сириус» и найти своего заблудившегося напарника. Пусть даже он остался далеко позади, но из этого места я благополучно уехал и ждал уже бы в другом. Сменяя тактику за тактикой я стал измерять свои уже человеческие способности и понял, что у меня нет предела или тупика. Как будто бы я могу выйти из своей человеческой шкуры и залезть в чужую - такую же человеческую, может быть

даже сложнее чем моя. Может быть тогда я мог бы стать уже более полезным для людей или выдумать эту полезность, где бы не болеть. От разных психических странностей души или от того, что я не могу слушать дураков. Которые мне сознаются в собственной слабости, но не хотят улучшать свою жизнь.

Они лишь как игрушки этой странной жизни. Они не могут плыть по смыслам этой сложной игры, а я могу играть уже в другую личность во Вселенной. Которая мне может польстит, а может будет уже как лучший друг. Так я себя немного успокоил, ведь два часа назад были похороны моего напарника Гедеона. Я быстро вырыл для него место под инопланетным солнцем и прямо туда уложил его небольшой скелет. Чтобы в будущем там не стало ему бы плохо или беспокойно - видеть уже бы в небе странные огни исчезающих вечно нацистов. Которые хотят тебя поразить или поранить, а может и уничтожить. Но сделать это внезапно, как бы при помощи трудоёмкого нападения. Где ты не знаешь в какую минуту будет настоящая бойня, а где ты только приманка для более сильного дрона. Который сметает всё на своём пути и может несёт там ядерный боезаряд. На таком повелительном наклонении я не думал, что завтра будет хуже, чем было сегодня. Но мой рок приближался после уже бы похорон Гедеона.

Они не стали для меня сильной неожиданностью, но крышка гроба захлопнулась слава Богу не над моей степенной головой. Через полчаса «Сириус» показал мне много интересных картин при изучении и разведывании ближайшей местности. Я собрал всю эту странную информацию и увидел даже больше, чем нужно было бы наяву. Там я увидел скопление военных совсем недалеко от Таганрога. И все они были одеты в очень странную военную форму. Это была точно не российская военная экипировка, а такая, что даже на иностранную похожа. Они явно к чему-то готовились и могли запустить этот злополучный дрон, который и убил Гедеона. Я быстро передал все данные своему командиру отряда Александру Игнатьевичу и нисколько не застал его врасплох. Потому что он сказал, что последнее время происходит очень много диверсий в отдалённой местности между городов. И не все эти диверсии можно быстро расследовать, но информацию он конечно же проверит и доложит позже. Тут Артём выдохнул и стал искать дальше.

Уже через двадцать минут дрон Сириус показал некую точку на земле похожую на человека. Примерно в двух километрах от того места, где была наша стоянка. Я стал приближать и это цифровое изображение и увидел там очертания похожие на Богдана. Так как я отъехал не очень далеко. Примерно на пять километров, то мог вернуться обратно и поискать его ещё раз. Я записал все координаты местности, где Сириус нашёл бы Богдана и выехал обратно на своём БТР. Поэтому я сел в военную машину и стал разгоняться по полной. Меня нисколько не тошнило от этой жизни, но сам я понимал, что лучше уже не будет. А дальше нам придётся ехать уже бы в сам Таганрог, чтобы провести там небольшой кусочек нашего малого лета. Того, которое оставило след на моей душе и памяти. Я почти доехал до этого самого места и координат, которые мне показал цифровой датчик. Артём стал сам глазами рассматривать местность, но никакого движения не заметил.

С одной стороны было большое зелёное поле, а с другой стороны уже был тот самый злополучный лес. А вдалеке по полю пролегла железная дорога и мне показалось, что она была как будто бы не настоящая. Она немного светила на солнце и манила меня бы куда-то уехать насовсем. Туда, где я никогда не буду одиноким мужчиной и вечно буду иметь большое количество друзей и может даже денег. Тогда я сам вышел из бронетранспортёра и пошёл в том направлении, куда мне указывали мои же собранные координаты. Вдруг, я услышал своё собственное имя. Я не мог понять, откуда оно доносится и с какой стороны. Мне стало казаться, что это сплошное эхо из леса и мне нужно идти прямо туда, но я немного ошибся. Богдан лежал с раненой ногой, истекающий кровью, но всё же живой. Он не мог идти и просто спрятался в небольшом овраге на выходе из леса. Там, где ещё не начиналось зелёное поле, но его было

никак не заметить глазами. Я стал спрашивать у Богдана, что же всё таки произошло? Попутно оказывая ему первую медицинскую помощь.

Богдан смотрел на меня как ошавевший. Он нервно потирал руки и рассказывал очень медленно и с небольшим поворотом головы. Чтобы так казаться себе более спокойным человеком или быть при этом более живым. Из рассказа Богдана я понял, что мне повезло, а именно то, что я в это время спал. Где-то около двух часов ночи началось нечто странное. Над головой стали слышаться небольшие звуки стрельбы и потом вокруг деревьев стали опадать ветки и казалось, что лес начал рушиться сам собой. Но после нескольких секунд передышки Богдан не успел поднять голову вверх, как в него попало поражающим элементом. Задело ногу и ему пришлось быстро искать ближайшее укрытие. Для этого Богдан отбежал метров сто в сторону, но потом ему стало трудно ходить. Он потерял из вида Гедеона и ему показалось, что он заблудился. Потом Богдан шёл уже как раненный и прихрамывал ещё около километра. Пока совсем от потери крови не свалился на землю. Чтобы уже после этого подползти к оврагу и ждать, что ему придут на помощь.

Конечно Богдан был в этой ситуации более наивным, чем я. Ему наверно никто бы на помощь в ближайшую неделю и не пришёл. Он лежал такой бледный и беспомощный, что мне стало не по себе. Поэтому я быстрыми движениями рук схватил его и положил себе на плечи, чтобы отнести к БТР. Там я оказал ему медицинскую помощь и перевязал ногу бинтом. Кровь остановилась и мне стало намного легче. Это не было пулей, но было нечто похожим на неё. Только более поражающим и устрашающим для человеческого организма. Потом я накормил Богдана и мы стали опять рассуждать о жизни. Я рассказал ему о Гедеоне и о том, как там похоронил его. Богдан не очень расстроился, видно он был ещё в состоянии шока. Поэтому мой сигнал в его голову быстро не дошёл. Он покрутился немного около его сознания, а потом и сам Богдан уже среагировал и сказал. Что он может и не говорил, что они недавно спорили из-за нацистов с Гедеоном. И даже немного поссорились на эту тему, когда кричали друг на друга. У них было много противоречий на тему психологии нацистского поведения. И пусть это звучит банально, но в такой ситуации понять Гедеона даже бы я не смог.

Тем более, что он уже был не совсем адекватен и напал на Артёма в прошлом. Меня трудно было сегодня заманить в ментальную ловушку, но я хотел точно сопоставить все планы. Увидеть там в будущем может быть большее чувство справедливости, чем есть сегодня. И начать в такой ситуации размышлять более зрело и справедливо. Поэтому мы немного передохнули вдвоём и стали раздумывать, как нам поступить дальше. Я решил ехать до Таганрога и на самом подъезде к городу заехать в военную часть. Там можно было бы оставить Богдана на лечение, а самому собрать бы уже новую команду. На этот ход моих мыслей Богдан согласился и сказал, что когда я вернусь из боя, то мы обязательно отметим это событие вместе в городе Шахты. По этому поводу я долго не переживал и сразу сел за руль, чтобы добраться до Таганрога. На самом уже подъезде мне стало не по себе. Я увидел вдалеке поезд и он как будто сходил с рельс и начинал мне переезжать дорогу с такой космической скоростью, что мозг не может сразу уловить.

На таком пути я не смог бы даже вырулить быстро, но наверно врезался в такой быстро движущийся поезд. Что нагоняет тебя постоянно и ждёт в какую пользу ты обратишься сегодня? Кем будешь более полезен для общества или что станешь делать, когда жизнь почти подошла к концу? Где впереди у тебя один лишь вечный тупик и он стелется вокруг такой бы ласковой оградой из чёрных роз. Но ты не можешь выпрыгнуть из них, а только ранишь свою кожу, где ждёшь такого бы мучительного конца. Переживать свой конец я не стал и дал немного воздуха в лёгкие, чтобы видеть день более отчётливым. Таким майским и ровным, что никто не сможет в точности догадаться, что я не умер сегодняшней ночью. Где много нацистских беспилотников, а также много рядом людоедов. И они ждут тебя и отслеживают своими

маленькими глазками, чтобы мелькать на поводу у таких же безжалостных и мрачных начальников судьбы. Когда у судьбы совсем нет никакого начальства, а есть только поворот в никуда.

Он начинается сегодня на переходе прямо около Таганрога и говорит нам о малом лете. Которое мы могли бы провести все вместе втроём, но сможем теперь только вдвоём. Пройти и понять - кто же теперь будет на лихой кобыле времени следующим? Уже через пять часов Богдану совсем полегчало и он решил пока продолжать со мной военную операцию. Может помогать мне в чём-то или просто вести военную машину без постоянной вылазки наверх. Я подумал было и согласился. Ведь ещё не известно кого я смогу найти дальше? Кто будет моими напарниками внутри такого бы приземления военного мышления прямо на мою голову? Завтра, а может и в будущем, когда уже совсем не останется никого вокруг меня? Я конечно не был особенным оптимистом, но мечтал покорить только своё бурное воображение. Когда за такой бы тайной души нет вовсе никого, а ты сам притворяешься себе наивностью и другом. И хочешь потом только лихо обманывать свой неокрепший мозг, чтобы вести проклятую машину БТР туда, откуда уже нет выхода.

Но ведь он всегда есть и я почти что подъехал уже к военной части. Вечерело и мы могли бы там легко заночевать. А потом выяснить, что же за решение выдал нам Александр Игнатьевич? А когда я всё таки подъехал к воротам уже военной части, то понял, что жизнь моя немного изменилась. Я наслушался среди местных военных очень много баек про разные случаи нападения БПЛА и понял, что на Гедеона напали именно так. Исподтишка и с толком, чтобы иметь как можно меньше свидетелей в лесу, но думать, что убив одного-двух военных - ты добьёшься какой-либо цели. Это было конечно очень глупо, а я сам немного рассердился на неаккуратность Богдана. Когда он сам меня ещё недавно поучал и звал к себе на разговор, чтобы проверить мою военную сноровку. Она была в словах и в делах, но этой весной всё таки сам Богдан оплошал. Поэтому он сидел сегодня в военной части и получал более профессиональную помощь врачей. А я наблюдал за его лицом и понимал, что не всё так плохо, как может бы уже показаться. На первый взгляд мы почти ничего не успели, а вот напарника уже потеряли. Но в такой странной ситуации даже сама природа не знает, что случилось в том старом доме? На окраине ветхости или границы измерения, куда мы попали случайно или навсегда?

Артём не хотел вдаваться в сплошную фантастику разума, но грешил постоянно таким бы первобытным чутьём. Я изменялся просто на глазах и мог говорить очень слаженно и без запинки. Может это меня не украшало изнутри, но сам себе Артём стал казаться большим профессионалом. В деле такого бы заговаривания зубов, когда толком не знаешь, что вообще происходит? Куда ты попадёшь уже через два часа? И где твоя следующая остановка начнётся или навсегда закончится? На улице стоял смог, а я уже думал, как мне быть дальше? Поговорив немного с Ярославом Геннадьевичем я узнал, что мне дали ещё двух напарников. И теперь мне будет намного веселее, а может сам я раскрепощусь и стану внутри объективным. Таким, что не буду ловить фантазии в голове в дороге, но буду видеть уже нацистов впереди своей картины будущего. Я сам заманил себя в такую бы ловушку, от которой не могу просто взять и отколоться. Поэтому буду теперь играть, как профессионал и звать на помощь только при крайней необходимости.

Чтобы не прослыть слабым или плохо подготовленным военным. Где тебе не будет легко в жизни даже с тремя напарниками, а в будущем уже бы с большим количеством людей. Поэтому я решил прямо вечером с ними и познакомиться. Одного звали Денис, а другого звали Игорь. Денис был меня на два года старше, а Игорь был на три года более мудрым и опытным военным. Поэтому мне показалось, что теперь я буду словно бы младший брат среди своих старших товарищей. Просто обещать себе не делать никакого опрометчивого решения, когда не знаешь куда вообще нужно быстро попасть. А сам Артём хотел попасть в цель уже более сложную, чем раньше. Я хотел не просто воевать и усложнять личную миссию впереди себя, но и видеть

друзей вокруг. Тех напарников, которые могут тебя подстраховать, чтобы не быть внезапно поверженными от руки врагов. Таких бы врагов мне поменьше и жизнь была бы более живой.

Ведь цинизм всей этой жалости к себе был на том, что нацизм для меня - это как большая слабость. Ты в неё падаешь идеологически, но не можешь сразу понять. А когда ты становишься уже полным изгоем, то мир смотрит на тебя совсем не так как на других людей. Ты можешь разбирать эту жизнь по косточкам, но и сам при этом становишься полным людоедом. Которому нет смысла терпеть людей вокруг себя самого, а просто они идут в расход для развития твоих мыслимых и немыслимых амбиций. Я заночевал в военной части около Таганрога и понял, что это лето для меня точно будет небольшим. Или таким бы отложенным впечатлением, на котором можно поставить небольшую точку расчёта. Когда Артём не будет уже один, а будет искать точные формулы риска в дороге. Чтобы оттуда не убежали его самые страшные враги на пути. Где я сам мог бы их предвидеть и звать уже свою удачу по интуитивному праву русского человека.

Это право было дано мне от рождения и имело большое внутреннее значение для личности. Артём мог догадываться интуитивно, что ему нужно делать в следующий момент. И как при этом реагировать на свою вымышленную свободу. Ведь человек на войне всегда имеет её у себя под рукой. Она служит ему однозначно и совсем неординарно, но воспользоваться ей можно всегда при жизни. Даже тогда, когда ты видишь только чёрный тупик. Я не видел его уже давно. Видно в моём дне не было списков из такой не приведённой боли людей. Я ещё не дошёл до этого момента, чтобы приземлиться внутри глазами на свою мечту. На ту, когда я вновь увижу Варвару и она меня так жарко обнимет. А потом признается мне в любви и станет говорить разные человеческие глупости. Где между мной и Варварой нет почти что никакого обоюдного жизненного спора, а есть только опыт прожитого дня. И он будет обогащать меня всё новыми и новыми словами, рассказанными может для шуток или шуточного восприятия жизни. А может и для того, чтобы приструнить чью-то человеческую спесь.

Так я заночевал в военной части и видел много бесполезных снов. Которые нельзя описать несколькими фразами. Но больше всего мне запомнилось то, что я видел опять радостного Гедона. Он так близко подошёл ко мне и попросил у меня прощения. За всё, что он говорил мне ещё недавно, а может и в давнем прошлом. Где бы моя истинная натура не проявилась своей оборотной стороной, а сам бы я не стал злым и странным человеком. Чтобы наша с ним дружба была и на войне и в мирной жизни одинаковой и снисходительно простой. Такой же, какую ты сам можешь сделать для себя самого втайне от светского общества. Чтобы никто не знал всех твоих военных секретов, но хотел бы тебя выслушать. Потом Гедон сказал мне, что скучает и хочет поскорее увидеться и в будущем такая ситуация у нас произойдёт наверняка. Я ему конечно же не поверил и просто в ответ улыбнулся. Потом ещё немного поёжился и понял, что уже не сплю. Не вижу его странного лица или того ощущения ловкости и прямолинейности характера, которое было присуще только ему. Где он мог долго и пристально смотреть на меня и в груди при этом начинало как-то щекотать. А мои нервы оголялись на полную силу, но внутренне не давали бы мне выход из такой бы личной светской ситуации на волю. Потому что это был прямолинейный и задиристый колпак, к которому он сам приручал меня постоянно и даже в моём бы легковесном сне.

Глава 5: Матвеев Курган и ещё немножко боли в дороге

Без боли или болезни нельзя даже придумать, что я почувствовал, когда проснулся на следующий день. Я был полностью выжат внутри и не чувствовал даже кончиков своих пальцев рук. Это напоминало мне движение куда-то в прошлое, где нет никаких стимулов к саморазвитию, а есть только голая правда и боль. Я и раньше её ощущал постоянно сам в себе, но думал, что тайна внутри меня сковывает не только мозг. Она раздражает такое критичное состояние внутри надежды, что время иногда даже сжимается до детского состояния мозга, чтобы потом заново выправить все свои схожие идеалы. Я так бы хотел к ним поравняться, но думал сегодня прямо с утра о моих новых напарниках. О том, что я могу им интересного рассказать или придумать в угоду моей самобытной русской памяти. Ведь они были из Таганрога, но держали своё ухо остро. Пока Богдан медленно, но верно выздоравливал - я решил познакомиться с новыми напарниками.

Один из них был Денис и наверняка бы мне понравился. Я подошёл к нему первым и сказал, что хочу переговорить. Мне не было страшно, а наоборот даже занятно: понимать или предлагать ему свою помощь. Где бы и я смог бы быть для него на высоте. Поэтому я узнал сегодня, что сам Денис был из Таганрога и занимался военным делом давно. Он видно был поначалу самоучкой и это придавало ему некий лоск, а может даже смелость и находчивость в бою. А внешне он был немного рыжеватый и высокий, что говорило о нём как о настоящем русском человеке. Мы покурили около каменного здания в военной части и стали обсуждать насущную обстановку в стране. Я конечно же не был особенно подкованным в журналистике, но счёл добавить много фактов об агрессии нацистов. Пусть они были наёмниками из разных стран, однако, предпочитали скрывать свою непреложную миссию.

А точнее - они говорили всегда, что служат на благо своему народу, но народ ведь особенно войны и не хочет. Получается некая загвоздка, состоящая из множества демократических фактов. В которые поначалу трудно поверить, но когда ты видишь, что всё так и есть, то становится и вовсе не по себе. Я конечно обучался военному делу по-своему, но перенять опыт Дениса мне было также бы интересно. Поэтому я всегда шёл ему навстречу и понимал, что это человек с довольно мягким характером. Он как бы немного и сам меня опекал, а потом задавал серьёзные и подчас трудные вопросы. Чтобы немного проверить мою сноровку и поддать туда ещё более живой интерес для беседы. Хотя я не был никогда ханжой, но чётко понимал, что дальше мне придётся трудно и мой вызов будет более странный, чем прежде. Во-первых потому, что я оказался не в том времени и иду по заведомо ложной дороге. А куда она может меня сегодня привести? Я точно и сам не знаю, когда копаюсь в себе и думаю на эту сложную тему.

Ведь если мы опять все трое с Гедеоном вдруг вернёмся обратно в тот злополучный февраль, то уже придётся всё начинать сначала. Может это оно и к лучшему, ведь я смогу опять посмотреть в глаза моему другу Гедеоны. У которого вышли мозги через солнечный удар и стали там очень сильно припекать небом. За этим небом теперь и он сам спрятался, чтобы не думать никогда плохого обо мне. Где я не смогу его забыть или снять его смысл уже бы со своей души. Я хотел бы с ним ещё немного пообщаться, но вышел сегодня к Денису и уже перестроился на новый лад. О нём можно было бы долго не думать и не гадать, где я смогу взять очередной АК-9 или АК-12. И потом бурно навалить там всем своим врагам. Как будто бы сам я живу в такой вот утопии и по каждому краю моего незаметного прикосновения к свободе - она сама раскрывает там пятки великой зрелости.

Которые помогают мне пронести ещё немного своё тело сквозь зелёные поля и пересечённую местность. Где бы внутри очередной захолустной деревни не стать объектом для вражеского нападения на себя или на людей. Кстати, о таких вот людях я очень люблю разговаривать и думаю, что злые нацисты не смогут мне помешать написать и важную книгу после окончания СВО. На это я был вполне готов, не смотря на своё техническое образование. Ведь мои годы ещё были молодыми, а воображение - очень резвым, чтобы придумать там сотни фактов за занавеской уже скрупулёзной работы ума. Так я стал втираться в доверие Денису, а он своим взглядом как бы немного меня уговаривал перестать. Это делать, чтобы не говорить ничего лишнего, того, что может мне на пути восхождения к победе бы просто помешать. Денис сказал мне, что давно знает Игоря и вполне ему доверяет. В конце концов можно не думать плохо о таком бы состоянии вращения Земли, когда уже почти полпути пройдено.

Мы были уже почти у границы с Украиной, а потом нам начинало казаться или быть вовсе правдой, что условия жизни немного изменятся. Может это был просто внутренний приговор души, но он был вполне себе оправданным. Я видел, что перейдя границу на нас будет намного больше нападений. А все мы станем ближе друг к другу, чтобы говорить то, что есть на самом деле. Ведь это очень важно в военном деле, чтобы никогда не сомневаться в человеке или напарнике, который рядом, когда ты находишься в экстремальной ситуации. А ведь за сутки их может быть очень много. И все они могут быть как легальными, как и подставными. Когда тебя просто выслеживают исподтишка и могут из дрона уничтожить. Одним только ударом, сбивая там кромку твоего мужского военного тщеславия. И к такому я был готов и внутренне собран, чтобы не думать о радостях жизни на войне. О том, что можно прожить жизнь без вреда для своего здоровья, но понять всю её прелесть просто так.

Как будто бы у тебя не отняли ничего в жизни, а ты только и делаешь, что наживаешься на других людях. В точке такого вот отношения к людям я никогда бы не думал как военный. Но мне хотелось чего-то более светлого и умиротворяющего. Поэтому я послушал одинокий рассказ уже бы о жизни самого Дениса. Он много пережил за свою не очень большую жизнь. Путешествовал в разные страны и владел несколькими языками, а точнее английским и французским. У Дениса была большая семья, которая постоянно подавала ему надежды в жизни. А он хотел быть независимым человеком и заниматься бизнесом. Поэтому его тяготило не только окончить университет, но и получить свой боевой опыт в жизни. И когда он попал на СВО, то ощутил прилив мужской силы и то состояние свободы, которое даётся не каждому в жизни. Я хотел даже его расспросить о том состоянии, чтобы понять, как это - быть внутри себя свободным? Чтобы впереди себя не думать о смерти или о своей вине?

Ведь она так близко сопряжена с болью и кажется постоянно невыносимой. И чтобы её уладить в душе - требуется очень много личных усилий. На этот раз Денис был вполне откровенным и сказал мне, что поделится более искренними секретами позднее. Он пошёл опять в свой номер и стал там ждать очередного приказа от начальства. А я решил теперь посетить своего второго напарника Игоря. Он был высоким брюнетом, хорошо сложенным и знающим своё дело на уровне профессионала. Мы быстро обменялись мнениями и я понял, что он говорит мне не всю правду. А точнее сам Игорь думает, что нашёл себе достойное место в жизни. Но это место тяготит его из-за какой-то личной проблемы, где видно он оставил в прошлом свою любовь. Ведь чувства в жизни это конечно хорошо и безопасно, когда не можешь жить по-другому. Я также хотел вернуться к Варваре, но думал постоянно о предстоящем сражении. Точнее о захвате очередного города или населённого пункта, чтобы придумать своё русское слово для будущих экспериментов.

Все они были для меня невероятно занятыми и трезво продуманными. Несмотря на то, что иногда я всё таки отдыхал и расслаблялся с алкоголем. Но это было не вредно для моей психики, если конечно же не перемещало меня на далёкие расстояния во времени. К такой головоломке я был не готов, но думал постоянно, что встречу там и разрешение этого стиля

свободы. Где ты не понимаешь точное строение квантовой механики, но думаешь, что твоя свобода зависит не только от Бога. Она сложна сама по себе, и когда я разговаривал с Игорем, то понял это необычайно просто. Не глядя ему в голубые глаза, но думая, что там я найду свой потаённый трепет между свободы русской и свободы уже бы общечеловеческой. Игорь был с меньшими амбициями, чем Денис, но думал более практично и выделял очень много второстепенных фактов. Они придавали ему харизму детективного следователя и могли даже сбить с толку.

Где я сам смеялся над его историями, когда Игорь рассказывал, как они мудрили в молодости по поводу своих друзей. А их было в Таганроге у Игоря хоть отбавляй, но я не стал бы проверять эту информацию. Ведь подкованность человека можно сразу выяснить и придумать куда больше отговорок, чем может сделать сам человек. В это время я хотел расстаться только с одной мыслью на душе. С той, когда бы Богдан больше не болел. Ведь мы с ним хорошо сработались и могли бы придумать ещё больше ситуаций для общей логики. Где впереди тебя стоит настоящий невидимый зверь, но ты можешь его ловко и быстро перешагнуть. Я не думал, что мне это удастся сразу, но оба моих напарника мне понравились. Они были разные, но не такие прямолинейные. Чтобы упрямо следовать только бы своему выгравированному мнению в личности. А немного принимать на свой счёт могут далеко не все, но мои новые напарники были как раз из таких.

На улице стоял конец мая, а мы ждали опять очередного чуда от природы. Точнее ждал только я один и ещё Богдан. Который уже вторые сутки выздоравливал в военной части. Мы ещё не были полноценным отрядом, но для этого бы понадобилось всего пару дней. А на пути нам нужно было ещё проехать небольшой посёлок Матвеев Курган. Добираться до него можно было бы многими разными дорогами, но мы выбрали конечно же окольные. Потому что приказа не было ехать по отдельной песчаной дороге, а можно было постоянно сокращать свой путь по пересечённой местности. Это было конечно же удобно всем нам, но думать приходилось больше о самом БТР. Чтобы не застрять на полпути в какой-нибудь яме или грязи, которая может образоваться после ливней. В сезон таких дождей мы внезапно и попали. Как раз тогда, когда Богдан почти уже бы отошёл и выздоровел. Врач дал ему много таблеток с собой и он смог бы дальше долечиться уже в дороге. Его так тянуло на свободу, что можно было бы не думать о том, что сам Богдан скоро поправится. А эти прошлые подставы с дроном просто утихнут в памяти и пройдут, как капли того же нового дождя.

В такую погоду и собачку даже не выгуляешь, но я пытался курить сигареты на крыльце. Точнее на выходе из военного здания, когда бы стоял на верхних ступеньках. Они напоминали мне, что сегодня к нам обязательно подойдёт Ярослав Геннадьевич. И внутри себя таким бы рослым и звучным голосом скажет, что скоро всё будет в порядке. Где мы станем известными военными, а боль, которая была у нас в дороге попросту утихнет. И уйдёт в свой скромный уголок, где будет доживать там всю свою оставшуюся жизнь. Я конечно бы хотел поверить и в такую сказку жизни, но сегодня мой объективный разум говорил мне совсем иное. Я вышел на крыльцо, чтобы покурить, а рядом стояли другие военные и мы смотрели куда-то вдаль. Может, чтобы не думать о дожде, но на выходе иметь много нравственного наполнения, о котором сами потом и расскажем. Своим близким и друзьям, или напишем об этом животрепещущую остросюжетную книгу в формате военного детектива.

К такому я был готов почти что всегда, а мой внутренний рупор указывал мне, что почти всё оправдывается. Я хотел понять кто бы мог быть на моём месте сегодня, но так и не смог это представить. Может я сам себе доверял полностью и мой мир давал мне только верную оценку зрелости? В ней я никогда о себе не думал плохо, но ёрничал каждый раз, когда видел бы рассказы о чужой судьбе. Я много их выслушал за сегодняшний день. Дождь шёл напропалую и мы уже были готовы к полной грязи в дороге. Но, что же можно поделать, чтобы не думать о плохой погоде, а только иметь много сил и много слов в душе? И в эту последнюю ночь в

военной части около Таганрога мне было так приятно, что вокруг словно бы зацвели все цветы мира. Не знаю с чем это могло бы быть связано, но сам в себе я всегда готовился к худшему. Поэтому мы набрали ещё больше оружия в дорогу и стали готовиться к отъезду.

Мы поменяли всю свою одежду и набрали новой, чтобы быть опять военными на высоте. Может даже среди дождей в лесу, но с плотно закрытой колбой своей совести. Чтобы не думать о жалости тогда, когда тебя клонет кто-то чёрный и странный в лесу. Это может быть белка или ворон, а может и медведь прикусить. Но к соотношению чести и труда это мало имеет бы правил. Я не хотел думать постоянно о нацистах, но был всегда начеку. Тогда рано с утра ко мне подошёл Ярослав Геннадьевич и пожелал мне успехов в бою. В том, чтобы не думать долго перед принятием важного решения, но всегда бы отходить быстро и слаженно. Чтобы внутри не бился порог честности, о который ты можешь сегодня споткнуться и улететь в кювет. Этот важный мужчина показался мне вполне компетентным и что-то странное закралось в мою голову на той стороне пути. Куда нам нужно было бы приехать намного раньше, но мы просто не смогли, так как нас тогда задержала сама природа. Она обладала сегодня какой-то магической силой и вела внутри очередного сходства будущего и прошлого. Артём не мог понять, где это прошлое и будущее наверняка пересекутся, но ждал, что это случится очень скоро.

Поэтому мы все вчетвером сели в БТР и стали готовиться к отправке уже бы дальше. Перед нами была стена дождя, а позади был Таганрог, который почему-то сегодня отдавал такой уже морской свободой или рыбной ловлей. Которую я не любил особенно сильно, но мой отец Клим уважал это занятие и занимался им постоянно в жизни. Мы должны были доехать вплоть до самой границы с ДНР и там уже пересечь на местную БПМ. Такая машина была более полезной дальше, ведь нам нужна была пока что мобильность и ловкость, а не танковый замер на большую величину удара. Ведь удар мог прийти откуда угодно, и сверху и снизу, а сами танки привлекали очень много внимания. Они были нужны только в самой республике, но до туда ещё нужно было доехать невредимым и живым. Ведь мы могли попасть под очередную диверсию или облаву цинично сложенной украинской машины. Где ты не можешь верить уже самому себе, а только бежишь напролом собственной совести.

Она говорила мне сегодня, что Артём вполне себе справится и вчетвером нам будет намного легче преодолевать такое бы бурное расстояние между городами. Чтобы потом, разучив необходимую карту местности уже быть полностью подготовленным к дальнейшей борьбе. Выживать здесь было не просто, очень много разных дорог и труднодоступной местности давали столько ловких ловушек, что можно не угадать. Какая из них станет для тебя проходимой, а где ты сможешь только на танке и проехать. Но нам вполне подошёл и пограничный бронированный автомобиль, такой как современный БПМ. Он был очень удобен для стрельбы из пулемёта и лёгок в обслуживании. Поэтому за будущее я даже сам как-то не очень переживал, но нёс свою мораль на коротком отрезке совести. Чтобы она никогда не соскочила бы к моему личному врагу в руки. В таком случае он быстро сможет ей воспользоваться и начать меня шантажировать или злобно мной манипулировать. Артём же этого никак не хотел и был очень собран и сосредоточен в дороге.

Когда вёл свой БТР и думал постоянно о родителях или ждал, что буду бы иногда о них скучать. Где бы образ врага сразу растворялся в памяти, а на весомый жизненный взгляд проступали черты обычного человека. Так я хотел немного раскрепоститься и не думать больше о занудной дороге. Ведь мы ехали и ехали постоянно и думали каждый о чём-то своём. Где деревья перемежались вокруг нас такой бы цветастой каёмкой, что можно было бы вообще не думать о прошлом. О том проклятом старом доме, где мы перешагнули порог времени и устроили себе небольшое приключение. Мы не могли придумать ничего лучше, чем никому об этом не сообщать, а просто продолжать свой путь. Но одного из нас не стало и Гедеон теперь не сможет быть полезным в дороге. А я не смогу уже убедить себя - не страдать по этому весомому

поводу в душе. Ведь она всё таки есть. Хоть какая-то маленькая в груди, но присутствует и нам нельзя ни в коем случае расслабляться и ждать. Что кто-нибудь дотронется до этой самой души, чтобы увидеть твоё истинное нутро.

Впереди нас ждал Матвеев Курган, но особенной радости этот посёлок не вызывал. Я хотел просто проехать его мимо и больше никогда о нём не вспоминать. Не из-за того, что я плохо отношусь к небольшим посёлкам, а потому, что мне хотелось поскорее добраться до границы. Я увидел тогда бы уже изменение маршрута, а может и другие интересные занятия. Которые могут быть связаны с разведывательной деятельностью, чтобы не манить туда уже свои глаза. А тонко и тихо притворяться навсегда спящим. И в таком состоянии не думать много о прошлом, а просто исследовать ту местность на наличие собственно врагов. Денис был самым осторожным и он наверняка предложил одну небольшую остановку вечером. Мы быстро исследовали своё пространство для стоянки, но не нашли чего-то странного или напрягающего. Ночью должен был дежурить я до самого утра. Часов до шести, а после уже бы дежурил Денис. Богдану становилось всё легче и легче и он уже почти что ходил, не прихрамывая.

Меня поразило как быстро Богдан вообще поправился и выжил среди такой большой потери крови. Видно у него было хорошее здоровье, несмотря на общую недоверчивость его характера. Когда я ложился спать, то у меня возникло странное ощущение в горле. Это не было ощущение опасности, но чего-то очень непреодолимого и гнетущего. А точнее - очень угнетающего в будущем. Может это был военный плен или ещё какая-то смысловая подстава? Я не думал долго об этом, ведь нас было четверо хорошо подготовленных и выученных военных. Все мы были из разных мест, но видели жизнь примерно одинаково, чтобы не ждать подарков от судьбы. Такие вот реалисты на верность Родине, внутри которых нет страха на ужин и нет его в личности с утра. Поэтому я подмял под себя матрас и решил немного поспать, прижав поближе своё оружие. Чтобы ночью можно было бы его быстро взять в руки и применить на внезапно опасный случай. Он никогда не должен был наступить. До Матвеева Кургана оставалось езды ещё три дня, и мы думали, что может быть ещё на наш счёт в этом бою? Может какие-нибудь местные жители встретятся, а может и военные какие-то? Наподобие тех, которых мы видели в странной синей форме.

Когда я спал - то меня постоянно что-то вертело из стороны в сторону. Как будто бы я нахожусь в едущем автомобиле, но не знаю, как мне можно было бы оттуда выбраться. Я несколько часов боролся вот с таким вот ощущением слабости и боли в горле. Но само горло почему-то не болело. Поэтому я стал неожиданно напрягать свои мышцы души и видеть то, чего сам в настоящей бы жизни увидеть не смог. Артём стал ворочаться и следить за своими глазами изнутри. Как будто бы он был сам себе робот и контролировал всю эту жизненную матрицу сопровождения личности на нашей планете. А быть там могли конечно же только роботы. И все они сегодня смотрели на меня такими изумлёнными глазами, что сам я себе никак помочь то и не могу. Я просто лежу на боку и ворочаюсь, а мне кажется, что меня постоянно укачивает. И нет этому большего сопротивления в самом себе, чем просто взять и перевернуться на следующий бок. Так я и сделал, а потом перевернулся ещё раз на другой бок.

В самом конце моего переворота, когда уже тело может упасть плашмя - я вдруг осознал, что моё тело трясёт. Это не была трясучка из-за страха или болезни. Это была просто быстрая езда нашей военной машины! И куда это мы столь поздно сегодня собрались?! Я поднял свои глаза и увидел, что за рулём сидит некто. Он не похож ни на кого из наших парней. Я стал ощущать своё оружие и понял, что этот человек меня просто не заметил. Точнее он не приметил меня спящего с АК-12 и вытянутого в такой вот позе. А дело было, в общем-то, очень неприятное. Пока я спал, возле нашего БТР появились некие люди в странной военной форме. Они застали почти врасплох моих напарников. Потому что вышли сразу из-за деревьев и внутри зелёной массы этого шумного леса - никто такого не ожидал. Пока Игорь стойко отбивался от этих ужей, то Богдана и Дениса схватили и уволокли.

Их связали и бросили около машины для дальнейшего взятия в плен. А саму нашу военную машину решили видимо взять на свою работу. Это либо была местная мафия, либо уже такие небольшие отряды нацистов. Примерно по пять человек, которые похищают людей, а потом шантажируют и другое местное население. И мы попали как раз в такую вот передрыгу. Но Артём ничего не знал и продолжал ехать в таком положении, что трудно выразить словами. Ещё через несколько секунд я сделал прицельно два метких выстрела прямо ему в голову и поразился с какой скоростью мы ехали! Ведь она была довольно большая и это по песочной дороге. Я увидел, что тот клюнул носом в руль, а машина сейчас потеряла своё управление. Тогда я быстро перепрыгнул вперёд, когда бы сама машина виляла и гнала на большой скорости. Мне хватило секунд пять и в таком расположении духа я нажал на тормоз.

Это было совсем не сложно. Ведь рядом был окровавленный труп какого-то неизвестного мне военного. Без каких-либо опознавательных знаков. Как будто бы местный спецназ, только для частного использования. Я порылся у него в куртке и в карманах, но к сожалению ничего не нашёл. Только стопку долларов США и походные карты для местного использования. При всём при том он походил даже на охотника. Вот только те не угоняют военные машины для личного использования и езды. Мне пришлось найти по электронным картам на приборе, где я нахожусь. И в этот момент я совсем удивился. Ведь этот водитель ехал как раз обратно в сторону Таганрога. Мне пришлось возвращаться обратно на то место, откуда он меня увёз. При подъезде туда я взял в руки оружие и приготовился стрелять в тех кто может выкрал моих напарников. Ведь я с точность не мог сказать, что с ними произошло сегодня ночью?

Начиналось утро и ту самую боль в душе я перенёс довольно быстро и лаконично. Мы ехали примерно час и столько же времени я возвращался обратно. Думая, что может там ещё кто-нибудь остался в живых? Или например также сбежал и уже отходит внутри такого бы военного плена. При подъезде на знакомое место дорога начинала сужаться. Железной дороги почти уже не было рядом, а местность больше напоминала глухое и непроходимое место. Я увидел вдалеке несколько теней. Они постоянно двигались, как будто ходили и стерегли своё личное убежище. Я немного приглушил мотор и поехал медленнее и тише. Потом я вовсе вышел сам и взял только оружие. Так как светало то мне не пришлось долго разбираться - в кого сегодня мне нужно стрелять? Где я смогу выбрать себе новый путь охотника, а где я найду своих пропавших напарников. При всём их профессионализме они были почти беспомощными. Я стал приближаться и моя тень почти что куда-то пропала. Как будто бы её и не было никогда на свете. А сам я был ни кто иной, как волевой граф Дракула.

Который также может сражаться на СВО за своих напарников и думать, что многое уже бы впереди. Настало для меня или настанет, чтобы лететь туда формулой нового света и никогда больше не болеть. Поэтому болеть я не стал, но вылепил сам своё чудодейственное средство от местной боли. Я прицелился к этим теням и быстро подстрелил двоих, а третий стал отстреливаться в мою сторону. Он был видно неопытным, потому что при нескольких неловких движениях руки - я быстро и его убрал с дороги. Мне ничего это сегодня не стоило, так как в военной школе у меня всегда было хорошо со стрельбой. Я испытал некий прилив адреналина и стал быстро обыскивать всю прилегающую местность. Немного погодя я удостоверился, что эти трое мертвы и мне стало легче. В один такой вот момент я представил там Богдана и он повёл мой взор совсем не в ту сторону, куда я сейчас смотрел. Я отошёл метров на пятьдесят, и вдруг, увидел его связанным как кукла внутри зелёной растительности леса.

Тогда я быстро подбежал к нему и вынул у него кляп изо рта. Потом развязал его тело и понял, что Богдан не ранен. Он стал задыхаясь рассказывать эту животрепещущую историю. Пока мы плавно обыскивали других напарников. А двое других, точнее Денис и Игорь были связаны в небольшом овраге. Они были так глубоко, что мне пришлось приноровиться, чтобы вытащить их оттуда. Я не мог поверить своим глазам, но увидел побои у них на теле. Денис рассказал мне, что они напали внезапно со слепой зоны со спины. И когда уже стал происходить

криминал, то они угрожали воеую оруаем. А произошедшее было настолько быстро сделано, что прошло всего пять минут от силы. Это был как быстрый налёт в стиле 90-х на какой-нибудь местный клуб зевак. Только вот зеваками назвать моих напарников совсем нельзя. Поэтому я даже немного пригорюнился, но сразу успокоился, что спас аж троих. И все мои напарники остались при этом живы и целы, без травм и повреждений.

Артём быстро собрался и побежал обратно к БТР. Потом он подъехал и забрал уже бы своих напарников, чтобы уехать из этого проклятого места. Где много может уже бы и произошло, но кто-то извне смешался во внезапное военное нападение. Наверно в здешних местах много военных частных банд. Которые могут похищать людей, а потом пытаться их до признания вины. Но моей вины никакой сегодня не было, поэтому я вытер пот со лба и продолжил свою езду вдоль уже бы лесополосы. А дальше мы решили ночевать только днём, а ночью ехать прямо по пересечённой местности в очках тепловизорах. Так было более уютно и безопасно, ведь напасть днём - куда сложнее. А военная машина станет твоим проводником внутри уже бы ужаса для твоих врагов. Когда оттуда может быть направлен пулемёт внутри ловкости уже бы твоих рук и глаз. Я доверял своему чутью не меньше, чем такому бы объективному расследованию. В нём я мог бы быть детективом, а внутри себя хранить точные смысловые копии войны. Когда же в моём воображении образуется личный враг, то я его сразу глушу в такой бы матрице ловкого стиля детектива.

Тут я вспомнил Александра Игнатьевича Рема, он говорил мне, что нужно делать в неожиданной ситуации. Его приёмы психологической сборки и сегодня мне помогали, но всё же я думал, что мне просто повезло. Не потому, что я такой счастливчик по судьбе, а просто внутри повезло и я могу пройти даже сквозь горящий лес или полыхающий город, чтобы остаться бы в живых. Игорь рассказал мне, наблюдая своей искромётной детективной жилкой, что эти трое были не очень опытными. Они были хорошо натренированными, но явно не профессиональными военными. Поэтому я принял их за частный спецназ. Я смотрю теперь сквозь эту странную историю и вижу себя, как бы в лесу на половине нашего пути. А на той другой половине остался Гедеон. Он теперь лежит в могиле и не думает о плохом. Он смотрит на меня сверху и видно ждёт, что я опять попаду в свою научную фантастику. Где быть может буду отражать не только военную сноровку, но и фантастические приёмы человеческого чутья.

Когда ты до конца не знаешь, что может быть за гранью твоего сознания. Там явно нет пулемёта, нет боевых дронов и нет тяжёлой совести в маразме человека. А есть там только ты сам настоящий, чтобы проехать свой путь и не запутаться там до самого конца. Поэтому мы проехали ещё день и уже на следующий после двенадцати часов дня я смог поспать. Теперь в моей душе было не так страшно. Ведь днём светило солнце, а сезон дождей почти подошёл к концу. Лишь изредка они добавляли там некоей боли. Которую ты не хочешь видеть сквозь забытый лиственный лес. А окунаешься туда только для того, чтобы принять свою человеческую русскую сущность и попробовать уже бы странные догадки на зуб. Одной такой догадкой стало то, что очень давно мне не подавал сигнал Александр Игнатьевич. Нам приходилось постоянно запускать разведывательные дроны «Сириус» и «Орион», чтобы не думать ни о чём таком непрехотливо вражеском.

Ведь везде могли опять проявиться эти надменные гости. Внутри которых ты сам не знаешь, что тебе нужно сделать на том конце жизненного отправления поезда. Когда он уже подъехал к самой станции, но ты не водишь по нему глазами. Ты ищешь людей, выходящих на перрон, чтобы понять - кто тебе нужен сегодня? Что за этим стоит и как можно не думать о своём способе жизни, когда он не военный? А просто гражданский и мнительный, чтобы жить и отдыхать в городе, например Шахты. Дальше по дороге, ближе к посёлку Матвеев Курган я стал чувствовать совсем научную фантастику. Как будто бы за нами плотный военный след. Он движется постоянно и виляет также как и мы - смотрим ему вослед и не можем принять точное решение. После нашей сбивки времени всё также внезапно начавшейся и не имеющей

никакого окончания - я мог только догадываться, что по-настоящему происходит. Ведь Александр Игнатьевич давно не подавал сигнал по рации.

Мне стало не по себе, но я лёг спать и всё думал, что когда проснусь ближе к вечеру, то всё изменится. Точнее злое превратится в прах, а я превращусь в такого бы сильного военного, где бы обрушу весь свой гнев на врагов. Денис стал меня успокаивать, что днём очень мало вероятности нападения, но я всё равно ждал подставы. Мои глаза налились сном, а сам я налился такой бы уже неприхотливой физиономией, что не свойственна военному. Мы почти подъехали к Матвееву Кургану и наш дрон показал нечто странное. Впереди была стоянка неких военных. Которую мы хотели объехать подальше. И видно сделали правильно. Потому что никаких знаков, что это нацисты не было и все военные данные указывали нам только на стоянки военных уже бы за границей. Поэтому, наткнувшись в России на такие бы стоянки - не знаешь, что можно и сделать. У меня было странное ощущение, что я смогу переждать такое их столпотворение и найду среди этого события свою удачу.

Поэтому мы на нашей БТР резко взяли влево и съехали с песочной просёлочной дороги опять на пересечённую местность. Мы объехали это странное скопление военных, но не знали, что это может принести для нас самих в будущем. Ведь видеть через разведывательный дрон - это одно, а наблюдать воочию - совсем другое дело. Меня не тянуло посмотреть на этих людей вживую, но я тянулся всё больше к дедуктивному мышлению Игоря. Он стал очень задумчивым и на каждой небольшой остановке курил по паре сигарет. Может так сказала его усталость, а может этот инцидент с похищением и взятием в плен? Я не могу точно ручиться за его ментальное состояние, но веду мою военную машину довольно аккуратно. И возле этого небольшого посёлка, даже когда бы мы до него ещё не доехали - я стойко почувствовал нацистский душок. Как будто бы он был везде и сильнее ощущался ближе к границе.

Это был совсем не украинский душок, с их местным колоритом восточного интуитивного подхода. Там был как раз стойкий и выученный нацистский мир со всеми его выгравированными логическими связками для души. Они начинали расползаться во мне, как настоящая болезнь. Которую ты не можешь ни снять с себя, ни сделать другой национальной формой чести. Всё потому, что чести там просто нет, а есть вычурное обоюдное унижение в человеческой особенности твоего же внутреннего радикализма. Где мир становится до боли одиноким и односторонним. Ты говоришь ему: «Или я - или ты!» - но приказываешь постоянно подчиниться силой. А потом и он сам через какое-то время может тебя подчинить и не сделает при этом никакого шага назад. Чтобы не задёрнуть штору уже твоей ментальной болезни, а только разомкнуть её больший оборот из важности стать существом.

Такое существо живёт в одинокой и сфокусированной личности в человеке и находит там отжившие черты мести в душе. Когда уже свет погас, а ты хочешь постоянно зажигать его ровный огонь и держать на дуле пистолета твой же сильный характер. Ты ищешь к этому всему применение в личности, но агония как правило не спадает. Ни на войне, ни в городе, где ты живёшь обычной гражданской жизнью. Чтобы понимать своё семейное счастье в мужской голове. Я его нашёл совсем даже и без нацизма. Только вот оружие сам я научился держать намного умнее, чем они. Чтобы не думать никогда о приходящей войне извне, а только быстро действовать. Лучше бы даже мгновенно и рьяно, где ты не можешь познать страх своего врага. Потому что он тенью спускается вдоль стен этого мира и ползёт от тебя скомканной улиткой в пустоту. Которую ты не сможешь никогда и никому передать или сделать такой же величественной и новой по судьбе.

Поэтому и я не стал думать о Матвееву Кургане - небольшом посёлке около границы, откуда уже и дышать легче. Мы прошли так много и не расстались почти что ни с чем. Только вот Геден нас покинул, но периодически шлёт мне привет с того света. Ведь он точно не знает, что меня ждёт в будущем. Однако, сам говорит во сне, что мы ещё увидимся. Когда будем ожидать нового счастья или новой звезды на небе, где и космос превратится в нашего помощ-

ника и завсегдатая нашей уютной компании или отряда. Потому что мы так сдружились, что стали напоминать уже компанию друзей. Которая ищет себе приключений и ноет, когда что-то идёт не по плану. Мы проехали этот посёлок почти что незаметно по какой-то истёртой деревенской дороге. И вроде бы нас никто здесь и не видел. Ведь мы были предельно осторожны, чтобы не блуждать на выверт уже не нашей дедуктивной логики. А может чьей-то другой, чтобы там и люди подумали, что мы совсем не местные ребята. Но мы были самые настоящие местные отшельники и военные, которые хотят помогать людям также бескорыстно, как и жить. В одной такой вот затерянной ловкостью Вселенной, где каждый твой шаг просчитан, а ты видишь только хвост наяву. Когда он проходит мимо тебя и падает во тьму не твоего мифа войны, а какого-то иного чудовища, которое тебе ещё предстоит сокрушить на пути.

Глава 6: И тут начинается настоящее лето в деревне

Артём ехал в военной машине и думал, что ему уже никогда не будет одиноко по жизни. И это всё не потому, что он набрал очень много военного опыта, а просто в руках у него был целый мир и сам Артём хотел его сохранить. Где нельзя будет сделать ошибочный шаг в сторону, так как все шаги буду для тебя правильными. А ты не будешь думать плохо о мире, но ждать, что твоя военная машина приведёт тебя к цели. Ведь выставять определённую ценность для личных целей - очень важно. И внутри при этом не иметь прочного отторжения от себя самого. Хотя бы для того, чтобы не думать плохо и не звать постоянно на помощь. Чтобы казаться там себе беспомощным или нуждающимся человеком. А я ведь хотел быть всегда статным и очень правильным. Даже, когда вокруг тебя много полтергейста, но ты не можешь никому об этом сказать. Я не думал, что мне пририсуют другие люди моими же глазами картину увядающего мира. И каждый раз, когда я буду думать о нём - я буду сожалеть, что что-то не сделал нужное в нём.

Например, просто не стал военным или не выяснил трудную задачу, благодаря которой можно было бы найти сотни важных фактов для своей жизни. И поэтому неудачи я стал рассматривать довольно болезненно и трепетно. Как будто бы сам жил в них или игрался бы в такое поле невежественной логики, где дальше мне будет плохо. Идти или думать, что сам я не смогу найти себе много друзей по духу или просто не стану этого делать вовсе. А такая боль то на самом деле начинается вовсе не летом в деревне, а рядом, когда тебя уже никто не понимает. Не видит твоих глаз и не ноет под боком, что всё плохо или хорошо в жизни. Так и я не стал долго думать, когда проехал сложный участок маршрута и не встретил на пути ни одного заговорщика или нациста. Все они видно разбежались от меня подальше на такое количество километров, чтобы чувствовать мой стиль смерти. Ведь именно он ведёт меня туда, где нет ни одного полевого шпиона. Нет разведчиков или иных приведений внутри вежливости. Если ты конечно их просто не знаешь или не видишь, но туда тяжело вогнать свой острый и деловито остроумный глаз.

Поэтому, сидя за рулём я всё обдумывал, как мне завтра поступить в жизни? Что мне рассказывать своим друзьям или тем кто ими постоянно притворяется. Потому что ощущение слежки не пропадало ни на мгновение и было такое странное придыхание любви. Где сам я не смогу себе помочь в такой вот своеобразной атмосфере ужаса, если встречу около себя ночного убийцу. Он будет мне говорить, что я плохой военный или не вижу его острый клинок, направленный на меня. А я буду ему утверждать, что ищу совсем то не его целого и невредимого, а другое нужное для меня существо. И сегодня оно осело у меня прямо в голове, чтобы подробно мне рассказать предысторию моей славной жизни. Как я собственно зародился на свет, и где были при этом мои родители? Чем они занимались, и чего истинно хотели получить от своей жизни? В такие минуты мне было странно думать, что это всё прошло, а я такой один остался на свете. Чтобы может доживать новый мир, который придуман вовсе не мной.

Он создан в глубине души, чтобы создавать новые полицейские государства или тащить такой же сложный груз на плечах. Чтобы каждый кто мог возродить свои мечты - приспособлялся сам бы к истине, возникающей в жизни. Тоска за тоской, но мне постоянно мерещилась Варвара. Она звала меня постоянно на юг, чтобы переживать своими глазами мои бы мысли в глубине лица. Я никогда не думал, что смогу влюбиться в неё повторно, когда я сам буду вертеть уже бы профессиональный манер жизни на своих руках. Я им дорожил до последнего на таком руле сознания внутри БТР, чтобы когда мы пересели бы на БПМ - всё бы пошло более весело. Я хотел конечно ещё немного пострелять из военного пулемёта, чтобы ощутить всю прелесть этой жизни. Не обязательно в людей, но может и по деревьям и воробьям. Где

я хочу познать своё второе счастье внутри такой бы профессиональной этики. Она мне давалась сегодня легко. Прошло два часа, как мы проехали посёлок Матвеев Курган. И мне уже захотелось сменить себя самого на руле.

Я конечно устал ехал и держать руль больше пяти часов, но думал, что вверенная мне задача найдёт во мне правильный выход к личности. Артём был немного самоуверенным и держался постоянно ближе к друзьям, чтобы не думать, как они могут удерживать моё внимание на них. Это ведь же не сцена, но абсолютный и ушлый туман, где каждый живёт для команды, но внутри всегда один. А я не могу долго оставаться в одиночестве. Просто понимать эту тщетность жизни и ждать, что моя военная машина поедет именно правильно. Она конечно едет сегодня довольно хорошо, а завтра будет ли так на самом деле? Тут, я немного клюнул на руль головой и чуть не провалился в сон. Видимо сказались усталость в дороге и большое количество переживаний. Ведь Артём не хотел уличать сам себя в оплошности и быстро передал руль Игорю. А тот залихватски провёл рукой по рулю и стал недовольно качать головой и говорить. Что мне сегодня нужно немного отдохнуть, но так, что не думать о плохом. Не переживать, что завтра мы можем все уже окажемся в далёком и смутном плену у нацистов.

Сегодня я не верил в такое совпадение, а уже завтра я не ждал бы его никогда. Ведь мы постоянно устраивали стоянку днём и я видел всё очень отчётливо. Точнее видел мой разведывательный дрон, которым мы постоянно прикрывали друг друга. Когда запускали бы два таких дрона «Сириус» перекрёстным ходом и сканировали бы местность, на которой могли быть предполагаемые нацисты. А они нервно прятались за своими небольшими укреплениями и молчали до самого конца. Потому что не знали как поступить в такой ситуации: караулить нас сразу или прижаться и ждать, когда мы ослабеем и станем уже бы доступными для слежки. Поэтому Артёму постоянно казалось, что за ним следят. Где вроде бы нет никаких людей, но есть такая сердобольная тень, внутри которой стоит памятник боли. И она записывает твой код времени, чтобы ты пришёл к нему. Где бы тебя могли внести в списки, под которыми ты наверняка умрёшь.

Ты можешь превратиться в тайну такой вот поимённой боли. Где будешь слышать много голосов сверху и снизу. А все они будут тебе говорить, что сегодня ты ещё мал для победы. Но завтра уже все твои шаги станут более ровными и сцепленными в одно единое кольцо. Конечно оно могло бы быть из военной разведки, но обрамлять себя в такой будущий алмаз я пока не спешил. Потому что техники для войны было конечно много, а все мои напарники и я сам были отлично подготовлены. Но испытывать судьбу, ещё не доехав до надлежащего места конечно нельзя. Но ведь это самое место могло уже за три месяца и измениться? Я давно не общался с Александром Игнатьевичем и не был в курсе, что вообще происходит на том конце этого странного и замкнутого треугольника? Был бы он загнан в картину моей чести - я бы наверняка выдержал. Но сегодня это было всего лишь очередное испытание на лоне моего будущего осмысления жизни.

Когда бы я сам смог для себя превратиться уже в двадцатилетнего хорошего командира отряда или звать на помощь только при крайней необходимости. Что позволяло бы дать мне вид успешного и опытного военного. Для которого нет непреодолимых преград, а сам ты можешь не отчитываться о той работе внутри себя, что происходит спонтанно. Так и сегодня был уже конец мая, а я хотел постоянно наступления лета. Того самого, которое хранит твой ларец из жизненной мудрости. Ты берёшь его и держишь в руках как настоящий военный, чтобы уберечь от всех произвольных для мира невзгод. Они же стали для меня точно идейные соперники, когда нет никого вокруг, но есть личная предвзятость. От которой военному конечно же нужно избавляться, чтобы не жить плоской жизнью. Где у тебя в голове будет только одна война и не будет никакого критического мышления. Его же очень важно развивать, особенно, когда воюешь с невидимым врагом. Ты смотришь на его глаза и не можешь понять, откуда вообще он взялся?

Может он был раньше - этот нацист? Но теперь идёт гибридная война и мне нет дела до того - кто возьмётся к разведению уже новых нацистов. Таких, как под копирку похожих на прошлых, тех, что были в двадцатом веке. Они конечно были очень ничтожные и тупые, но больше всего меня забавляло то, что на сегодняшний день этот стиль постоянно копируется. Он создаётся внутри людей, чтобы образовывать такие бы кланы военного сопротивления. И ты не можешь ничего сделать достойного, как просто воевать против них. Имея всю свою жизненную сноровку, и думая только о том, что завтра ты не хочешь к ним иметь никакого бы отношения. А тень, эта странная тень так и льётся по дорогам России, когда ты едешь и не видишь это военное сопротивление. Оно может быть везде около границы, может налететь на тебя прямо с воздуха. Чтобы психологически ты был всегда в состоянии полной и безграничной опасности.

Эта опасность могла возникнуть на нашей дороге внезапно по какой-нибудь странной мелочи. Может мы сами бы там наехали на мину, спрятанную в земле или глине. Но песком не скроешь такую вот философию сопротивления ужасу, когда ты быть нацистом не хочешь, но вокруг тебе мерещатся только одни они. И словно бы притворяются там пришельцами, которые могут влезть в любую расщелину мозга. Ты прячешь от них своё лицо, постоянно психологически закрываясь от страха. А они этим пользуются и ждут, что в следующий раз ты наверняка сделаешь точно оплошность в своей жизни. Не будешь указывать ту форму объективной критики перед собой, а ловко скатишься в психологию разнузданного поведения. Она же будет тобой руководить так долго до тех пор, пока в один прекрасный день ты не поймёшь, что стал одним из них. Таким же наглым и авторитарным, который ищет постоянного сопротивления в обществе. И когда всё же находит его, то обращается в сложное животное, чтобы думать только о национальном превосходстве.

Имея жалость внутри себя самого и хороший уровень эмпатии я не сразу понял, что мои видения во снах видно были чем-то очень значимыми. Они вели меня туда, где грань будущего соприкасается с прошлым, а сам я становлюсь неуловимым военным или тем кто может навалить уже всем своим невидимым врагам. Конечно для этого не нужно быть демократом, но читать постоянно новости необходимо. Поэтому мы поручили это делать Богдану. Он ведь был ещё ранен и его рана находилась в состоянии заживления. О чём я конечно очень переживал, ведь хотел, чтобы мы провели это лето достойно. Например, нашли всех нужных нам нацистов или тех кто им постоянно помогает. Может на территории ДНР, а может и на территории России. Ведь кругом одна вода и нет во мне такого перелива совести, где я буду считать, что нацисты сосредоточены только в одном месте. Потому что это стало настоящей болезнью двадцать первого века. Той самой вооружённой болезнью, из которой нельзя выйти сухим из воды. Ты можешь туда попасть и точно в болоте навсегда завязнуть. А можешь просто плыть в неизбежной нацистской трясине, но попадёшь всё равно в угловатый тупик.

Это и есть тупик твоей личной совести, где собрано очень много национальных интересов и правил. И все они смотрят на тебя и ждут, что ты станешь для этого мира - крайний. Не тот, что будет крайний правый в политике, но уже военный крайний, которому нельзя будет сделать два шага назад. Потому что и отбыть уже в отпуск ты не сможешь с такой бы установкой на совести. Ты будешь лежать на поле боя и звать ту самую личность из юности, у которой была бы критика. Она приходит не ко всем, и особенно не задерживается в мозгах у молодёжи. Но мне повезло больше чем другим. Артём повзрослел рано, когда мне было всего пятнадцать лет. Мы тогда с отцом ходили в местный магазин в городе Шахты. И в один прекрасный момент в одном таком магазине было военное нападение. Какой-то сумасшедший ворвался туда и стал стрелять в посетителей. Он видно сбежал из психбольницы или был не совсем в себе, точнее в состоянии изменённого рассудка.

Я хорошо запомнил это кровавое лето. Моего отца ранило в плечо, но он успел подстрелить подонка из своего небольшого оружия. Точнее из пистолета Макарова, где у него осталось ещё много пуль. Клим держал его постоянно при себе, чтобы контролировать ситуацию,

которой могло бы и не произойти. В такой момент у меня стала развиваться подростковая критика, а я стал думать, как защитить самого себя от нападения. Артём стал прислушиваться к собственной личной интуиции и вывел там ряд правил, которые я использую и по сей день. Одно такое правило гласит, что нужно постоянно быть в такой форме личности, чтобы не давать нажать на спусковой крючок. Где ты можешь конечно же ошибиться, но будешь всё равно потом уважать своё личное решение. Поэтому и мои глаза сегодня были также погружены в новости. Я читал их постоянно с небольшого планшета и изучал повестку в армии по белым спискам сайтов. Чтобы иметь хоть примерное воображаемое представление о той сложности, что может ждать меня за следующим перекрёстком удачи.

Когда прошло уже два дня и мы немного продвинулись, проезжая по пересечённой местности довольно много оврагов. Мы наткнулись на небольшое болото, которое было трудно объехать. И когда мы выезжали уже через несколько километров поодаль такого бы болота через странную небольшую дорогу, то услышали шум взрыва. Тогда был день и я как раз отдыхал в БТР. Вдруг, я проснулся и меня стала ужасно нагнетать эта ситуация. Артём решил сходить посмотреть, что там вообще происходит? Может кому-нибудь нужна была бы наша помощь? Когда я прошёл метров триста, то увидел вдали машину похожую на нашу. Она была также бронетранспортёром, но стояла недвижно. А рядом не было ни одного человека. Такая бы пустота, из которой на лоне почти летней природы никто точно не выпрыгнет. Артём подошёл поближе и стал звать, но никто не ответил. Потом я попытался открыть верхний люк и сразу уже ужаснулся.

Там я увидел двух уже мёртвых российских военных, которые видно подорвались и не доехали до нужного места. Поэтому я быстро сообщил их координаты по рации и получил одобрительный сигнал с того конца. Но голос был совсем не Александра Игнатьевича. Он был какой-то другой, когда бы мне захотелось переспросить, но тут связь просто оборвалась. Я пытался её возобновить, но всё тщетно. Видно связь стала хуже ловить, а я даже немного занервничал. Тогда Артём себя сразу успокоил и стал вытаскивать этих военных. Потом я позвал на помощь Дениса и мы их там и захоронили. Это были уже вторые похороны у меня на моём военном пути. Такие бы захолустные и готические похороны, где нет ни одного свидетеля, только мы с Денисом и ещё куча воронов неподалёку. Так я стал более трезво осознавать, что вообще происходит на границе с ДНР. Ловушка была за каждой ловушкой, но мы пока что объезжали все эти входы и выходы, где не могли попасться.

Поэтому я залез быстро в чужую БТР и попытался её завести. Но видно машина была неисправна и мы её там так и оставили. Только забрали с собой оружие и нужную военную технику, в том числе дроны и другие приборы для слежения. Я видел в этом случае шаг уже бы к своей настоящей совести. Чтобы потом не рассуждать об этой войне плохо или необъективно. Когда мы вернулись, то у Богдана и Игоря были очень удивлённые глаза. Они были уверены, что кто-то из военных выжил или из тех кто находился в машине. А когда я рассказал ещё и подробности, то воздух стал какой-то очень непроницаемый. Видно из-за страха, который повис между нами всего на несколько минут. Богдан сказал, что в новостях обычные сводки, но участились случаи, где украинские военные переодеваются в русских. И так разъезжают по территории России в поисках новой наживы для своих каменных мозгов. Точнее для кратковременного помутнения разума, в котором бы они могли просто совершить очередной теракт или подставить армию РФ.

Я не раз говорил Богдану, что это всего лишь сводки и не нужно постоянно так эмоционально на это реагировать. Нужно быть более спокойным и уравновешенным человеком. Чтобы не ждать постоянно помощи того, кто может никогда не прийти. А надеяться только на собственную сноровку и держаться постоянно вместе. Так мы и делали ещё несколько дней. Пока ехали по полям и небольшим местностям, где растут труднопроходимые кусты или образуются заболоченные впадины около дорог. Я не решал ничего за Дениса или за Богдана, когда

они постоянно исследовали бы местность при помощи дронов. Так мы подстраховывались и думали, что найдём выход даже из странной ситуации. Если, например встретим на пути переодетых нацистов украинцев. А они будут нам утверждать, что они коренные русские люди. Ведь корень так сразу и не прощупаешь. Они ведь все подготовленные и говорят без малейшего акцента. А выглядеть могут так, что никогда и будешь думать иначе.

Я стал вспоминать тех двоих парней, которых мы похоронили. И даже сказал Богдану, что мы могли бы случайно похоронить нацистов. Которых могли просто убить из дрона другие военные. Но мы это сделали по неведению и не знали бы кто вообще они такие. Артём не выходил из своего спокойного состояния почти никогда. Не видел вокруг тайных знаков и не впадал в агонию, когда что-то долго не получалось. В один такой вот момент мне даже стало скучно, что на пути у нас нет ни одного живого нациста. Я даже пожалел, что нас перенесло почти на три месяца вперёд и мы не знаем, зачем всё таки это сделала сама природа? Она не была сегодня богата на ответы и не водила нас по военному кругу. Но хранила что-то очень сакральное прямо около своей сердечной мышцы. Чтобы внутри неё люди не могли бы рассмотреть точных причин происходящего и может не боялись бы друг друга, что бы впереди ни произошло.

В такой обстановке вечером, когда уже было время к восьми часам я опять сел за руль. Мы двинулись в объезд какого-то местного шоссе. Чтобы ехать параллельно ему и следить за своей и чужой дорогой. Быть может и там мы встретим что-то уникальное на пути, где нет сегодня порога для человеческой идеальности. Я сам её придумал для себя, а Богдан меня постоянно поддерживал внутри ответов. Так я хотел раскрыть свои глаза сильнее, но думать не как обычный человек. Артём хотел бы прикоснуться уже к проявлению воли будущего, где твои инстинкты не могут убежать далеко. Они смотрят на тебя вослед и зреют под таким бы ветхим зеркалом свободы. Ты манишь оттуда свою честь и чувствительность к миру. Чтобы не видеть, как другие солдаты объясняют свои успехи и неудачи, но чтобы страдать там только по-своему нетипично гордо.

Поэтому мы остановились на пять минут. А когда я решил немного покурить на улице, то ко мне подбежал взбудораженный Богдан. Он был со своим цифровым планшетом и держал его очень нервно. Когда я сам задал ему первый вопрос, где спросил: «Что происходит?». На что Богдан ещё больше округлил свои карие глаза и сказал, что Александра Игнатьевича Рема больше нет. В очередной сводке говорилось, что он погиб, когда защищал своего родственника. На него было покушение, а его сын выжил. Но к сожалению сам Александр Игнатьевич оставил этот мир от атаки небольшого, но всё же украинского дрона. Ведь в ДНР было сегодня более беспокойно, а завтра могла бы уже начаться полноценная война. Где ты не ждёшь спокойную воду внутри личности, а ищешь постоянно стиль раскрытия тайн. На лице я не видел такой бы тайны сегодня. А на своих ладонях я понимал, что не выдержу новой пытки внутри мудрости моего же мозга.

Он постоянно внутри меня закручивал уже бы такой совершенный смысл. Что мысли одна за другой сменяли мой ракурс рамочного состояния гения на тонкий шлейф своеобразной готической гостии из будущего. Я мог бы видеть её сквозь время, но сегодня она стала проявляться чаще. Точнее стала проявляться чаще смерть и никогда уже от неё я бы не мог найти в душе выхода. Артём пылал, набравшись опять водки, чтобы на следующий день нести свою роль водителя БТР. Она мне хорошо поддавалась. Намного лучше, чем например Богдану. Ведь у него не было такой сноровки и быстрой реакции, закрывающей бы его мозг от личных неприятностей на пути. Я научился этому своеобразному типу мышления, где мой внутренний идеал никогда бы не пересекался с чужим. Так я видел на ощупь всех нацистов на своём пути. И мне не нужно было бы для этого проходить рамку детектора лжи или ещё какого-то своеобразного прибора. Где тебя просвечивают и подают это за личное решение для тебя же самого.

Я решал сегодня только то - насколько карты соответствуют действительности. И как мы будем дальше передвигаться? Может уже по скалам или ещё каким-либо обширным манерным оборотням природно тусклой необходимости в жизни. Поэтому мои карты показывали, что уже скоро мы достигнем ещё одного посёлка. Это был небольшой городок Куйбышево, который находился почти на самой границе с Украиной. И туда нам нужно было бы обязательно попасть. Чтобы пересечь уже на БПМ в местной военной части и сравнить наши планы с планами уже бы будущего среди военных. А они были самые разноплановые. Или мне так казалось, потому что ситуация стала стремительно меняться. Нам пришлось познакомиться с нашим новым командиром. Это был Илья Сергеевич Потёмкин. Он был уже в возрасте, около шестидесяти лет. Но говорил очень отчётливо и тепло, чтобы все вокруг могли услышать его славный голос. Он мне даже чем-то понравился, точнее подошёл ментально изнутри.

Мы немного обсудили смерть нашего командира. Где были крайне недовольны, что его снесли прямо на наших глазах. Нам казалось, что это произошло прямо у нас на глазах, потому что висела некая странная атмосфера. Я мог её видеть только через сгустки смерти, когда ты не можешь подойти к ней близко и не обжечься. Я не стал спрашивать особенно подробно, что мои напарники думают по этому поводу. Но немного призадумался насчёт своего разгона во времени почти на три месяца. И чтобы совсем не упасть в такую бы дедуктивную не искушённую смертью ситуацию - я стал болеть. Точнее я заболел сначала способностью думать без смертельной опасности, а потом я заболел способностью говорить только: «Нет». К моему общему омерзению нельзя было никогда подметить и то, что во мне хранился новый секрет. Он был снаряжён не хуже чем я сам и мог бы доделать за меня всё новые и новые подробности моих душевных переживаний.

Где бы сам Артём не слушал никого вокруг, но шёл только своей дорогой куда-то вдаль на требующуюся мне истину. Она могла находиться в поле, могла быть в небе, но всегда присутствовала в таком бы обороте слов, что не говорят. Потому что это необычный феномен времени или стиль потребления жизни и мне придётся ждать, пока проявятся его черты. Где я не буду просто военным, а буду снисходительным и нужным уже для других людей. Мы сели опять в машину и поехали уже поздно вечером. На соседнем шоссе отсвечивали фары едущих куда-то машин. Трасса была довольно сильно заполнена, как будто бы люди ехали днём на какую-то важную встречу. Потом, ещё немного приглядевшись я увидел, что эти машины: одни БТР, другие БПМ - ехали не под нашим флагом. Такого ужаса я никогда не забуду! Они ехали под украинским флагом, а мы то ехали совсем рядом и были уже их антиподом в такую бы военную сторону мысли. Поэтому мой мозг быстро сказал, что нужно немного приглушить фары. Потом, ещё через пять минут мы съехали с той дороги и уже хотели повернуть на местность, где были только поля. По ним можно было бы ехать также быстро и относительно спокойно. Как, вдруг, я услышал стрельбу. Она была повсюду и мне стало казаться, что кто-то посторонний сейчас просто пробьёт мой мозг.

На этот сильный выпад мы стали отстреливаться уже из пулемёта и проложили себе новую дорогу куда-то в никуда. Видно машин было много, а нам ехать бы ещё так долго и выживать среди пустыни такого бы формой ровного и гладкого отечества. Поэтому наш БТР вывернул ещё через несколько небольших дорог с поля куда-то напрямиком в кусты. А те странные и надменные нацисты поехали прямо по полю, чтобы сократить свой путь и догнать бы уже нас. Но чудо воспряло прямо из гроба и встало у них на этом ночном пути. То поле было всюду заложено минами и они стали подрываться один за другим, чтобы ещё и ещё раз доказать бы себе и миру - какие они тупые от рождения. Меня немного удивило такое развитие событий, но сегодня удача была на нашей стороне. Мы не хотели выезжать на плотную формой дорогу, но думали, что сможем теперь многое успеть в жизни. Например, собрать ещё одну головоломку для дорожной неизбежности нацистов. Где они не смогут прожить и капли крови или минуты дня, на котором просто рассыпятся на части.

А целое уже бы не соберут никогда в одно произведение души, чтобы записать свой очередной траурный гимн. Меня тронуло такое бы СВО до самого сердца. Ведь оно мелькало и трудно дышало уже под самой тихой оскоминой мужского сердца. Я не хотел конечно искусственно избегать смерти, но на дороге мне везло, как настоящему фокуснику. Где сам Артём не мог думать долго, а руки вели бы туда, где ночь сковывала своими огромными глазами. То самое поле надежды и рока, чтобы потом передать его уже бы другим русским людям. Поэтому я не смотрел этому полю прямо в глаза, но думал, что оценить сегодня шутку судьбы довольно быстро смогу. Мы выехали опять на песчаную дорогу и стали провожать глазами какое-то скопление машин. Они остановились далеко позади нас и не думали больше приближаться, чтобы стрелять. Но в тот момент у меня что-то промелькнуло в душе и мой упрямый рок опять зашевелился. Потому что я понял, что эти нацисты запустили ударного дрона нам вослед. И не одного, а целых три.

Эти дроны были иностранного производства и могли нам сильно повредить. Поэтому мы включили одну такую небольшую загадку природы, которая отгоняет от нас этих самых дронов. Точнее защиту от атак дронов и стали их выслеживать, чтобы наконец-то сбить. На первом дроне сам Артём конечно же не ошибся и попал в точную цель. Когда ударный дрон потерял своё управление и полетел прямо на землю. На втором дроне сработал бы уже Богдан. Третьим дроном наслаждался уже Денис, который после этого рассказал очередной военный анекдот. «Приходит как-то один военный в бар и говорит, что ему нужно много пива. А ему отвечает хозяйка за барной стойкой, что пива почти нет, осталось только виски. Тогда этот военный, не долго думая говорит, что ему нужно столько, чтобы могли напиться все его друзья. Тогда эта хозяйка бара спрашивает, откуда его друзья и сколько их? А этот военный отвечает, что их пятеро, а сами они с Украины. Поэтому, не долго думая, дама подаёт три ящика Горилки и также же три ящика Русской водки. На что военный странно удивляется, почему по три ящика и такого разного напитка? А дама ему в ответ, чтобы не было расхождения во взглядах на войне. Когда очень хочется выпить, а не с кем. И ты идёшь искать себе собеседника уже на другую сторону.»

Меня никак не удивил этот анекдот, а сам я немного почесал свой затылок и понял, что на другую сторону я перейти точно не смогу. Вернее не буду этого делать никогда, даже если буду вдруг умирать и меня возьмут в плен. Может испытают там моё мужское терпение, но перейти на другую сторону - никогда! Я вытер пот со лба и понял, что уже наступило настоящее лето. Оно было везде, оно светило и ночью и днём, а все мы обливались потом постоянно. Конечно вскоре мы сменим эту одежду на месте следующей нашей стоянки. А потом и там, где будем уже в военной части около Куйбышево. Может уже такими непобедимыми, как и сегодня, а может находчивыми, как видимо завтра. Я горел таким оптимизмом, что меня трудно было сбить. Словно бы я был космическим фонарём и моя искромётная форма давала мне ещё большее чувство принадлежности к земле. Конечно она была русская и могла бы дать мне щепотку соли. Но сегодня трудность преодолевалась довольно легко и перспективно на уме.

Среди нас мучился только один Богдан, когда его нога постоянно ныла. Он ел свои противные таблетки и почти не пил с нами водку. Но всё равно смеялся, чтобы не походить на занудного человека. Ведь мы сильно сдружились за последнее время и уже в глазах ощущалось, что будущему нет предела. Мы будем ехать постоянно вперёд и разведывать всё новую и новую территорию. А подспудно - докладывать бы уже об успехах теперь и новому начальству. Я уже не мог представить, как я бы выбирался один из таких передряг. Ведь нас было четверо и только мы тронемся в пути, как некие приливные мотивы начинали звучать в наших головах. Мы не призывали их сами, но делали шаг навстречу вечности, чтобы видеть и божественное проявление на войне. А когда уже небо зайдёт новым светом звёзд, то предлагать друг другу всё новые и новые интересные маршруты на пути. Так я недавно проложил очень интересный

маршрут до Куйбышева, но у нас на пути возникла опять небольшая преграда. Мы увидели странные поля и решили их объехать, думая, что там могут быть заложенные мины.

Так я стал постоянно слушать свою внутреннюю интуицию, а Илья Сергеевич по радиации подбодрял меня и говорил, что вскоре мы все прорвёмся. И будет так хорошо и одиноко в мире, что негде будет найти ни одного живого нациста. Ни в поле, ни в селении, ни в каком-либо доме. Которые мы также иногда изучали, когда встречали там небольшие заброшенные дома. Они иногда стояли один за другим и выглядели точно как с картинки. Но после нашего приближения становилось понятно, что в этих домах никто не живёт. Поэтому мы их быстро исследовали и смотрели, что смогут сделать наши приборы для слежки или тепловизоры. Чтобы глазами можно было не только видеть чужое личное пространство, но и считать там время, отпущенное для нас на пути. Мы ездили постоянно и контролировали поочерёдно друг друга на пути. Чтобы нехотя какой-нибудь человек на нашем пути не усомнился бы в обратном. В том, что нас можно сбить с толка или пустить туда, откуда бы мы никогда не выбрались. Внутри такой дедуктивной логики Артём стал почти что следопытом.

Я следил за всем, что происходит вокруг, но смотрел постоянно на восходящие в небе звёзды. Они напоминали мне о бренности этого мира и о том, что мир не сможет пережить всех нацистов. Где бы они точно попадают внутри своих сооружённых эмблем честности и боли, но будут постоянно очень благообразно притворяться. Такими бы ловкими лицами, куда бы ты сам пришёл на крайний случай. И чтобы этот случай никогда не наступил мы решили больше не обсуждать во время работы военный коммунизм. Он начинал нам действовать на нервы и топить уже наш стиль работы в уединённом кругу напарников. Когда бы у нас была общая цель, но только в жизни одной общей цели или идеологии. Той, о которой мы договорились с самого начала. Она была больше похожа на русскую демократическую идею, на то, как могут русские военные освобождать этот мир от нечисти. И быть внутри него такой бы славной преградой для возникновения нацизма. Пусть это были только мечты, но они струились на наших глазах также обязательно, как и приказы от начальства.

Артём даже хотел бросить курить прямо на СВО, но потом подумал, что сделает это в более приятной обстановке. Когда его начнёт обнимать Варвара и они сблизятся уже на такое расстояние личного счастья. Что каждая цель сможет быть не последней, но первой, а в каждой такой проводнице души я буду видеть только свою будущую скво. И теперь мы почти что подъехали к Куйбышево. Это было настоящее лето и оно было для нас малой затрещиной в мозгу. В том военном мозгу, где могут застрять разные идеи и планы. Например: как не воевать себе в ущерб; где не думать много негативного смысла; что проходить в первую очередь, когда совсем нет подсказок впереди? Я мечтал уже раскрыть главные карты наших врагов и снять с себя эмблему несхожего человека воина и такого бы рыцаря, который живёт уже в мирное время. Где я могу починить и своё внутреннее я, но останусь сам для себя профессионально нейтральным. Меняя там стиль расчёта в логике на полную проницательность и чуткость. С которой я могу рассуждать уже как мастер разговорной речи.

Мы подъехали опять к какому-то старому дому. Дорога почти кончалась, а начиналась очередная возня песка и скомканной грязи в пути. Где опять придётся рассчитывать на свои силы, чтобы провести внутри такого вот приёма борьбы с грязью - полное сумасшествие. Я не хотел начинать его сегодня, но завтра оно конечно же нас настигло бы. Мы посмотрели окна дома тепловизором и поняли, что внутри никого. Видно он был не жилой, а пустовал на окраине уже бы с границей России. Вместить туда свои тела мы не хотели надолго. Но решили там немного посидеть. В доме было почти что всё необходимое. Видно он пустовал не очень давно, а иногда его посещали его же хозяева. Меня польстило, что я могу просто так посидеть по-русски за столом со своими друзьями и отдохнуть. Когда бы Богдан потом поведёт нашу военную машину. Мы не слышали никаких странных звуков или препятствий для нашего отдыха, а смотрели на этот старый дом, как на отдушину.

Я предложил перекусить и отдохнуть пару часов. На что все остальные согласились. После чего эта странная предыюнская жара должна была бы спасть. А вечером нас бы уже ждало продолжение дороги куда-то на новое поле приключений. На военную часть, где мы обновим нашу машину и будем более упакованы для войны. Тяжёлое оружие я не очень любил. Но ситуации, которые нам предлагала бы судьба - были совсем не стандартными. Они были очень переменчивыми, как ветер в поле. И чуть он задует в сторону бы уже врагов, то можно думать, что стиль вероятности нападения возникнет на нашей стороне ада. Я не хотел попасть в тот русский ад, откуда мне будет уже не выбраться. Но видеть, что выбор всё таки есть. Конечно же мы рисковали, забираясь в пустой дом. Откуда можно было бы всего не увидеть, но нас могли бы просто закидать дронами. В такой обстановке мы сидели и обсуждали, как будет проходить наш путь после границы, и где мы будем и там делать дальнейшие остановки. Когда уже все вопросы были почти что решены, то Игоря вдруг стала накрывать водка. Он решил включить местное радио и немного повеселиться. Я не забуду его странных идейных глаз. Видно ему сегодня не хватало того праздника, который он мог бы ощутить в конце СВО.

А конца спецоперации пока не предвиделось и нам нужно было думать о нашей безопасности. Также, как и о нашей свободе, чтобы не полинять от нашествия нацистов на военную душу. Они были как противные пиявки, которые охотно тебя преследовали и искали там бурное сопровождение эмоций на лице. Я бы мог этими эмоциями сегодня легко управлять, но не счёл нужным думать об этом. Ведь смотреть, как танцует и веселится Игорь - было куда более забавно. Он сменил маску вдумчивого и дедуктивного военного на тон уже бы весёлого молодого человека. Мы стали рассуждать на тему девушек и я узнал очень много о своих напарниках. Например то, что у Игоря было очень много девушек за свою небольшую жизнь и он совершенно этого не стеснялся. Он не искал вообще насчёт себя никакого оправдания. А наоборот строил курьёзные стили диалога, чтобы шутить постоянно и думать о мужской чести.

Ведь внутри идеалистического мышления нет конечно современной войны. Она как раз заложена внутри расстройства личности. И я хотел это доказать не только себе, но и окружающим меня напарникам. Где ты видишь эти безумные глаза нацистов, а они совершенно не видят там тебя. И не скрывают там своё лицо, но видно чувствуют себя не как обычные военные. Разница их восприятия никогда не ставила меня в тупик, а я не думал хотеть понять их истинную проблему войны. Простив там только глупость и рьяное желание разбогатеть - таким вот неумельцам в нашей жизни. Где на целой планете нет идеалов большего тупика, чем притеснять других людей из-за денег. А потом, разворовав всё на свете - опять собирать дань по новой и искать в этом выход внутри своей личной идеологии. И ведь это был не предел их махинациям. Я бывало даже смеялся над анекдотами Игоря. Он рассказывал там идейные истории довольно часто и не только в старых и заброшенных домах. А играя в логические загадки прямо в военной машине, чтобы не засыпать на пути. Где ты сам не можешь себе расставить сложную ловушку, но это делает уже твой напарник и ведёт очередное расследование чести о тебе. Потом же едет дальше и ищет там малое лето, которое становится настоящим среди домов из заброшенной картины человеческого страдания.

Глава 7: Куйбышево или тонкий ломтик хлеба

Выбраться из этого старого дома оказалось намного сложнее, чем прыгнуть в омут, кишащий гремучими змеями. Ведь сам Игорь, когда совсем дошёл до невероятной и правильной кондиции, то пошёл на улицу стрелять по воробьям. И ему это конечно же с успехом удалось. Он стоял посреди дня и качался, как маятник, которого ничем не сбить. Не согнуть его высокую спину, которая ждёт того, что ещё в дороге не произошло. И сам он об этом постоянно говорил мне. Как будто бы ждал чего-то плохого в жизни. Происходящего точно не с ним, а с каким-то другим человеком рядом. Игорь конечно же не был провидцем или ясновидящим, который может менять свою жизнь, но хотел бы им стать. И тут, я решил задать ему небольшую загадку со множеством неизвестных фактов. А точнее рассказать в третьем лице и в выдуманных персонажах именно то, что произошло с нами, когда мы ночевали уже бы в том старом доме не очень далеко от города Шахты. Я так изловчился, что стал очень ярко и вдумчиво рассказывать. А потом и сам Игорь оживился, чтобы с него сошёл бы уже выпитый алкогольный синдром.

Спустя десять минут Игорь меня очень отчётливо выслушал и решил ответить, что сам бы наверно попал в такую ситуацию вряд ли. Он не верил в различные чудеса и фантастику, хоть сам её и читал постоянно. Чтобы в один прекрасный день понять, что у него также есть способности. Не только к военному делу, но и неординарные. Мы конечно сегодня не стали проверять способности Игоря, но сам я узнал, как в такой бы ситуации поступил бы он сам? Игорь сказал, что наверняка отказался бы от своих военных планов если бы такое случилось с ним. Или может пошёл бы в другое место и ещё раз устроился в военный отряд, но из другого города. Он конечно был пьян, но я хорошо уловил, что у Игоря была честь более болезненной. Он её никак не скрывал, но думал, что может я или другие сгладят его представление о будущем. Потому что верить во что попало - это плохое занятие. Не будь он военным, то пошёл бы работать в Службу Безопасности или устроился даже бы местным детективом.

В такой ролевой игре я конечно много фактов приврал, но на нашем пути это более или менее нормальная остановка. Вроде все нацисты куда-то разбежались или не знали, что им делать и как проехать сквозь минные поля. Раз такое бывает на свете. А сам свет развоплощает твой разум по-настоящему - значит это для чего-то нужно? Артём стоял рядом с Игорем и думал, что его жизнь только начинается, но почему-то движется в обратную сторону. И задеть её не смогут никто из его напарников, а нападающие нацисты и вообще ничего не поймут. Ведь они были просто призраками для меня. Я видел в них такую бы точку современной химеры, куда глазами трудно залезть. Чтобы не перепутать уже идейное поле раскрытой логики, но на их манер. А потом начать их переучивать заново и смотреть, как они бегут вслед уже бы такой закадычной истории мира. Ведь для фашизма нет никакого времени и то, что было в двадцатом веке - просто продолжается и сегодня. Оно смотрит на тебя исподтишка и видит твои глаза уже более заплывшими, а ты не можешь предугадать развитие будущей ситуации. Как будто бы сам стал гибридной копией манер прошлого века. Такое назойливое перевоплощение в мустанга войны не сможет подойти к тебе незаметно и укусить тебя просто за задницу. Ты должен сам придумать себе выход от такой бы находки совести в руках.

Где не нужно ждать выдуманной истории, на которой убедительно построена вековая ложь. А потом пересказывать её годами и десятилетиями, чтобы твоё сочинительство взяло бы верх над современной грамотностью жизни. Ведь эволюция разума всё равно происходит, хочешь ты того или не хочешь совсем. Я ещё очень много рассказывал вечером Игорю, но он давал весьма странные ответы. Моя совесть видно была очень индивидуально выстроена и могла бы польстить только мне одному. Но я ловко скрыл этот факт, чтобы ещё немного

понаслаждаться творением мужской дружбы. А потом я легко предложил Игорю уже пойти собираться в дорогу. Чтобы он выпался уже бы в военной машине. Ведь до Куйбышево оставалось совсем немного пути. Точнее может часов десять езды или больше. Был последний день мая, а казалось судя по погоде, что уже последний день июня. Мы мечтали поскорее добраться до этого посёлка, чтобы там нам дали новую инструкцию к применению. Точнее сказали, что теперь изменилось, и как нам нужно действовать в сложной ситуации.

Ведь на военном поле действий она самая менялась каждый день и внутри этого несгораемого бедлама мог пройти только Терминатор. Я таким конечно же не был, а мой курок был постоянно опущен. Не потому, что я не хочу стрелять по воробьям. А всё потому, что русское лето мне нравится больше, чем я бы смог его выдержать. Когда не хочу жить просто так, а хочу достичь своей сакральной мечты. Где нет внутри меня единоборства, но есть закалённый стиль крепкого мужчины. И я не смогу его никуда деть из своего же собственного сердца. Я буду бежать постоянно вперёд и звать на помощь только самых сильных ребят из армии. А может и вообще не буду звать таких, но увижу там в своих же глазах скромные ответы моей человеческой совести. Она стала приближаться нервно уже бы к границе с Украиной. Внутри себя мы мечтали поскорее проехать её и найти уже достаточное объяснение для нашего военного труда. Даже если оно будет прятаться постоянно по кустам и старым домам, а ты не будешь видеть всё это сразу и полностью.

Это была такая странная головоломка из моего воспалённого войной мозга. Когда некому больше прийти на помощь, негде взять себе оружие, но ты постоянно молчишь. А над тобой вечно подтрунивает смелый нацист. Он смеётся, что будет ждать тебя вечно и уже крадёт твои жизненные глаза. А взамен этой способности этот нацист не делает почти ничего. Он холит свою ничтожную свободу, где забегает постоянно вперёд. Не для того, чтобы вести с тобой длинные диалоги о Родине. Ведь ему просто всё равно, что ты думаешь на данную тему. Этот тип только хочет пройти с тобой часть свободы в жизни, а потом опустить тебя на тот парадокс мира, где ты уже неживой. Ты стал таким потому, что поверил этому чудовищу, где не был сам собой. Ты лишь видел глаза чужого алиби. На свете ведь много причин не любит других людей, но в причине нацистов ты не найдёшь ни одного здравого смысла. Ведь внутри таких людей собрана некая целостность манерного стиля говорить и думать. А за этими оценками личности нет ни одной кристальной чистой истины. Идеалы там уже давно сгнили, но ищут тело другой вековой заботы в тоске.

Этой тоской для нацистов видно была сегодня наша российская спецоперация. Она пронеслась, словно бы ястреб и оставила только лёгкий ветерок на лету. Чтобы внутри те нацисты не почувствовали себя в своей тарелке, когда им можно почти что всё в жизни. Можно угрожать другим людям и обманывать перед тысячной толпой зевак. Говоря, что победа будет достигнута не кровавым путём и не через войну. Ведь сам по себе путь стал кровавой окалиной на небе, а само небо раскалилось и выжгло уже ту форму Солнца из здешней красоты. Над красотами России можно много рассуждать, но в украинских красотах я также не сомневался. Ведь земля - она дышит не через территорию заблуждений, а тонко трогая свой пульс проживания на ней людей. Когда они живут спокойно и в достатке и не могут сказать, что буйство красок над головой - это всё мнимый мир. Ведь польза от своей сакральной философии лежит не только в гражданском поведении. Она лежит внутри самого человека и смотрит через общество прямо ему в глаза.

Сегодня уже этими глазами стали мои напарники. Денис выглядел вполне себе материально довольным, а Игорь допивал водку и становился немного мрачным. Ведь уже утром мы будем в Куйбышево и застигнем там формулу своего нового осознания пути военных. Когда мы сами пересядем на БПМ и может нам дадут ещё какого-нибудь военного снаряжения. Артём видел в этом постоянную удачу и хотел летать от мысли, как от пули прежней жизни. Где раздражённая воля не стихает в глазах, когда темно. Но ты постоянно смотришь на деревья вокруг

себя и думаешь о личном. Но на войне нельзя быть очень вдумчивым, ведь так я могу упустить многое из виду. Сегодня был довольно весёлый день, даже самый весёлый с тех пор, как мы выехали из Таганрога. Поэтому мы все погрузили свои тела в военную машину и стали, как будто бы невидимые призраки на тонкой ниточке судьбы. Она никогда не рвётся, потому что ты сам её нигде и никак не можешь увидеть. На плоском перепутье жизни или на толстой форме своего самомнения. А нынче самомнением забавлялся конечно же Богдан. Он утверждал, что дальше будет намного опаснее и нам придётся запускать разведывательные дроны постоянно. Чтобы они вели нас как будто бы призраки по тому краю дороги, что ты никогда не увидишь.

Артём не хотел думать о плохом, но стал догадываться, что дальше жизнь будет немного другая. Богдан же был сегодня самым серьёзным, но не говорил много, а сразу сел за руль. Мы ехали по какой-то небольшой песочной дороге и всё казалось обычным и скучным. То деревья вприсядку или плашмя, а то стая воронов, которые каркают так, что уши хочется заткнуть. Но мы внутренне не сомневались, что уже скоро подъедем к месту нашей новой стоянки. Вдруг, я увидел, что на дороге стоит необычный грузовик. Это был большой Камаз, внутри которого могли бы спрятаться почти тридцать нацистов. Я сразу испугался своих мыслей и стал думать, что же делать дальше? Проехать это чудо света и не оставить никакой реакции - было бы глупо. А если это очередная ловушка для военных? Меня нагнетало внутри несколько секунд и тело уже сжалось от желания понять, что же делать в такой ситуации. Вдруг, я быстро сказал Богдану, что нужно посмотреть, что в этой машине. На разведку пошёл Денис. Он взял себе АК-12 и решил очень подробно изучить факт нахождения нацистов в Камазе. А мы его немного так прикрывали со всех сторон, чтобы никто ничего плохого не подумал.

На тот счёт, если вдруг оттуда выпрыгнут зелёные человечки или ещё какие-нибудь зомби. А нам придётся их сковывать наручниками или связывать, как буйно помешанных. Денис шёл очень ровными шагами. Он был уверен в себе и нисколько не сомневался, что справится. Его сноровка давала ему тихий и бесшумный стиль, что также могло говорить о его профессионализме. В эту ночь и так было всё довольно тихо. На небе повисла большая жёлтая луна и светила своим апломбом так ярко, что отражала всю дорогу в лунном свете. В нём же мы видели Дениса и его приближение к грузовику. Когда он стал открывать дверцу машины мы все сжались в одно большое превеликое целое и приготовились стрелять. В нашем случае всё обошлось только щелчком железной двери. А внутри в Камазе по всей видимости никого уже не находилось. Видно оттуда с большой скоростью все сбежали и оставили этот грузовик местным жителям в качестве благотворительности. В такой ситуации мы могли бы выдохнуть, но счастье нам привалило хлебное. Его было так много, что никогда уже нам не наесться. Точнее этот грузовик был доверху набит чёрным хлебом и можно было бы себе набрать вдоволь.

Конечно ничего другого мы там так и не нашли. Полезного для нас самих или вредного для местных нацистов. Но продолжать дорогу было более интереснее. Ведь мы подзабили свои запасы провизии и свежим вкусным российским хлебом. Денис сел обратно в военный БТР и мы двинулись дальше, чтобы не делать мутных и неоправданных остановок на пути. Ведь предчувствие было такое, что дальше ветер перемен задует с уже более сильной скоростью. А силой мы не могли просчитать, что не будет изменено на сегодня? Наступило первое июня и первый день лета, а мы были при этом в дороге. Игорь же просто спал и видел наверно странные и цветные сны. А я всё мечтал и грезил, что найду дорогу себе через войну прямо в жизненное зрение будущих побед в своей судьбе. Я не очень доверял интуиции, но всё время какое-то предчувствие заполняло меня тонкой кромкой льда. А он освежал внутри меня и становился как бы частью моего будущего сознания. Как будто бы плавился во мне, но не выходил из моего состояния жизни никогда.

Артём сверил свои военные карты и увидел, что мы почти что на месте. Уже было за полночь и доносилось даже небольшое ощущение костра. Как будто бы где-то жарили шашлыки или готовили что-то очень вкусное на огне. Видно это была казарменная столовая, в кото-

рой нам придётся немного задержаться побольше. Я стал будить Игоря и мы вышли из бронетранспортёра. Точнее выпрыгнули как ласточки из подземной скважины того прохладного пота земли. Который оставляло это новое уже лето и та ночь, внутри одиноко бродящих военных людей. Я поздоровался первым с постовым Олегом. Он был довольно приятным мужчиной и указал на то, что нам нужно показать документы. После соблюдения всех формальностей мы стали знакомиться дальше с местными военными. Которые может работали там давно, а может были совсем ещё недавно приехавшими. И на одного такого я быстро бросил свой незаметный взгляд. Это был местный военный старожил Владимир. Высокий пожилой мужчина с небольшой чёрной бородкой. Похожей на ту, которую рисуют актёрам для детективного кино.

А сегодня мы были совсем не в кино, но ожидали, но нам обязательно дадут главную роль. Мы настолько хорошо подготовились, что сразу стали дружно представляться и жать друг другу руки. Такая обоюдно приветливая обстановка была для меня необычайно трогательной. Я не видел, что военные могут быть довольно дружелюбными к новеньким. Ведь все мы были сегодня новыми членами только зарождавшегося будущего по ту сторону границы с Украиной. Когда нельзя заочно сказать, что ты сделаешь в следующую минуту? Где ты будешь ночевать или как у тебя сложатся отношения с личным врагом? Может они будут сегодня крайне беспокойными и не дадут тебе заснуть даже ночью. А может ты сам ему навалиешь и станешь таким же приветливым военным на своей полосе русской удачи. И её я конечно же хотел схватить сегодня за хвост. Меня постоянно позу личности, или обдумывая свой мужской парадокс схожести логики с нашим миром. Ведь он не был таким однозначным и тревожным, но требовал очень многого участия в самых разнообразных методах освоения реальности.

Артём начал осваивать бы свою реальность прямо с того, что познакомился с местным командиром отряда. Этот спокойный мужчина мог привести в чувства даже самого беспокойного пациента. Ведь на деле его звали Даниил Яковлевич Нечаев, а сам он был родом из Санкт-Петербурга. Его судьба прошла очень опрометчиво и несладко, но сам он решил переехать жить южнее. При этом он оставил дом и родственников в самом Санкт-Петербурге, куда приезжает постоянно гостить на отдыхе. Ему было на вид около пятидесяти лет, но его глаза выдавали, что ему побольше. Видно он хорошо сохранился и не звал на помощь при каждом своём промахе в жизни. Такие люди отличаются особой чуткостью и слаженностью внутреннего зренья. И Артём это сразу уловил, как будто бы понял, что можно всё начать сначала. Только что теперь взять за новую точку отсчёта? Начало самой спецоперации или ту ситуацию, когда я очнулся на три месяца позднее своего длинного военного путешествия?

Меня занимали глаза Даниила Яковлевича и то, как он свободно держался внутри своего кабинета. Мы разговорились и он подсказал нам, как лучше объезжать местные минные поля. На всю эту психологическую ловушку в жизни у него было своё отношение, а сам он был выучен порядочно, чтобы можно было бы довериться этому человеку. Он рассказал мне, что около границы нынче беспокойно, но наш командир отряда уже дал ему все необходимые указания. Чтобы мы ещё раз почувствовали опеку и ловкость со стороны старшего поколения военных. В моих глазах опять пробуждалась молодость, ведь граница всегда вызывала только романтические чувства. Но Артём сегодня нисколько не обольщался. Я всё ждал какого-нибудь налёта иностранных дронов или другого полтергейста, который захочет меня остановить. Потому что нынешнее время постоянно стало у меня ассоциироваться с полтергейстом. И не обращать на это внимание я уже не мог. Этот полтергейст двигался постоянно взад и вперёд, а я двигался с ним синхронно, чтобы не думать о душе. Потому что если я буду о ней думать, то точно собою со счёта моих же гротескных образов идеала или личной мечты. А в мечту мне хотелось верить и жить ей.

Ведь для Артёма верность семье и Родине были самыми значимыми факторами в жизни. Как будто бы я сам жил внутри этой оболочки стихии, а она выносила меня наружу, туда, где начинался космос уже из неизвестных мне людей. Сегодня один такой мужчина говорил мне,

что нужно делать в трудной ситуации. Когда я буду уже в ДНР и при этом буду ощущать на себе тяжесть уже бы этой республиканской политики. Что бы кто не говорил, но мне стало легче после слов Даниила Яковлевича. Он показал нам нашу будущую военную машину и сказал, что с утра расскажет ещё очень много интересного. А пока мы решили здесь заночевать в военной части, где много русских берёз и ни одна из них не сближает нас со смертью. Потому что здесь нам довольно комфортно и тепло, а мысли бродят в крошечной темноте и не дают выпрыгнуть из глаз. Где завтра я могу увидеть разные вещи, а может понять всю трудность будущего чувства быть военным. Меня уже убедили слова Даниила Яковлевича, что расти нам ещё и расти над собой. Только не думать о плохом или о прошлом, где бы цепляться за слабости гражданского переживания жизни.

Я никогда не был тихоней и наверно не буду в будущем. Артём спустил свой рюкзак с личными вещами с плеч и переоделся. Ночью же в казарме по мне ходили разные тени людей. Они окружали меня и сближались в очень плотное кольцо, которое вызывало переживания. Но я не думал ничего плохого, ведь полтергейст не приносит мучений, а приносит только выдох на перепутье тьмы и новой свободы. Куда я окунусь дальше и буду искать выход уже в самостоятельность. Ведь эта самая самостоятельность давалась мне очень легко. Я с детства был довольно самоуверен в своей схватке с жизнью, но искал при этом тёплую отдушину. И когда я говорил в дружеской компании, то находил в глазах собеседников это самое тёплое лето. Оно меня теперь постоянно преследует мысленно, загоняя тени полтергейста на полу уже не моей жизненной важности. Там есть все мои прошлые учителя и там же остался и мой российский дух прожитой жизни. Его мудрость меня бережёт в будущем, пока я жду свою очередную схватку с нацистом. Когда его глаза найдут моё нелёгкое тело, а я стану ящерицей и со звериным оскалом души сожму его внутри его же оболочки пустой реальности.

На этом все его мечты сожмутся вместе с его телом. А каменное поле блуждания мира любви превратится в сплошное кладбище, где камня на камне не оставит то роковое сознание чести и мужества, с которым я должен пройти дальше. И я обязательно пройду дальше и буду видеть всю запущенную сущность подставы, которая сегодня травит ни в чём не повинных людей. Где они просто живут и не видят собранных линий моральности уже бы роковой. Когда я лежал и спал в казарме, то во сне ко мне подошла одна такая тень и осторожно так хлипким голосочком сказала: «Сдавайся, брат!». Я вскочил в холодном поту ночью и не понял вообще, что это было? Артём конечно же не передумал дальше бороться за свою свободу, но такой сон очень меня обескуражил. Я выпил немного воды и лёг опять досыпать внутри храпящего окружения напарников. Потом уже сон стал слегка помягче и странные тени почти разошлись бы. На смену им пришли обычные военные перестрелки с врагами и множество новых идей. В них я почерпнул слабость нынешнего нациста и то, как можно его лёгкой рукой свернуть с этой бы дороги. Как будто бы сам я стал внезапно профессиональным психологом.

Открывая утром глаза - первое, что я увидел это было лицо Игоря. Он очень мило улыбался и позвал меня наружу на улицу, чтобы показать нашу новую военную машину. Мы стали её осматривать и щупать, как верный клад из души. А потом набили её уже бы всякой снедью и оружием, запасами на наш славный стиль войны. Который мы будем продолжать довольно долго, а может всё лето до самой осени. Артём не стал догадками думать, что будет этой осенью, но наверно будет уже что-то другое. Может тёплое и солнечное, как бабье лето, а может и русское как стиль закономерной логики проживания жизни. Я вышел на улицу и увидел Богдана. Он был чем-то очень недоволен, но елозил постоянно по своим карманам. Я спросил его, что вообще происходит? И Богдан ответил, что у него до сих пор болит нога. Видно рана была глубокая и при заживании сильно болела. Поэтому в моём случае я опять посоветовал ему обратиться к врачу, пока мы ещё находимся в военной части.

Мой летний тон сегодня был не для посёлка и не для просёлочной дороги. Он был на редкость brutalным, да таким, чтобы день непрерывно сменял ночь. Как будто бы не было вечера

или утра, а было чёрно-белое облако задора над моей головой. И это облако несло меня по разным человеческим сомнениям, а я не думал бы: чего вообще хочу от этой жизни? Может быть вечно влюблённым мужчиной и ждать, что моя военная карьера никогда не закончится? Где я буду постоянно расширяться в моей военной философии жизни и не знать вообще никакого поражения? Это лишь мечты, но летом я был конечно же очень активным. Наверно потому, что и сам я был летним и манерным пацаном. А точнее я родился седьмого августа и знал, что моя жизнь будет точно бы львиной. Когда я разорву там всех своих врагов на пути и мне не будет от этого никогда уже тошно. Артём не станет препираться в этом случае и с людьми. Которые смотрят своими большими глазами теней на меня ночью или просто не знают обо мне ничего, что можно ещё интересного добавить. А добавлять было почти что нечего. Мы стояли почти на самой границе и нам нужно было бы в объезд главной дороги переехать её довольно осторожно. Конечно не минуя пограничников, но они все славные люди и с ними не будет никаких проблем.

С этой весёлой мыслью я уже сел в новую БПМ. Ведь военные машины мне нравились больше чем танки. И к счастью пока они нам были не нужны. Мы просто выслеживали следы нацистов и искали их разведывательным типом логики. А наступать на иностранную армию нам пока что не поручали. Но всё ещё было впереди, а сзади было только синее летнее небо и очень приятный глоток уже бы свежего воздуха. Ведь вдаль от больших городов очень хорошо себя чувствуешь. Когда нет в тебе той пыли и грязи от скопления большого количества машин. А все они были далеко на том расстоянии света и тьмы, что может достать только опытный дрон. И его мы думали скоро запустить, чтобы над нашей головой не было никакой нацистской нечисти. А было только спокойное и русское небо, когда не видишь ни одной странной птички и не слышишь воя самолётов на душе. Меня раньше они никак не раздражали, а сам я жил и не думал, что такое природная тишина. И только в долгой дороге я смог понять такую бы силу природного чутья для человека.

Когда бы ты полностью расслабляешься и восстанавливаешься от злобного общества и твоя военная подготовка начинает делать просто чудеса. Ты видишь больше чем нужно обычному человеку. Там ты передвигаешься почти бесшумно и может даже не трогаешь землю ногами. В таком случае я восстановился в дороге почти полностью, а Богдан уже совсем поправился. Нам дали с собой много бесшумных специальных автоматов «Вал». Мы должны были применять его в точечном бою, когда не видишь перед собой заметную угрозу, но ждёшь, что может быть нападение. И когда оно происходит, то такое оружие лучше всего действует, чтобы не спугнуть уже бы другого противника или нациста. Так мы могли бы перестрелять многих, но судьба не задавала нам такого чудесного и незабываемого случая. А мы сегодня не нервничали, но слышали постоянно гул совы. И ждали, что ночью нам будет более спокойно чем днём, а тени в наших снах вполне могут реализоваться наяву. Когда я могу увидеть и противников на сложном перепутье нашей специальной военной миссии. Я не разводил в дороге огонь, ведь мы постоянно питались готовой едой. А вели себя мы также тихо и грамотно, чтобы даже сова не могла учуять нашего запаха личности или страха, идущего от тела и души.

Мы поручили быть Богдану нашим механиком для военной команды. Он был самым скрупулёзным и умным, а я по этому поводу никогда не нервничал. Чтобы наши военные планы никогда бы не испортились, и каждый кто верит в пехоту - верил бы уже, что наши идеалы самые прочные. А будь мы десанниками, то взяли бы любой город почти за пять минут и не взглянули бы мирно на ту половину души, где нас могут уличить нацисты. Что мы сегодня не в форме или страдаем от какой-то болезни. Но мы не страдаем и не боеем, а мгновенно собираемся и движемся в путь также активно, как будто бы прыгаем с самолёта. И там садимся на плотный утренний российский туман. А он, в свою очередь несёт нас по раскидистой форме военной аллегории, куда невозможно положить мысли наших врагов. Потому что они уже все лежат на сухой земле. Они там остались и гниют, как и прошлые нацистские идеалы. Чтобы

никто не захотел больше их никогда поднимать с этой сухой и запустелой земли. Так я себя успокоил и стал расспрашивать Дениса, что нам ещё необходимо в дороге?

Ведь миссия шла по лесам и полям, и нам пришлось бы использовать много подручных средств. Я не мог быстро описать своих чувств в душе, но был немного поражен, когда увидел в военной части молодую девушку. Это была стройная брюнетка высокого роста с модельной внешностью и выпуклыми губами. Она так странно на меня посмотрела, как будто бы хотела что-то важное сказать. Может напоследок перед прохождением границы. А может, чтобы познакомиться уже со мной и встретить мою победу над нацистом через некоторое время. Мы познакомились довольно быстро. Её звали Алиса и она была также из Таганрога. А здесь жили её родственники, а она работала в военной части. И вроде бы её всё устраивало, но совершенно не было никакой личной жизни. Ведь ей было двадцать лет и сама она была довольно симпатичная и рослая. Как будто бы сияла вся изнутри и выливала своё сияние прямо на мою мужскую честь. А Артём конечно же не сопротивлялся. Я ждал, что мы скоро уедем и решил взять у неё номер телефона. Но сказал при этом, что позвонить я ей смогу ещё не очень скоро.

Может это будет в конце года, а может только бы в следующем году. Но мы обязательно с ней встретимся и будем хотя бы друзьями, чтобы не мечтать уже о большей любви. Я конечно сам себе приврал, но был при этом военным джентльменом. Мои глаза постоянно опускались вниз и я посматривал на даму не очень часто. Конечно иногда мои глаза опускались и на её выпуклую грудь, но лучше мне об этом просто не думать. Потому что я начинал сам себе завидовать и мнить уже бы очередной любовный роман. В такой странной ситуации я сказал Алисе, что очень спешу и буду ждать нашей будущей встречи на том пережитке мудрости, где все мы сгорим в странной агонии любви. Поэтому мы немного попрощались с Куйбышево и стали собираться в дорогу. И там я конечно съел свой тонкий ломтик хлеба, что был припасён мне и нашей команде из четырёх человек. Пока мы ковырялись в своих утренних делах, то к нам подошёл Даниил Яковлевич и пожелал нам дальнейших успехов. Когда мы проедем границу и будем ждать встречи с типичным нацистом на пути. Там мы выплюнем на него уйму нашей совести, а потом задавим его своей бы уже устроенной военной харизмой.

Ведь внутри русского военного человека всё должно быть хорошо и слаженно устроено, чтобы не думать о настоящем или о будущем. А просто парить как птица в небе и никогда не пресмыкаться на поводу у мерзких личных врагов. С таким запалом и внутренней харизмой я сел в новое БПМ и наш пограничный роман начал давать уже виток более идейного часа в судьбе. Я не думал, что Игорь меня похвалит или скажет, что я такой собранный и грозный из всех нас. Я только хотел мечтать о лучшей жизни, но при этом твёрдо стоять на своих ногах. Потому что они были в современной военной экипировке и ждали бы своего часа, чтобы запустить очередной дрон. Так мы и сделали, запустили «Сириус» и стали ждать, когда он почти долетит до границы с Украиной. Мы конечно не думали, что там его могут по ошибке сбить наши товарищи, но решили направить всё же его вдоль границы. Поэтому каждая наша минута, проведённая в наблюдении за этим разведывательным дроном могла дать мне много интересной информации.

Я вдруг увидел улыбку на лице Дениса и он сказал мне, что вроде всё чисто. И когда мы не будем играть уже своими мускулами, а просто дальше поедem, то доберёмся до границы с ДНР довольно быстро. Ведь нам не хватало только ещё чего-то спокойного и отрезвляющего, например, сигнала от нашего командира. И тут, в моей голове прозвенел очередной звоночек мудрости. Я понял, что моя мысль скрутилась в такую бы запятую, чтобы выйти там уже сигналом из моей военной рации. Потому что сигнал был уже через несколько секунд. Наверно это было синхронизацией во времени и той точкой того слаженного поворота в войне, когда ты начинаешь предвидеть все действия воочию. Я стал понимать, что эти способности будут проявляться и дальше, когда мы отъедем ещё немного от военной части. А Куйбышево оставим

позади и там же нам станет уже слаженно благородно - просто внимательно наблюдать за своим выражением лица. Как оно будет плотно вытягиваться внутри бы уже очередной разборки с дроном. Потому что реальных людей мы очень мало встречали на пути. Только тогда, когда нас пытались взять в заложники. И в тот момент это был самый экстремальный опыт в жизни.

Меня свою харизму военного на шпиона я мог бы сказать, что иду на разведку прямо за наступающей границей. И там я вижу массу ровных и сияющих звёзд на небосклоне. А все они говорят мне, что небо здесь уже не такое бы русское, но с небольшой ментальностью славянского стиля души. Вся эта слаженность неба мне конечно нравится, а сам я себе также подхожу, как деловитый профессионал. Как русский шпион, что вытягивает свою дедуктивную руку и быстро там хватает злобного нациста за его погоны. Потом несёт его символически по лесам и сажает бы в тюрьму. Чтобы поделом было таким неумолимым прихвостням судьбы: мелькать бы сегодня в местных лесах и видеть голубое небо, которое не сможет их спасти. По радиации Илья Сергеевич сказал мне, что ситуация обострилась и враги стали обстреливать ударными дронами мирных людей довольно часто. Они налетают на населённые пункты и бьют постоянно по школам и местным домам. Под удар попадают даже отдельные люди, которые идут просто по улице или находятся в неприятный момент удара в магазине.

Артём слушал всё это довольно внимательно и думал, что теперь все они - отряд по защите от вражеских БПЛА. Эта мысль меня немного подбодрила, но я стал оценивать уже наши технические возможности. И чтобы просчитать всё до более значимой точки Артём спросил командира, когда они уже увидятся? Может он сможет прилететь в одну из военных частей на местном вертолёте? Чтобы они всё таки слышали более подробные консультации по войне. Или тому, что ждёт их в обозримом будущем, когда бы даже Богдан полностью встанет на ноги. Не будет больше ныть - какой он бедный и несчастный, но сидит как обуза в отряде опытных военных. Илья же Сергеевич ответил, что всё будет в порядке, и когда он немного разрядит обстановку, то обязательно подаст сигнал для дальнейших инструкций. А значит и для встречи, чтобы более внимательно всё изучить и уже по картам понять, в каком направлении двигаться будет более приоритетнее. Потому что ситуация постоянно менялась и нужно было быстро ориентироваться в таком бы военном круговороте личного ада из мелочей. Когда даже самая небольшая мелочь могла сыграть для тебя символ бы уже чёрной метки или даже смерти в жизни.

Я не был суеверным, но считал, что могу перевернуть всё вверх дном, если мне нужно будет понять некоторые факты и мелочи. В которых таится тайна уже логического решения, как поступить. Как не дать себя обмануть на войне из цифровой слежки и ровного фона мелькания ударных дронов, которые ты сразу все сбить не можешь. Ты ищешь их в небе и по приборам видишь, что если сбивать постоянно цели нацистов, точнее их ударную боевую силу. То вскоре ты собьёшь и их спесь, которая таится за этим цифровым пережитком глупости. Чтобы в жизни они никогда бы уже не считали себя всемогущими и важными для военного дела. Которое будет для них непосильной ношей, если их граница разума сольётся с русским Богом. Потому что там нет никаких нацистов и нет той отъявленной пошлости нравов. А есть только бескрайние русские поля и леса, за которыми лежит свобода уже бы русской души. Для сегодняшнего лета я очень постарался себя воодушевить, а мои напарники не складывали ни на минуту своего оружия.

Конечно бесшумный автомат мы ещё не проверяли на деле. Но на практике, я думаю он нас не подведёт. Мы играем там и своими мыслями, когда бьём прямо в цель, но испытываем противника через боевые дроны. К счастью, на нашем пути ещё ни один такой вот мимо не пролетал. Может после границы с ДНР будут и такие прилёты важности от нацистов. Но испытывать там страх я уже не буду. Потому что это просто цифровое безумие для меня и весь этот механический мусор просто полетит на свалку уже бы истории. Когда там же найдётся второе дно для уже испытанного боя. Куда мы идём и приближаемся очень стремительно, чтобы не

думать о личной жизни. Не хотеть расслабляться, чтобы год за годом не становились никогда рутинной. Ведь война всегда освежает своей новой силой и эстетикой, конечно если ты хорошо вооружён. И знаешь, как понять наверняка своего же командира отряда.

А поводов для нас, где бы повоевать было предостаточно. Война на сегодняшний год разошлась почти что по всей республике. И там было очень много военных очагов, к которым было страшно приближаться. Там были скопления иностранных военных и их окопы, в которых также было полно скопления иностранной техники. Выжать их из этих мест и освободить территорию было для нас приоритетным заданием или миссией. Её мы вполне могли выполнить и осознавали, что придётся подсиживать уже бы не технику, а просто обычных людей. А значит, нужно было бы включать свои дополнительные человеческие способности. Конечно это не значило, что мы должны были превращаться все в Терминаторов. Но мы могли бы просто начать уже активно пользоваться своей военной интуицией или чутьём. Оно было у Артёма сегодня на высоте, чтобы наверняка доехать благополучно до границы и понять, куда ветер дует около неё. Где отражается скопление нацистского плена из души, а где уже можно просто пообщаться с местными жителями ДНР?

Глава 8: Я никогда не видел границу такой простой

Я мог понять многое, но что-то тёмное и очень презрительное нагнеталось внутри меня, когда я смотрел на Богдана. Он вёл БПМ и хотел мне рассказать парочку новых анекдотов, но я почему-то его остановил на этом деле. Мне стало казаться, что после переезда границы что-то неуловимое точно изменится. Но что конкретно Артём никак не мог понять? Как будто бы мысль застряла у него в сердце или в мозге и никак не может протолкнуться среди другого мусора, всё того же жизненного беспокойства в судьбе. Нам ехать то нужно было не по главной дороге, а по небольшой и песочной дороге. Где мы могли бы незаметно пересечь этот мир забываемых бездн души. Я так назвал его потому, что и себе сегодня не могу поверить, что в бронированном пограничном автомобиле нам будет намного спокойнее. Что благодаря пулемёту или другому оружию мы наверняка выберемся из любой, приходящей к нам передраги. Когда уже никто не собьёт нас с толку, но будет постоянно прищуривать свой глаз. Он конечно не был сегодня восточным или ехидным, а я не был самураем. Но точно видел, что мы сможем преодолеть барьер БПЛА. Которые могли теперь вылететь из-за каждого угла. Возникающего, где-то между нашей головой и обзором внешнего человеческого взгляда.

Он обычно меня никогда не подводил. Вот и сегодня я не думал, что такой бы БПЛА сможет меня убить с лобового стекла. Пусть оно бронированное и крепкое, но тучи над головой постоянно сгущались. Мы играли в такую бы загадочную игру, где не было ни одной подсказки, но было очень много разных логических ходов. И в каждый такой ход мог проникнуть убийца, а ты, как детектив должен был его разгадать заранее. Поэтому я начал спорить с Богданом, кто же всё таки убийца? В моих глазах промелькнула странная ситуация, что все персонажи этой игры - убийцы, а ты не можешь понять этот объективный факт и мучаешься там риском другого игрока. Я конечно же выиграл эту партию. Потому что знал, что самый мелкий убийца стоит в конце, а самый жирный идёт постоянно в начале. Это душой можно было бы и так предугадать. Потому что на нас стал лететь опять ударный иностранный дрон. Он пролетел сначала над нашей головой, и что-то холодное закралось у меня в мозгу. Я подумал, что он что-то разведывает. Но после пяти секунд началась стрельба.

Вот так нас и встретила злополучная граница, которую мы пока ещё не видели вооружённым глазом. Меня стало тошнить и я укрылся в глубине машины. Богдан же остановил машину и взял в руки оружие. Мы просканировали местность и нашли этот странный объект. Он был как будто бы пьяный. Может что-то в нём сломалось и он просто летал кругами и стрелял напропалую? А может это было просто маразматической машиной и нам нужно было дожидаться, пока это странное чудовище погибнет само. Но умирать оно конечно же не хотело. Я не видел никакого существенного поля идейности между нашим страхом и страхом быть просто русским человеком. В моей голове творилось черти что, но больше всего мне хотелось просто уладить этот инцидент. И тогда я решил попробовать призвать на помощь некоторые силы природы. Или может Бога, который не видит никакой опасности сквозь время и пространство. На меня свалилось нечто холодное и необъятное из глаз и вселенской красоты. Я остановил свой поток мыслей на долгой стрельбе дрона, но он вдруг заткнулся.

И вот, та странная железяка упала прямо нам около военной машины и стало жутко. Богдан выскочил первым и понял, что всё получилось. Мы разобрали этот нехитрый прибор и удостоверились, что он больше не работает. Если конечно нельзя выдумать обратное. Прямо под знойной природой июньского лета, когда ты сам можешь проехать неизбежную границу света и тьмы. Но мы были пока на стороне света и хватались за любую возможность пройти границу с ДНР в безопасности. Может это был какой-то сигнал для нас, что дальше ехать будет очень опасно. Но я не вредничал, а ждал, что мои напарники соберутся с мыслями и что-то

новенькое предложат. Потом мы оценили этот дрон и его технические возможности и поняли, что нам могло хорошо прилететь. Только вот, почему-то он сам стал себя странно вести и упал после недолгого кружения прямо на землю? Тогда Денис даже немного пошутил, что может перебить таких сотни дронов. Летящих прямо на него в потоке неба днём или ночью. А я рассмеялся, чтобы Денис сам не думал, какой он наивный и лёгкий на осознание своей человеческой силы и природы ума.

Я сказал ему, что может если бы он владел силой мысли, чтобы убивать там противников, то может быть это стало бы для него запасным выходом на волю. Но сегодня Денис был простым шутником и его глаза хлопали так идейно, что можно не звать на помощь напарников. Которые бы могли через автоматы подстраховать уже бы голову или тело от случайности попадания в них пули от дрона. Меня начала очень занимать эта ситуация. Хотелось поскорее проехать границу, а до неё оставалось несколько километров. Мы гнали своё сознание прямо внутри БПМ и хотели сегодня сделать передышку уже после прохождения границы. Но нам было неизвестно, что этот эксперимент или плановый манёвр может бы и затянуться. Когда вдалеке показалась та самая граница, то мы высунули свои глаза наружу. Она была сильнее чем раньше укреплена и видно у пограничников было очень много разноплановых проблем. Я вышел из военной машины первым, а Богдан пошёл за мной следом. Остальные же оставались внутри нашей БПМ. Уже, когда мы подошли вплотную к постоному нам показалось, что что-то с ним не так.

Вид у него был какой-то уж очень грустный или пьяный. Но доказать в первые секунды мы это поле теории не смогли бы. Поэтому я зашёл первым и узнал, как зовут этого Господина. А звали его Саша. Он представился также быстро, как и ментально снял мне шляпу гордости. Я улыбнулся ему в ответ и сказал, что мы едем защищать нашу Родину. От такой высокомерной информации Саша даже немного встал на дыбы, но тут же распрямился. Он выдохнул и указал мне на документы. Потом, когда уже посмотрел их все, то сказал, чтобы из военной машины вышли и остальные. Мы выгрузили из БПМ Дениса и Игоря и встали около пограничников, чтобы всё сверить. Когда услышали вдалеке небольшую стрельбу. Она была сначала приглушённая, но потом стала очень явственно слышной и теперь мы стали раздумывать, что же делать? Саша предложил укрыться в своём пограничном бункере. Он был у него на случай ядерной войны. Там было всё необходимое, чтобы прожить две недели и мы послушно согласились. Разве можно когда-нибудь угадать, даже в самом криминальном романе, что мы попадём в такую странную ситуацию?

Саша был высокий и наивно блондинистый, но с ним также было не всё просто. Он рассказал, что налёты дронов на границу теперь - это обычное явление. Внутри которого прячутся почти все и не могут проезжать нормально дальше, чтобы жить. Мы быстро оставили наш БПМ, при этом закрыв его сверху от попадания ударного дрона. Но этого конечно было мало. Тогда мы решили запустить дрон чуть попозже, может с утра, когда всё уляжется. Приехать, то мы приехали на саму границу, но вот выходить без подстраховки теперь было совсем опасно. Я не мог обвинить в этом никого, но думал, что на этот раз всё обойдётся. Сам Саша стал рассказывать анекдоты про пограничников и думать, как нам помочь в такой странной ситуации? Конечно нас никто не подгонял нынче, но ехать всё равно было бы нужно. Чтобы освободить дальше от нацистов не только землю, но и дух, в котором сосредоточена русская скорбь. И сегодня она проявилась в очень интересном виде. Сам Александр был немного пьян, но очень хорошо говорил при этом.

Он стал оправдываться, что у него был трудный день. Да и возраст уже не тот, чтобы любить сегодня воздух и лесной аромат лета. На природе конечно было хорошо, но угроза с неба оборачивалась такой молниеносной тревогой, что нельзя проигрывать самому себе. Насчёт уже бы технического обеспечения я сам Саше всё рассказал, но тайна, которая была у меня в голове - никак не пропадала. Мы сидели всё и сидели, и вдруг, решили тоже выпить с

ним водки. Ведь был июньский вечер и внутри нас не открывалась никакая дверь, а хотелось узнать некоторую тайну. В мозге она не могла уместиться, но мы продолжали весёлые разговоры по душам. И когда уже прошло примерно два часа, то сам Александр сказал, что пойдёт посмотреть. У него был напарник и помощник Олег и он также мог сегодня пострадать. Но в такой ситуации нельзя точно предугадать, чем же закончится этот вечер? Олег стоял очень одиноко на своём посту и уже несколько машин быстро проехали мимо. Вроде бы всё было спокойно, но хвост за моей спиной стал шевелиться всё изряднее.

Там была темнота и подлость, от которой ты сам хочешь убежать назад. Но не видишь куда, собственно, бежишь, а только стонешь внутри своей стеклянной колбы времени. Когда бы дроны поджигают тебя всё глубже и глубже и не дают сегодня понять, что ты всё же человек. Никакой не робот и не преступник, а просто заморённый от работы путник или военный. Которому нужно перенести своё тело на ту сторону республиканской души. Я хотел её перенести постоянно, а Денис мне в этом конечно же помог. Мы очень оживлённо посидели в бункере и стали думать о нашей стратегии в будущем. О том, как мы преодолеем дальше этот сквозной путь по пересечённой местности. Где даже бесшумный автомат «Вал» сможет нам помочь только, как очень прилежный ученик. От которого нельзя ожидать ничего плохого, но ты не видишь способность смотреть это поле души. Ты движешься куда-то на север, чтобы продумать всё новые и новые сюрреальные формы гротескного себя самого. А твоё внутреннее я уже видит бы бросок туда в неизвестность, откуда будут видны ровные шаги нацистского уже бы подполья. Я стал думать на эту тему и даже немного покрывлся такой бы тенью души, что и сам растворился в ней полностью.

А сам Саша стал рассказывать нам небольшие истории из его юности, чтобы немного поддержать наш боевой дух. Ведь он был из Куйбышево сам родом и понимал, что так и будет здесь всю жизнь работать. На вид Саше было лет пятьдесят пять, а его глаза выражали большую полезность в жизни. Как будто бы он сделал очень много для себя и для других людей вокруг и не может этим не похвастаться перед военными. Которые зашли к нему и сидят, словно молчат и сверлят его глазами напропалую. Но разрядка в такой бы ситуации была не только алкогольная, но и даже компетентно выгравированная на лицах людей. Когда и сам Саша мог бы улыбнуться, чтобы мы перестали нервничать. Время шло и сам того не понимая я стал уже даже расслабляться. Где сам Саша рассказывал свои истории очень оживлённо, как будто бы он профессиональный журналист. А сам он сказал, что обучался на военного, но проходил и различную самоподготовку. И что бы кто ни говорил - был разноплановым человеком, сведущим во многих областях гуманитарных наук. Ведь вести беседу с такой неистовой силой было довольно сложно и это был совсем не алкоголь, а именно его пограничное и военное обаяние. Чтобы мы ещё немного прижались бы к стулу и смотрели прямо на него, не отрывая своих мужских глаз.

Как-то раз, живя в Куйбышево я поехал отвозить очередных путешественников в другой город. Сам Саша рассказывал от первого лица свою новую детективную историю любви. В моей машине сидела дама и её муж, а ещё небольшая чёрная собачка. Я спросил как зовут это небольшое и пушистое существо и мне ответили, что это Джеймс. Он был неугомонным и постоянно прыгал вокруг вещей. Джеймс просился на улицу каждые два часа и не мог провести нормально и пяти минут на сидении. Мы ехали в ту пору, а это было примерно десять лет назад в Таганрог. Чтобы потом Алла могла составить там своё посмертное завещание на владение бизнесом и домами. Ведь даме уже было далеко за семьдесят лет и мы не могли придумать ничего лучше, чем просто остановиться в местном ресторане. Заехав за Матвеев Курган мы нашли такой бы небольшой сельский ресторан. Он был битком набит, потому что была пятница. А его посетители были преимущественно таджики и другие мужчины азиатской внешности. Чтобы не стучать в закрытую дверь мы быстро сняли платный столик. Ведь платили эти самые пассажиры, которых я вёз на своей машине.

Мы стали обсуждать планы на жизнь и то, как трудно сегодня организовать собственный бизнес. Я говорил им, что нужно постоянно много работать и делать свою жизнь более свободной. А Макс говорил, что нужно просто общаться с правильными людьми, чтобы дожимать их без лишних вопросов. Конечно на дворе были не девяностые, но сам я мог представить сколько таких людей дождал бы и сам Макс. За его такую сложную и долгую жизнь, ведь он был немного моложе Аллы. На вид примерно около шестидесяти лет. Мы обсуждали скромно большое количество фактов и тут, я решил сходить в уборную. Моим глазам представилась некая комнатка, что закрывает мой стиль парадокса от этого мира навсегда. Я конечно хранил с собой небольшой пистолет. Чтобы не думать тяжёлыми ночами и днями о поездках, что мне придётся рисковать жизнью. Потому что это была только лишь подработка для семьи, но не целое приключение длинной в жизнь. Я сходил в туалет и нашёл внутри себя повод ещё немного с ними пообщаться. Когда же сам я вышел, то не понял, что вообще произошло.

Все посетители стали нервничать, а хозяин заведения вызвал полицию. И весь этот разброс мнений был оттого, что Алла просто кивнула лицом в свой салат. Может она не была богатой наследницей турецких принцев, но была довольно миловидной дамой. Я потерял дар речи и только спустя пять минут спросил: «Что вообще здесь происходит?». На что мне Макс ответил, что сам он не может сказать, что точно произошло. Но в этом пока нет необходимости без экспертизы или медицинского анализа. Я стал стирать пот со лба и спросил, куда мы поедём дальше? Макс сказал, что минут через десять мы сможем это узнать. Тогда я встал посередине этого сельского ресторана и стал, краснея просто стоять и ждать. Минут через десять подъехали полицейские и машина скорой помощи. Надо мной опять нависло какое-то белое облако пожара. Я не мог его опрокинуть назад, а просто держал за пазухой, чтобы ничего плохого не думать. Тогда врачи констатировали смерть и предложили нам уже проехать не в Таганрог, а в морг.

На что я конечно же согласился, но не думал, что в моих руках будет будущее этого странного события. Когда мы подъехали к моргу недалеко от Матвеева Кургана, то я хотел быстро позвонить домой. Чтобы сказать своей семье, что я нескоро ещё приеду. Однако, сам Макс одёрнул мою руку и попросил меня почему-то не звонить. Я не знал, что сам могу быть очень подозрительным. Таким, что тени вокруг меня нальются в моей военной голове. Чтобы понять, что это всё неспроста и сам я могу также попасть под закон. Когда сам Макс был на освидетельствовании в местном морге около Матвеева Кургана, я убирался в своей машине. И вдруг, я увидел на заднем сидении некий предмет, от которого трудно отвести глаза. Я стал выдумывать, что это такое, но решил просто проверить у профессионала на следующий день. Когда бы об этом случае сам я замолчал, а потом пошёл уже в местную военную лабораторию. Благо тогда их было много и можно было за небольшую плату выполнить моё небольшое поручение.

Тогда уже через несколько часов мне сказали, что это сильнодействующий яд. И что в моём случае, если его принять, то можно убить человека за пять минут. А следов будет почти не найти. В таком бы детективном эксперименте мне стало понятно сразу и мотив убийства и то - кто его совершил. Я вышел очень серый и странный из этой военной лаборатории и опять пошёл к тому злополучному моргу. Мы решили всё оставить как есть и перевезти тело его Аллы уже в Таганрог. Но что-то странное постоянно преследовало меня на пути. Ведь у меня в куртке был его сильнодействующий яд. Тогда был сентябрь и уже к вечеру холодало. Мы решили посидеть в местном баре и выпить пива. Я ни разу не отходил в уборную от своего пива, а когда отходил, то наливал через целую бутылку его. В таком бы комичном положении всё могло продолжаться довольно долго. Ведь врачи констатировали естественную смерть от старости и остановки сердца. В моём примере и проявлении слова человеческой любви - это был просто ужасный поступок. Которому не было никакого бы объяснения.

Я сидел в этом баре в Матвеевом Кургане и думал, когда же я от этого человека избавлюсь? Военная сноровка не позволяла мне от него быстро избавиться, но хотелось конечно же вывести его на чистую воду. Чтобы потом снять с себя уже полный цикл этой драмы положений в личной тоске. Мы отвезли тело Аллы в Таганрог и уже на подъезде к самому городу, вдруг, что-то стало происходить. Несчастьем это было назвать нельзя. Горем - также язык не поворачивался. Но сам же Макс просто очумел, когда увидел свою прошлую жену. Алла, как будто бы восстала из гроба и в своей мертвенно-бледной синеве сказала ему: «Привет». Я был очень удивлён, но не снял маски уже бы своей радости и стал просто улыбаться даме в лицо. А радостный Джеймс подбежал к ногам Аллы и стал лосниться к ней и визжать с хрипотцой. Мне стало очень интересно, сколько эти двое заплатят мне за поездку? Ведь мы проехали круг намного больше и я потратил там бензина огромное количество.

На этом райском курорте вроде бы всё должно было уже закончиться, но дело продолжалось. Чтобы вернуть всё как было Макс сказал, что забыл кое-какие документы и ему нужно вернуться уже бы в Куйбышево. А там, мы уже с ним полностью рассчитаемся. Мне показалось это очень странным, но я не придавал должного значения такой ситуации. Джеймс остался с Аллой в Таганроге, а мы выехали обратно в Куйбышево. И в тот злополучный момент я стал держать свой пистолет наготове. Потому что сам думал, что Макс может меня начать шантажировать и убить в любой момент. Моя военная сноровка подсказывала, что это может произойти в любое время. И мне нужно было бы быть начеку. Я ехал довольно ровно и моя машина была вполне себе исправна. Такой чёрный джип и фундамент для моего будущего, если конечно я сам смогу избавиться от этого типа. Но Макс очень навязчиво рассказывал мне свои военные истории, чем сам запутал мою интуитивную логику. Может для того, чтобы сам я перестал думать критически? А может потому, что просто хотел отвести от себя подозрение и потянуть время? Я стал нервно курить на каждой такой остановке. Я думал, что не справлюсь с собой и сам спрошу его в лоб о том, зачем он пытался убить свою жену?

В этой детективной истории было много неизвестных, но сам я мог стать подозреваемым или вообще опущенным человеком. Поэтому я предложил Максиму прежде чем дальше ехать - дать мне аванс в половину стоимости нашей поездки. Он согласился и дал мне столько сколько было нужно. Я удивился, но сострил, что сегодня хорошая погода, чтобы умереть и больше никуда уже не ехать. На что сам Макс нахмурил свои брови и сказал, что он и сам бы не ехал, но его будущее зависит от этой поездки. Тут мне стало совсем странно и тень шероховатой логики застряла у меня между зубов. Я стал рассуждать прямо как и он, но не имея нужных фактов не смог ничего понять из его истории. Ведь внутри этой криминальной сцены только у меня было то злополучное орудие мести. Точнее смертельный яд, который я носил с собой в кармане. Конечно его могло быть и два, тогда я был в неизбежной опасности постоянно.

Мне стало дурно и сам я прикрывался только ложными эмоциями, но мечтать было почти не о чем. Поэтому я сказал, что мы доедем до места уже бы назначения и там решим, что делать дальше. Но тут, вдруг сам Макс дал мне ещё денег и сказал, чтобы я молчал. Он попросил больше никому об этом не говорить, в особенности бы уже самой Алле. Когда мы доехали до Куйбышево то сам Макс попросил перевезти его через границу до ближайшего местного города или посёлка. А там он сам сможет передохнуть и поехать дальше. Я не понял, что вся любовь видно прошла у этого джентльмена и помог ему. Хотя такое было делать нельзя. Потом уже, когда звонила его жена, то сам я сказал, что отвёз Макса в Куйбышево. Но потом и сам не знаю - куда он мог подеваться. Через какое-то время в новостях я увидел, что этого самого Макса обвиняют в отмывании денег и ищут его уже по всей России. Я немного успокоился, но подумал, что он уже далеко.

Ищет для себя уже новую жертву, чтобы разделаться с ней также непринудительно. Как он не так давно пытался сделать с Аллой, но ему не повезло. И это исчезновение видно бы его и спасло. А то, что я молчал, как партизан спасло конечно же меня самого. Ведь если бы я сказал

ему хоть что-то, то наверняка был бы убит им прямо возле Куйбышева. Такие бывают попутчики и странные типы. Которые даже в возрасте не могут уняться в жизни и не делать преступлений. Не выпивать кровь своих уже близких людей или тех, с кем они только что договорились. В такой тихой сказке мой голос немного погас и я решил выпить ещё водки. Теперь была чередА Артёма, чтобы рассказывать его байки из склепа. Или то, что сам он мог бы пройти на своём фантастическом пути один. В этой ситуации Артём даже смутился. Ведь после детективной любовной истории трудно было придумать нечто приятное сегодня для пограничника. Но я стал стараться и мой голос завёлся снова, чтобы утопить много слов на душе. Артём разговаривал очень смело и ему удавалось уже быть не мотыльком на ветру. Он хотел понять ту философию военного типа мышления, чтобы приобрести также в глазах Саши черты профессионала. И чтобы его голос звучал более уверенно я, то есть Артём, начал прояснять дилемму уже бы моей истории жизни.

Прошло двадцать минут и у меня пересохло в горле. А потом я внезапно услышал на улице шум. Как будто бы кто-то хрипит и стонет, но не кричит, а звук этот разносится на всю округу. Мы быстро побежали на улицу и увидели очень неприятное положение вещей. То есть на улице было всё хорошо и как обычно. Летний воздух пылал небольшой кромкой тепла, а зелень шевелила этот рай, чтобы плыть и завораживать человеческие глаза. Передо мной на земле лежал бы уже Олег. Он был весь в крови и немного ёрзал. Потому что в него попал дрон. Он не успел найти укрытие и теперь на нашей совести было ещё одно происшествие на границе. Поэтому я быстро попытался оказать ему первую помощь. Я сделал сам всё, что мог сделать в такой бы ситуации. Когда точно не знаешь в каком бы состоянии человек. На моих глазах Олег ожил и мы вызвали скорую помощь. Мне стало намного легче, чтобы проверить наш БПМ и сказать - всё ли нормально? Внутри было всё также, как до того момента, когда мы зашли в бункер.

Снаружи также всё выглядело вполне симпатичным. Видно атаку ударного дрона мы пересидели внутри бункера, но постоянно ждали, что дальше будет хуже. Денис сказал, что нам нужно подождать до утра и потом уже ехать дальше. Мы запустили разведывательный дрон «Орион» и он показал, что дальше довольно большое скопление людей. Мы стали приближать это цифровое изображение и увидели, что это местное село или может небольшой посёлок городского типа. А дальше нам нужно было бы приехать в город Снежное. Там мы могли встретиться уже с нашим военным командиром, точнее с Ильёй Сергеевичем Потёмкиным. Я ждал этой встречи с нетерпением, чтобы познакомиться с ним и узнать его получше. В моей голове проносилось много военных мыслей сегодня, но больше всего я опасался бы уже движения дронов в свою сторону. Когда не знаешь, какая программа вложена в их конструктор железной коробки и как она будет реагировать на твоё движение? Дроноведением я никогда особенно не занимался, но понимал, что встреча с местными жителями дальше по пути в город будет для нас неожиданностью. Может конечно мы весело проведём время, а может и найдём себе больших приключений на свою беду.

Теперь Артём не хотел просто слушать Игоря или притворяться, что слушает его с особенной осторожностью. Я не задавался перед ним, но и не придумывал отход от общей логики. Вот только тон и манера общения стали у нас какими-то разными. Видно в стрессовой ситуации я одел на себя одну социальную маску, а сам Игорь совершенно другую. Ведь у нас было три года разницы и мы не очень должны были бы отличаться друг от друга. Я хранил в своём сердце обычные воспоминания, а Игорь видно хотел чего-то более своеобразного на своём внутреннем разговоре с душой. Поэтому мы стали собираться в дорогу и уже с утра выбрались из этой пограничной зоны. С того края света, где нет ни одного выбранного для нас маршрута. И всё потому, что все эти географические маршруты заканчиваются прямо в бункере Саши. Я запомнил этого обаятельного военного и его чувство юмора. В его жизни видно происходило намного больше, чем сам он мог говорить, даже под водкой.

На этот раз Денис сел за руль, а Богдану мы дали немного времени, чтобы отдохнуть. От этой тяготы жизни, куда нельзя было просто так проскочить. Можно было только прыгнуть в это море уже бы местного областного чувства юмора. Ведь донецкое сильно отличалось от уже бы российского на той стороне. Поэтому я стоял на этой стороне, точнее сидел в БПМ и мечтал уже бы добраться до города. Вменяемой эта поездка конечно же не была, но временное отсутствие дронов на небе не могло меня сегодня не радовать. Я развернул наши дорожные карты и увидел, что ехать нам ещё прилично. Может два дня, а на пути по этому маршруту лежит какое-то местное село. Там видно и коровки есть местные и молочко вкусное, а может и ещё что-то необычное есть. Например шаверма в лаваше по-русски или сбитый пирог с яблоками. А может и молодое парное мясо, приготовленное уже бы в виде шашлыка. Я уже захотел чего-то домашнего из пищи. Потому что в дороге мы ели постоянно однообразную еду и хлеб, который нашли в том странном камазе.

На это у нас мозгов хватало и было совсем неумоготу понимать, что пока больше нам никто не поможет. Поэтому мы решили познакомиться с местными жителями и порасспрашивать их об ударных дронах или ещё какой-либо иностранной военной технике. Может, когда мы узнаем всё из первых уст, то будет более понятно, как живут и грезят местные жители. Ведь до города Снежное ещё далеко добираться, а предыдущую границу я не видел никогда такой бы простой. Потому что её в общем-то и нет. А есть только летающие дроны, чтобы разобщать людей вокруг и сеять небольшую, но матёрую панику. И такие бы панические атаки совершенно были не нужны, но вечная диверсионная деятельность продолжалась. Она состояла из разных военных. Они могли быть просто переодетыми или неузнаваемыми для обычных людей. Может одетыми как рабочие или простые гражданские люди. Но в их глазах точно можно было бы прочесть уже и злость. А может ярость на эту жизнь, чтобы не быть приземлёнными людьми. Потому что эти диверсанты хотели быть идеалистами. Они шли к своей мечте, но постоянно думали, что социально останутся незамеченными.

Так и я думал поначалу, но хранил внутри себя постоянно молчание. Чтобы не верить, что я могу вести свой мифологический разговор в душе и не понимать то, о чём я думаю сегодня. Ведь диверсий я никогда не делал и не мечтал осваивать такую криминальную деятельность. Когда страдают обычные мирные жители и не могут понять - кто их собственно наказал на войне? А на войне нет пока победителей и нет проигравших. Только совы стоят по кустам и смотрят. Как летают эти странные ударные дроны. Они рассекают площадь своего поражения так быстро, что ты можешь сразу их просто не заметить. Не понять, что твоё сознание уже остыло, но ты ждёшь, что где-то будет лучше и тебе. Я не знал, что буду говорить местным жителям или что буду у них спрашивать, но приготовился. Я взял с собой блокнот с ручкой, чтобы записать самые дерзкие факты, а потом сложить их в одну естественно военную картину. Если бы мне сказали, что эта картина будет обязательной к будущему, то я изучал бы её более подробно. Но сегодня даже самые закоренелые нацисты меняли постоянно свои планы и притворялись.

Они выжидали свою политическую цель более кропотливо и долго, нежели раньше. Видно у них мало что получалось, а тени за ними тянулись приличные. Поэтому обрезать или спутать эти тени становилось всё сложнее, а люди нервничали больше чем ранее. Я замечал, что мой потенциал военного мог бы раскрыться именно в разговорах с обычными людьми. В выяснении такой бы картины их местного мышления, чтобы ещё больше понять, какую роль я могу сыграть в их жизни? Где находится их суженная картина миропонимания, которую может нужно подучить до полноценной. И так подготовить бы их к войне с будущим врагом. Который не будет лстыть мирным жителям и не станет помогать там людям вовсе. Мы старались особенно не выделяться своими разговорами, когда бы сами подъехали на место. Наш разговор и выправка были вполне себе обычными. Я мило улыбался и давал там бабушкам немного интересных фактов. Чтобы убедить их, что скоро всё навсегда закончится. По этому ли факту

или по следующему в моих глазах проносилось очень много деревенских историй. Но больше всего мне запомнились истории про переодетых нацистов.

Местные жители рассказывали, что нацисты переодевались то в женщин, то в городских пижонов. И это было сразу после военной службы. Поэтому они выглядели очень нелепо или даже странно. Где любой неопытный сельчанин или горожанин местного разлива мог бы их легко прочитать. Понять, что в таком буклете нацистской логики не хватает нескольких букв. И эти буквы нужно поставить на слове «Русские». Потому что второй язык здесь был конечно же русский и его ментальность всегда быстро и безошибочно определяла кто есть кто? На моих глазах рассыпалось очень много мифологических фактов из новостей. А именно то, что мы постоянно читали в интернете с планшетов. Там было всё очень облагоустроено написано, но в реальности дела происходили совсем не так. Я искал объективные факты о войне внутри себя и совсем почти запутался. Как вдруг, мне попался один неплохой паренёк по имени Андрей. Он стал мне рассказывать о местных побоях военных и называл очень много имён.

Сам Андрей был родом из Донецка и мечтал бы уже переехать за границу. Точнее уехать жить в Европу или куда-то подальше, может в США. Эта мысль ему довольно нравилась и могла польстить многим бы на его месте из-за денег. Но с приходом постоянных иностранных военных, бьющих всё время его друзей за неподчинение - он решил подумать. А думать было ему совсем немного, потому что было на тот момент уже этому Андрею двадцать три года. Небольшое усилие он всё же сделать смог и в его голове возникла не такая добрая история. Поэтому он нашёл более верным - сегодня просто оставить всё как есть или уехать может жить обратно в Донецк. На том конце мира я понимал его конечно хорошо. А на этом конце я был просто Артём. Я не давал никому советов, но мы с Игорем постоянно запускали дроны. Мы хотели понять будут ли атаки сегодня или может на следующий день? Но пока что всё было спокойно.

Также как видно было спокойно всё и на границе с Россией, но ехать обратно нам было не нужно. Богдан же почти уже выздоровел и решил немного выпить вина. Он стал танцевать с местной дамой на уличной вечеринке, а мы стояли поодаль и смеялись над ним. Потому что ещё недавно он лежал в овраге такой замученный и гордый. Такой смертельно раненный заложник, но выживающий от своей помощи. И когда уже болезнь совсем отпустила, то мы увидели другого Богдана, более миловидного и хитрого. Чтобы развлекаться и ждать свою долгую дорогу в нашей войне, но уже не в одиночестве. А с местными дамочками, которые через каждое слово хихикают и ухмыляются, чтобы приблизить там шанс на ещё одни любовные отношения. Которые конечно же нам были нужны, но я не хотел при работе ещё и думать о любви. О женщинах, которые будут тебя любить в дороге и ждать что есть сил, что ты вернёшься.

Ведь меня ждала Варвара и хотела видно от меня детей. Она мне частенько снилась. А в самих снах рассказывала как живёт там одна в Шахтах. Эта давняя история была как будто бы сон и несла в моём уме много прошлых переживаний. И вот, теперь они все выбрались наружу и манят меня обратно, чтобы спросить, а что мне вообще нужно от жизни? Где я буду дальше жить или выживать, но найду там настоящее счастье? Видя сегодня танцующего Богдана мне стало намного легче на душе. Он улыбался вовсю и даже крепко и страстно поцеловал одну даму при всех. На такой бы ноте, да ещё немного веселья, но прошли уже почти целые сутки. Мы решили заночевать и понять куда нам лучше двигаться дальше. Дежурить остался Игорь и ему мы поручили смотреть нет ли поблизости дронов. Он был готов часов на семь посмотреть за нами, а потом бы уже и сам поспать. На таком сюжете милого часа дружбы я сам провалился в стиль уже военного облика странной красоты.

На этот раз это была восточная красота. Там было много женщин восточной наружности, похожих на индуистских женщин. Меня как будто бы заколдовали и прочитали надо мной сложное заклинание из будущей жизни. Чтобы потом я быстро кармически преобразовался

бы в другого военного. Того, которым я хотел бы стать в следующей жизни. Где я могу нести свою службу не так тяжело, но быть при этом честным с самим собой. Такое альтернативное служение где-то в другой кармической Вселенной. Куда я мог прийти также русским и испытать свою человеческую удачу. Может сегодня она меня не подвела, но завтра было бы обидно проснуться и ждать чего-то на свете плохого. Эти восточные женщины окружили меня так плавно, что унесли в крутое путешествие далеко за пределы самой Индии. Я лежал и просто улыбался во сне, чтобы не придумать себе новых приключений. Которые я смогу освоить уже бы в будущем и назвать там чашу горя не такой горькой, как есть наяву. Когда я проснулся, то не понял, что вообще произошло. Смена декораций прошла так незаметно и бойко, что расчитать такое совпадение мыслей было почти нереально.

Я стал ощупывать своё тело со страха и понял, что все ноги и руки целы. Потом я увидел двух спящих напарников и решил пойти на улицу посмотреть, что там происходит. Меня переполняло такое воодушевление после сна, что я немного раззадорился и думал кому-нибудь это рассказать. О том, что бывают путешествия в другие миры, а ты ведёшь свою альтернативную личную сказку в жизни. Где проживаешь не свою жизнь, а жизнь какого-то сказочного существа, похожего немного на человека. Поэтому в такой фэнтезийной обстановке мне было легко подняться и пойти на улицу покурить. Я вылез из БПМ и стал расправлять свои плечи. На одном таком моменте я увидел несколько человек, лежащих плашмя на земле. Я быстро подбежал к ним и попытался оказать первую помощь, но было уже поздно. Я понял, что они мертвы. Поэтому я вызвал по военной радиации спасателей, а потом через них уже бы и обычную скорую помощь. Ударных дронов нигде не было, но нужно было бы запечатлеть этот дрон через свидетелей. Чтобы понять, насколько мы опоздали в стремлении уничтожить ближайшую локацию нацистов около деревни.

Артём поменял свой комплект экипировки, точнее свою одежду и пошёл по домам в деревне, чтобы спросить, есть ещё пострадавшие? А потом я записал всё на диктофон и сопоставил факты. Оказалось, что когда мы только легли спать, то был произведён ещё один ударный маршрут для дрона. И люди, которые беззаботно стояли на земле около домов - теперь валялись мёртвые. Их тела меня настолько смутили, что я не сразу заметил отсутствие Игоря. Он словно бы пропал и меня посетила сразу мысль, что его также могло задеть дроном. Я быстро поел, взял АК-12 и пошёл искать Игоря по местному кладбищу. Сначала я решил обойти дома и поспрашивать жителей о случившемся. Но когда понял, что Игоря никто не видел, то со всей своей военной сноровкой я решил пойти в обход деревни. Туда, где не так часто ходят люди, но можно пройти бы уже и мне, как самому осторожному и незаметному путнику. Чтобы выяснить, что уже случилось этим днём? Точнее в то время, когда мы спали трое, а сам Игорь должен был бы нести военную вахту?

Глава 9: Снежное - это, когда можно не смеяться

В такой обстановке в глухой деревне не сразу можешь понять - куда вообще двигаться внутри такой вот логической загадки? Ты вроде всё видишь вокруг себя, но не можешь понять, что изменилось с твоего прошлого сна? Чего ещё не хватает на ощупь, если не сделать такой быстрый шаг на другую сторону моего сна? Ведь сам Игорь был меня немного постарше и я не мог понять, что его надоумило уйти? Может он просто познакомился с некоей дамой и пошёл к ней в дом? Тогда это было бы вполне себе замечательно. Ведь в такой ситуации сам Игорь спас себе жизнь. Ведь его могло убить дроном прямо на улице. Я не могу сказать, что у него была плохая сноровка. Но чтобы сбить дрон из собственного оружия или ещё каким-либо хитрым приспособлением - нужна была крайняя удача. Она сопутствовала далеко не всем, а я мог только догадываться, что ещё произойдёт за этот длинный день. Правда, когда я проснулся, то день уже близился к вечеру и мне было необходимо до темноты посмотреть всю деревню. Точнее просканировать каждый отдалённый её уголок на предмет уже бы тайной комнаты. В неё я хотел попасть как никогда свободно и охотно. Может для того, чтобы застигнуть врасплох там и самого Игоря. Ведь даже небольшая ситуация или конфуз были мне сегодня на руку.

С такой мыслью я пошёл вдоль деревенских домов. Артём почти дошёл до края деревни и увидел небольшое притаённое кладбище. Оно блестело немного в таких зелёных летних деревьях, что можно было не думать о плохом. Я увидел много старых могил и они показали мне всю символичность этого захолустного места. Как будто бы там была сосредоточена некая магия. А внутри самого кладбища она превращалась в потаённый символ русского благородства. И всё это можно было бы сложить на символический русский манер уже бы и моего нынешнего воображения. Которое воспалилось так отчётливо, что сам я стал чувствовать себя старым. Таким разбитым и неухоженным, что мне не хватало дамской руки. Такого бы тёплого прикосновения напротив целой жизненной свободы. Которую можно создать сегодня только в социальной семье. И в таком положении я прошёл всё кладбище и не нашёл там Игоря. Артём конечно не расстроился на этом и сам факт осознания, что он может быть потерян навсегда - почему-то укоренился в моей мужской голове.

Может я ожидал, что его взяли утром в заложники? А может мне казалось, что его свобода жизни принадлежит только мне одному. Ведь я чувствовал его постоянно на своём пути, но не мог отгадать этой тайны цифровой матрицы. А она сегодня была на редкость весёлая. Ведь переубивать стольких мирных жителей не смог пока ни один дрон. По одним только подсчётам их было двадцать человек, а может и больше, но этого я не узнал. На моём лице отразилась готическая гримаса, которая говорила мне, что русское солнце всё ещё светит. И оно светит не только мне, но и преступным нацистам. А они ничего вообще не говорят. Только бьют исподтишка и нагло наблюдают своими глазёнками. Где в каждой расщелине мысли ты не видишь своего приёма для души. Я как раз хотел обдумать такой бы великий приём, но тут увидел странное явление на кладбище. Впереди метров около двадцати возвышалось что-то белое и очень плотное.

Оно двигалось туда-сюда между могилами и звало меня прилечь отдохнуть. Чтобы и сам Артём смог себе приготовить ту старую оскомину любви, где-то неподалёку в тихом кладбищенском раю. Я удивился, что слышу этот роковой зов и вижу его, как настоящий военный. И это был сигнал сегодня к действию. Я подошёл ещё поближе и направил на него свой АК-12. Чтобы такая бы фигуральная мысль не застряла у меня в плотности моего повреждённого мозга. Я видно его давно повредил, но боюсь сам себе объяснить этот факт. Я встал и стал стрелять в этого белого призрака. И так мне стало намного легче и ярче: смотреть и лавировать между старых серых могил. Листва немного зашелестела, а я стал уже подумывать, что при-

зрак этот - неуловимый мститель. Он специально создан для меня, чтобы мучить мою давно прогнившую душу. Тут, с моего сознания что-то тёплое и очень тяжёлое сошло, а призрак этот пропал навсегда. Я хотел конечно ещё немного пострелять, но видно это было уже лишнее. Поэтому, не найдя сегодня Игоря Артём решил пойти обратно в деревню.

Как, вдруг, он увидел над собой одно летающее нечто. Оно ворвалось в его жизнь так быстро, что можно было бы уже не прогадать. Что это и есть те самые иностранные дроны, которые виляют и делают стиль твоей жизни - просто невыносимым. Я быстро, за долю секунды прицелился и выстрел в него. Он немного покосился на меня своими маленькими глазками, точнее его механической системой нелюбви. А потом отлетел немного поодаль. Тогда Артём ещё раз прицелился своим оружием, но уже подальше и выстрелил ему напоследок. Да так выстрелил, что вся эта учётная механическая грязь рухнула в свой чёрный квадрат. А именно, туда, где ему нет уже никакого места жить или выживать. Так я увидел, что эта иностранная игрушка вполне себе сбиваема. И по этому поводу мне стало очень интересно, где же всё таки находится напарник Игорь? Может он последовал за таким вот прибором механического видения и стал его устранять, и поэтому он отошёл на много километров и теперь возвращается обратно?

Но я спал довольно долго и этому факту не было должного подтверждения. Тогда Артём побрёл обратно к своей военной машине и стал думать, что ему делать дальше? Ведь без Игоря было совсем скучно. Он ведь всех забавлял своими анекдотами и постоянно подтрунивал над нами. А теперь мы должны будем отбиваться только втроём. Поэтому я решил дать сигнал Илье Сергеевичу и рассказать ему об этой непонятной ситуации. Сам же командир сказал мне, чтобы я не расстраивался. Ведь на войне может произойти всё, что угодно. А судьбе не будет угодно держать меня долго в дураках, если я буду постоянно развиваться в своём профессионализме. Поэтому я решил узнать у командира, как дела на дальних рубежах? И после нашего разговора Артём совсем расстроился. Потому что дальше было больше летающих дронов. И все они летели постоянно чередой, направленной через населённые пункты. Чтобы нанести как можно больший вред местному населению. Тому, который мирно пасёт коров и разводит домашний скот. Тому, который ведёт обычную сельскую жизнь, потому что это основной метод выживания в данной области. Я не говорю про небольшие города, а только про захолустные деревни. И мне на этот счёт даже очень противно.

У Артёма сложилось такое впечатление, что никому больше уже ничего не нужно. А только он сам должен проходить эту войну сквозь мыслимые и немыслимые барьеры. Где я могу видеть призрачную преграду или ту, которая скрыта вообще от человека. Может это видение и было тем даром небес, но на войне мне показалось, что такие глаза должны быть у всех людей. У моих напарников и внутри их неувыдающего ужаса, чтобы не забывать об истине на войне. Я шёл и сигналил уже бы в своё военное будущее. А сам Илья Сергеевич говорил мне, что подготовил серьёзный план. Как нам лучше будет передвигаться по полям и видеть уже бы мины или другие угрозы на пути. А на самом Игоре был конечно же сигнальный маяк, но найти по этому прибору его не удалось. Маячок ничего не сигналил и я сказал командиру, что наверное тот уже мёртв. Так мы договорились держать связь и быть на той внутренней важности между людьми. Где нельзя просто так сказать - кто останется из нас в живых? А кто выйдет уже к победе и вернётся обратно целым?

Артём нисколько не расстраивался, но надеялся, что сам Игорь не попал в плен. На этот случай у меня был другой хитрый план. И я мог его быстро привести сегодня в действие. Когда я подошёл к нашему БПМ, то почувствовал что-то неладное. Я залез внутрь и увидел там опечаленных Дениса и Богдана. Они уже обыскали всё вокруг и думали, что пропали мы двое. Но я сказал им, что пропал только один Игорь. Он ушёл было в своей обычной экипировке и с оружием, полностью готовый к бою. Видно этот самый бой у него состоялся. Только вот не понятно - с кем он был на сегодня? Может с каким-то мифологическим чудовищем? А

может и с дроном, который его уложил на тот свет? Мы решили запустить дрон «Сириус» и поискать нашего напарника. Пока мы смотрели на экран передающий изображение с нашего дрона - нам стало страшно. Потому что наш прибор нашёл ещё очень много подобных ударных иностранных дронов и все они приближались опять к нашему месту стоянки.

Поэтому я быстро приказал собраться и подготовиться к бою с БПЛА. Людей же мы предупредили заранее. Тех, которые были поблизости. Путём небольшой человеческой переключки и такого бы устного манёвра между речью и сигналом тревоги. Я взял большой военный рупор и быстро всех людей предупредил. А уже через минуту на улице никого не осталось. В такой ситуации стало нагнетаться опять какое-то чёрное облако смерти. Оно подгоняло меня туда-сюда и прижималось к внутренней груди. А Артём пытался при этом не сойти с ума от напряжения и ожидания уже бы налёта очередных БПЛА. К нашей военной радости их было столько, что они могли убить целое войско. Мы прятались в специально заготовленной преграде и били по цели исподтишка. Так мы нащёлкали их больше сотни, а все остальные дроны сбивали бы уже такими же приборами, то есть нашими дронами. Потому их удалённость от земли не давала нам возможности бить дальше. Мы просто держались вместе и это была наша первая победа. Конечно над смертью и над серией дронов.

Когда бы и сами мы стали, как дроноведа и опытные маститые военные, которым всё по плечу. Только вот сам Игорь мог попасть в такую ловушку. Где его смело большим количеством этих механических электронных убийц. Я почти не сомневался в такой версии. Поэтому притворился перед другими, что нисколько не нервничаю. В моей голове только было некоторое изумление. В котором могли храниться странные до боли мечты. Это были мечты обычного мальчишки, который только что закончил школу. И в моём сознании это было самое лучшее, что я когда-либо делал. Так я хотел себя немного успокоить, но нервная рука Дениса вдруг легла на моё мужское плечо. Он пытался меня подбодрить и понять, что мы будем делать дальше? Я сказал, что подал сигнал командиру и наши действия теперь будут более точными. Потому что мы вошли в другой регион и действовать придётся более слаженно. Не так раскованно и граждански свободно, но при помощи группового сдерживания нацистской твари.

Через меня протекли суммарно большие токи идей. А сам Артём стал чувствовать себя более ответственно перед смертью. Мы быстро вернулись уже бы к нашему БПМ. Потом, через полчаса, поняв, что атака совсем закончилась - посигналили уже и другим мирным жителям. Денис сказал, что мы молодцы и наша идея должна будет идти впереди нас. Но что мы будем делать, если найдём теперь настоящих нацистов? Придётся взять их в плен и понимающим голосом отправить не в ад конечно, а к нашему командиру. Прямоком через отряд десанта и внутри такого бы равносостороннего треугольника внутренней радости и любви. А любил я не только своих врагов, но и то чувство, которое можно испытывать от избавления от противника. Ведь они не могли показать сегодня свою полноценную силу в бою, но несли на плечах осколки бы советской мудрости. Точнее они пользовались даже советским оружием, оставшимся на складах старых европейских запасов оружия. Этот факт меня очень нервировал, как и переодевание самих нацистов в другую экипировку.

На моей совести было много возможностей не прийти к общему решению в нашей команде. Но в этот раз все решения стали очень последовательными и жизненно оправданными. Как будто бы какая-то рука могла вести нас по минному полю уже этой страшной войны. Где нет ни одного тайного места с одной стороны, но нет и подсказки или военной зацепки с другой стороны. А ты стоишь, как тополь и смотришь на свою отражённую солнечную тень. Чтобы и твой враг мог её сегодня обособленно увидеть. Я не сомневался, что враг увидит не только мою тень, но и моего летящего дрона. Поэтому мы стали запускать дроны на разведку территории постоянно, примерно раз в пять часов. Нам хватало понять, что вокруг нет никакой опасности - всего минут двадцать. И к этому мы быстро привыкли. Поэтому, когда всё было сделано, то мы сами отправились дальше по дороге в город Снежное. Это был небольшой

городок, который нам нужно было исследовать на наличие врагов. Поэтому мы должны были зайти в город уже бы сами. Но не на БПМ, а на обычном джипе, который нам выдали бы в военной части.

В связи с этим с местным командиром нам пришлось бы ещё немного обсудить этот факт. Но крутых парней мы строить умели. Поэтому у нас была с собой одежда, чтобы переодеться в гражданское. Я стоял и курил на очередной небольшой остановке по пути в город Снежное и думал всё, чего же я хочу? Может больше всего на свете, чтобы понять этот мраморный фон души? Я видел его постоянно на кладбище или внутри людей. Наверно это был завуалированный русский патриотизм. Тот, к которому нельзя прийти сразу, но можно интуитивно его понять. Где навстречу тебе не выйдет твой враг, а будет это только избалованный жизнью человек. Такой, которому всё даётся просто так, чтобы не звать никогда на подмогу. Ведь прибегать к помощи других - это же слабость? Или я чего-то не понимаю в своей жизни? Так я рассуждал насчёт моего внутреннего поведения, когда ко мне подошёл Богдан. Он сказал, что ему сегодня снился Игорь и говорил, что ему очень плохо. Богдан подумал, что он наверно жив, и где-то находится в неблагоприятных условиях.

В моих глазах промелькнула идея, что это не последняя весточка от него. Что мы сможем в будущем что-то узнать более конкретное, что станет уже бы идейным концом. Артём не хотел предугадывать этот конец, но дышал уже бы в свободное поле живых. Тех кому посчастливилось выжить или увидеть конец этого стиля военного лета. Мы проехали довольно много времени по пересечённой местности, но не видели вокруг почти никакой опасности. Расслабляться нам совсем не хотелось. Потому что в такой обстановке нас могли очень быстро подловить. Уже ближе к вечеру второго дня в начале июня мы наткнулись на небольшое ровное и зелёное поле. Оно показалось нам слишком загадочным. Потому что оно было как будто бы на картинке из заставки самой известной компьютерной системы в мире людей. Такое выстриженное и гладкое, как будто бы за ним специально кто-то ухаживал. И это было в какой-то глуши, где рядом не было ни одной деревни для выпаса домашнего скота или прочих сельских работ. Я спросил Богдана - поедem ли мы по этому полю? А он просто пожал плечами и сказал, что может нужно поехать, но как-то слишком заманчиво. Вдруг нас настигнут БПЛА прямо в таком бы идейном и открытом месте? Поэтому мы решили поехать в объезд и увидели очень странную картину.

К моим глазам предстало некое сооружение чести и правила личности настоящего нациста. Когда я мельком глаза повернул голову направо и увидел на поле очень странный предмет. Я взял быстро свой бинокль и присмотрелся. Там был иностранный БПЛА, который был очень хорошо спрятан в зелёной траве. Только эта трава была не такая бы коротко стриженная, а я был очень глазастым на сей счёт. Поэтому уже через две секунды я увидел ещё несколько таких же предметов. А потом мы поняли, что на этом поле или минная засада, или приготовленная ловушка из БПЛА. Когда там проезжают военные, то они сразу начинают атаку и водят за нос уже не военных, а их испуганные глаза. Мы решили прибавить скорости и побыстрее проехать этот отрезок пути. А дальше начинался уже лес и более подходящая обстановка для езды. Я думал, что может на этот раз мы военно отделались, но внутри что-то сверлило не по-детски. И вот, когда мы въехали в этот зелёный и немного дремучий лес, то увидели странное нечто сзади.

Это нечто стало направляться прямо на нас. Видно кто-то уже нас заметил и направил бы уже беспилотники следом. Чтобы задать ещё одну уничтожающую природу на этом свете. Минного поля конечно я не боялся, а на дороге видных мин также не приметил. Мы достали военный пулемёт из БПМ и стали отстреливаться от этих назойливых БПЛА. Они как мухи пытались нас обстрелять, но бронированная машина не дала им этого сделать. В такой ситуации можно было бы просто сбивать их постоянно на ходу. Пока мы ехали через лес, а эти маленькие зверьки преследовали нас на расстоянии уже бы считанных десятков метров. Артёму нужно

было сверить карту, и когда я достал её и начал рассматривать, то Денис закричал. Он кричал от страха, как будто бы увидел какое-то чудовище в лесу, которое может его переманить на свою сторону. А может убить прямо в военной машине, если заберётся туда целиком с хвостом. А насчёт хвоста, то сегодня был очень весёлый день. Прямо за нами ехали некие бронетранспортёры и в них уже сидели заряженные нацисты. Видно именно они патрулировали местное поле и сидели теперь бы уже в засаде. Наверно, где-то между лесом и полем в каком-нибудь овраге или низменности.

По такому поводу мне хотелось всё побросать и карту также. Я сдержался и стал руководить операцией более слаженно. Чтобы никто из моих напарников не пострадал. Мы сбили несколько бронетранспортёров прямо на ходу. Кинули пару мин им в отместку назад. Туда, где они едут и не могут сделать плавный бы манёвр на дороге. Чтобы оттуда увильнуть от находящейся мины. Нам стало везти как утопленникам и внутри всё бурлило и переливалось некоей военной красотой. На моей голове скопилось сотни проблем, которые я хотел быстро разрешить. И все они были очень притягательно военными. Поэтому мы закидали минами этих нацистов ещё немного и выдох пошёл сам собой. Несколько машин остановилось и они решили нас больше не преследовать. Хотя, немного попозже Богдан предложил догнать их и взять в плен этих людей. Ему хотелось устроить допрос с признанием, где находится их главарь? Который отвечает за данную территорию и сидит в очередном окопе мудрости неподалёку. Так я увидел в глазах Богдана невероятный военный азарт. Я стал его хвалить, но внутри притворился, что всё вижу.

Что Артём сегодня видит всю настоящую ситуацию войны, а также и будущий город Снежное. Нам оставалось ехать ещё полдня и мы решили проверить территорию на наличие вражеского БПЛА. Потом мы устроили остановку и стали обсуждать этот трудный день. Он был по-настоящему трудным и наверно измеренным уже бы в километрах военной мудрости. Где моя сноровка и стиль поведения сделали всё как нужно. В разговоре с напарниками мы решили больше обращать внимание на тонкости и внешний характер местности. Чтобы видеть, где может сидеть нацист, а где ему было бы совсем неудобно. Так я пытался создать ситуацию, при которой активизируется наша военная смекалка и мы станем при этом более незаметными. Например, возьмём бесшумный специальный автомат и найдём в лесу все логова нацистов. Чтобы не думать больше, что они все ушли из этих мест и нам ничего уже не грозит. На подъезде к самому городу мне захотелось вздремнуть. То ли от такой напряжённой поездки, а может от того, что мне нужно было просто поспать. Я оставил Дениса следить за всем, что происходит вокруг и просто провалился в себя.

Я не помню, как это было вообще внутри меня, но время стало идти неравномерно. Я почти что забыл ту ситуацию со старым домом около города Шахты. Но видно моя голова её совсем не забыла. Артём стал чувствовать некое притяжение к этому месту обратно. Как будто бы во сне оно само тащило его обратно и не давало уснуть. И это в самом бы моём идейном и милом сне! Я стал сам себе улыбаться и верить, что может жизнь - это вообще сон? И он скоро пройдёт, чтобы не думать ложных сожалений о прошлом или о будущем. Артём не был сильным идеалистом, но хотел сегодня притвориться таким перед товарищами. Я остался там внутри своей мужской скорлупы, чтобы никто туда кроме меня пролезть не мог. Так я считал каждый шаг своих врагов и не верил, что буду полезным для себя самого. Только сама жизнь будет полезна для моего уха и глаза, где ты встроен в эту сумасшедшую матрицу. Но там нет круговорота сильных и слабых идей. Ты сам создаёшь их сегодня и крутишь на своём военном воображении, где сливаешься между конформной повседневности.

В моём сне я казался сам себе очень умным. Я шёл по своей родной дороге по городу, где родился и жил в прошлом. В этих местах нельзя было вести себя маргинально, но можно было видеть другой свет. И он проникал в меня постоянно и устраивал мне космическую матрицу справедливости. Будто я могу вернуть оттуда уже всех своих умерших друзей. А они не буду

помнить об этом факте вовсе. Но ведь сам я также переместился на три месяца позднее? И уже там на своём повороте мудрости я вижу, что это старое место зовёт меня подумать о личном. Я кружился довольно долго в своих воспоминаниях о прошлой жизни и спал, как никто другой. А эта картина сидящих нас и думающих о своей военной миссии ещё в феврале достала до моего мозга. Она осталась там навсегда как отпечаток последней мудрости перед смертью. Или тем несовершенством жизни, которое нам нужно будет пройти в будущем.

Если мы конечно ещё хоть раз встретимся там на перепутье двух миров или выгнем опять эту военную матрицу. В такую сплошную линию, которая будет всегда казаться правильной прямой. Когда ты можешь идти по ней и уже не думать о том, что тебя поджидает на свете? Лично или обоюдно в команде, а может как уже непрощенный гость, который стремится понять свою жизнь сначала? Просто прочитать мудрость этой жизни и принять её оборотную сторону, если конечно она понятна для человека. Поэтому на подъезде к городу Снежное меня накрыло бы уже таким глубоким сном, что даже лежать стало трудно. Когда я попал в крошечную темноту и мозг уже не выдавал почти никакого там сигнала. Денис опять закричал, что впереди похоже сидит отряд нацистов. Я вскочил и быстро взял в руки АК-12. Артём стал думать, что ему делать так мгновенно, чтобы он превратился просто в суперкомпьютер. В такой сильной ситуации, меняя доводы один за одним я включил свою интуицию на полную. Потом я взял карты и сравнил наше местонахождение. Мы были почти что у самого города Снежное.

Я сказал Денису, что это могут быть и наши военные. Потому что машины уж очень похожи на наши. Но внушению сам я не поддавался, поэтому прицелился в бинокль и навёл уже бы свой прицел. Чтобы в один прекрасный момент вылезти и уже по полной дать этим подонкам ответ. Ещё немного, переехав некоторую сбитую дорогу на пути, мы выехали к просёлочной дороге. Она была из песка и щебня, что затрудняло движение. А на ту самую дорогу вышли некие ребята с российским флагом. Они сказали, что также прибыли на СВО, чтобы защищать Родину. Мы конечно им не поверили, но Денис, как самый смелый решил вылезти первым. Он подошёл к ближайшему военному и взял его документы. Они оказались российскими, а мы стали постоянно странно переглядываться. И чтобы не рисковать мы решили проехать за этой колонной БПМ уже до самого города Снежное. А потом посмотреть, как будут эти военные себя вести? Поэтому Денис залез обратно в БПМ и мы решили выполнить наш военный план.

Когда уже появился постовой у границы с нужной нам военной частью, то мы вроде выдохнули. Нам стало казаться, что нас снимают скрытой камерой, а после раскрытия у нас не будет ни единого шанса выжить. Но в этом городе Снежное можно было бы вообще не смеяться. Такое было серьёзное и пафосное место. Как будто бы каменный приют из серого бетона и маски твоего последнего несчастья. А за ним начиналась бы настоящая смерть, которая несказанно тебя радуется и больше не будет никогда останавливаться на пути. Я конечно не был ещё генералом, но всю мог бы предугадать прохождение нашей миссии дальше по городу. Мы подъехали на БПМ к постовому и Денис опять вылез из машины. Он был настолько сегодня энергичным, что можно было бы его похвалить. За такую самоотверженность и храбрость, что русский дух в его груди ходит, не заливаясь уже бы половинной ценой. Когда и рисковать то не хочется, а ты делаешь всё из принуждения.

Постовой представился как Дмитрий и мы познакомились поближе. В ходе разговора он сказал, что это наши участники СВО и можно не бояться их совсем. Ведь здесь постоянно проездом проходит много военных бригад и все они действуют по разным планам. Которые им придумывают их командиры, а может и сами военные. Он предложил показать нам наши документы и был предельно вежлив. Мы даже удивились, а Богдан сказал, что местная этика даже помягче, чем за границей. Хотя люди такие же, хоть и говорят с небольшим акцентом. Это придаёт им небольшой колорит и особенность для местной среды. Мне хотелось просто отдохнуть от прошлой перестрелки и я стал думать о том, где бы поспать? Пока я думал об этом - нас уже пропустили в пригород в военную часть. Мы подъехали к большому серому зданию.

Оно возвышалось перед другими небольшими зданиями и могло говорить о том, что здесь живут военные начальники. Если конечно они есть в здешних местах или могут проявиться в ближайшее время. Так на меня нашло некое сатирическое состояние, которое видно было уже от усталости.

Мы вошли вовнутрь и там уже познакомились с местным командиром. Это был невысокий коренастый человек. Родом он был из Одессы, а звали его Константин Ростиславович Перепелко. Он стал улыбаться и спрашивать нас, как всё же обстоят дела на дороге? Как мы добрались и чего новенького повстречали? В разговоре мы выяснили, что в небольших городках прячутся постоянно переодетые нацисты и пугают местных жителей. Они выглядят так натурально, что их почти не отличить от местных людей. А попадают они постоянно на пенсионеров и детей, поэтому жертв становится довольно много. Работающие же граждане с машиной более защищённые, но также могут быть ограблены или подорваны из мести. В такой хитрой ситуации мне было нужно разобраться более подробно. Поэтому я начал придумывать свой городской план на тему разведывательной деятельности. А именно на тему того, что мы будем делать, чтобы поймать этих нацистских подонков?

Сегодня я был уже не в форме и пошёл в местную казарму, чтобы поспать. Последнее, что я помню было то событие, в котором какая-то милая дама предложила мне ужин. Но Артём отказался и мы все отошли мерно ко сну. Не знаю сколько мы проспали на этом новом месте, но выпались изрядно. Город Снежное встретил нас своим гостеприимством как-то странно. С одной стороны мы могли сразу переодеться и начать нашу гражданскую миссию. Но теперь Артём решил немного порасспрашивать о здешних проблемах поподробнее. Не из-за того, что сам я чего-то очень боялся. Я сам стал думать более дедуктивно и слаженно. Видно получил новый опыт, которого ещё не было, а была только странно текущая война. Она заполняла меня до краёв, но не кровью, а каким-то смещением страха и мудрости. В такой бы консистенции, где ты не знаешь, что сегодня возьмёт над тобой верх. Поэтому я решил разрушать эти задачи при помощи русской логики. Когда нет ни одной нужной мне зацепки, но есть сигнал к действию и маска, которую я одену на лицо. Например, стану сегодня видным донецким предпринимателем и буду расспрашивать местное население о тонкостях работы в строительной сфере.

Или может стану на какое-то время маркетологом и обниму вокруг себя тонны коммерческой предупредительности в душе. Когда ты видишь какой сегодня бизнес может выстрелить на славу, а какой точно не будет в ходу у местных людей. Так, выпавшись с утра мы решили пройтись немного по городу Снежное и присмотреться к местной обстановке. Сначала мы зашли в местное кафе и там посидели. Потом ещё посмотрели несколько примечательных заведений разного стиля профессиональной ориентации. В моей голове всё было тихо и спокойно, но сегодня я решил дождаться позднего вечера и уже там, взяв с собой пистолет - посмотреть на маску этого города с другой стороны. Не будь я таким умником - не учинил бы себе опять приключение на славу. Мы сидели в каком-то местном кафе и тут, к нам подсели несколько мадам. Все они были чересчур красивыми, а может не из этих мест. Артём сказал, что будет очень благодарен дамам, если они не будут мешать нашей мужской компании. И в этот самый момент в кафе зашли ещё двое.

Они вели себя очень подозрительно. Дамы стали отшучиваться и отсели в сторону от нас прямо к окну. Может они сделали это не специально, но вид у них был немного обиженным. Я сидел с брутальным лицом такого бы местного мажора и думал, что же произойдёт? Пока ничего не начиналось и мы выжидали, травя там анекдоты друг другу. Так можно было бы просидеть большое количество времени, и вдруг, один из этих странных парней, стоя около стойки ресепшн вынул свою небольшую чёрную пушку и стал угрожать посетителям. Он свёл всё к тому, что тут эти двое самые главные, а остальные должны подчиняться уже бы приказам его самого. Он ведь не сказал ничего конкретного и я сразу его сбоку взял и подстрелил. А прикрывал меня Денис и подстрелил уже бы и второго его друга, что было необычайно быстро

и красиво. В чём нельзя никак усомниться или думать. Мы конечно не согласовали, что будем этих двоих убивать, поэтому мы их просто связали и взяли в плен. Это первый наш опыт военного плена, чтобы учиться этому занятию и дальше.

Я никак не мог понять, что этих парней внезапно побудило начать угрожать посетителям. Ведь они были обычно одеты и не выглядели сначала как преступники? На моих глазах состоялась такая бы городская может трагедия положений. Но теперь Артём был в лучшей своей военной форме, хоть сам в ней и не сидел. Мы быстро вышли из кафе с этими двумя парнями. На вид они были как мы: молодые и очень энергичные, но теперь вовсе не пытались вырваться из рук. Мы прошли среди глазающих людей и быстро скрылись из вида на джипе. Когда уже мы подъехали к военной части, то нам было интересно, чем закончится вся эта история? Нас встретил Константин Ростиславович и с очень удивлёнными глазами спросил, что же мы такого придумали? В первый день и сразу поймали нацистов? Это видно была наша военная удача, к которой нужно было бы в душе приспособиться и ждать. А ждать оставалось совсем недолго, и чтобы скрасить новый день на новом месте мы с этими парнями также пообщались.

В городе Снежное эти парни были не очень давно и приехали оттуда из Донецка. Они пытались здесь создать очередную военную базу и развлекались видно по полной. В этот раз мы нашли выход ещё более идейный и не стали их долго мучить, но всё же выяснили некоторые подробности. А точнее мы узнали какое они оружие используют и ещё несколько нужных нам логических тайн. В такой обстановке можно было и расслабиться, но этих парней мы передали в руки профессионалов. Они уже с ними более подробно должны были поработать и узнать всю подноготную военной тайны противника. Если этим ребятам вообще что-то было известно дорогое и общественно полезное. На следующий день мы уже проложили наш маршрут более хитрым образом. Мы внедрились в обычную жизнь горожан и посетили там разные городские места. И всюду за нами было такое ощущение, что идёт непрерывное и еле заметное слежение. Если можно так выразиться - мы уставились друг на друга и дали понять этому миру, что не сдадимся просто так.

Чтобы можно было провести в этом городе неделю, а потом поехать уже бы в следующий город. Нам казалось всё это в новинку, ведь воевать на пересечённой местности - это одна задача. А быть в городе и работать там - совершенно другое дело. Мой интеллигентный вид был бы не как у военной пехоты, а как у самого настоящего джентльмена. Когда сегодня я заходил в разные места и улавливал грустные глаза местных девушек. Они видно были также несчастны в своей душе, но не подавали никакого вида. А только один Артём мог понять этот трезвый и сильный факт. Где бы сам я был очень проницательным человеком. Когда уже в городе Снежное можно совсем не смеяться. Только играть на поводу у своих эмоций и ждать, что жизнь тебе покажет другое поле личного интереса. Оно было сегодня на войне и несло во мне причину быть полностью самостоятельным. Когда бы даже матрица расстояния до смерти не могла бы меня привести туда и закопать. Может в могилу, а может и в такой ящик Пандоры, где внутренняя месть сможет меня в будущем разбудить. И я восстану в своих глазах из такого загробного мира, что тянет уже других людей просто сдаться.

На этой ли войне или уже на следующей, но чтобы быть в себе уверенным человеком. И таким человеком были и мои напарники. Сегодня мы начали уже придумывать шпионские триллеры с выходом из местного морга или ещё всякие разные ужастики из девяностых. Когда ты не знаешь чем начнётся этот день, а в самом его конце будет видно уже не твои глаза. А может глаза и улыбку некоего монстра или зомби, на что рассчитывают все окружающие люди. Которые в самом городе следят за тобой каждый день и мучают тебя подозрительной улыбкой. При прохождении которой ты можешь застыть словно статуя, но только лишь проглотишь своё слово, то в мире станет уже идейно легче. Ты видишь этот зомби город, а твоя миссия становится всё сложнее и сложнее. Чтобы на выходе уже покрыться бы особенной зелёной чешуёй. Я так и думал, но мечтал, что на этот раз мы выловим большинство. Таких вот нацистских рыбок

из личного аквариума смерти, где расставляют клетку не только моему мозгу. А уже мозгу общественных интересов людей. Поэтому мы не верили ни одному чужому слову, а постоянно проверяли каждый факт.

Мне шло быть городским пижоном и я так влился в эту роль, что выйти было трудновато. За прошедшую неделю мы подловили ещё двоих рыбок, но они быстро сдались и позволили себя скрутить. На этом месте можно было бы остановиться, но сам Артём о таком даже и не думал. Я хотел поскорее закончить эту миссию и уже принять облик военного в своей привычной экипировке. Потому что она мне больше нравилась и шла видно также мне более хорошо и слаженно. Где нет ни одного идейного выхода для вражеского взгляда, чем просто посмотреть на меня через дроноподобный стиль мира. Где я найду глаза своего преследователя и врага довольно быстро и без особенной военной магии увижу его на самом таком славном обороте души. В самой сердцевине рассказа о жизни простых людей. Когда этот самый иностранный военный просто начнёт ошибаться. И не будет верить уже бы ни в какие чудеса и ни в какую философию фашизма. Ведь это детское поле предрассудков для моего опытного сознания. И в этом дне так будет постоянно, пока мы идём по дороге борьбы и не вглядываемся в приличие уже бы нравственной оболочки людей.

Глава 10: Шахтерск как зубр между брёвен души

Когда прошла трудная неделя в городе Снежное и уже хотела наступить следующая, то мы решили поехать в следующий город. Точнее в то место, где будет для нас более слаженная обстановка и сильный дух, в котором можно не тонуть. Я не чувствовал его сегодня, так как мой военный дух был вполне себе силён. И следующим городом по плану был Шахтерск. Это был небольшой городок в Донецкой области и мы должны были его проехать мимо основной трассы. Заезжать туда было не обязательно, но нужно было посетить военную часть около Шахтерска. На этот раз нам больше чем раньше повезло. Константин Ростиславович был не злым и быстро нам объяснил всё необходимое. Чтобы потом мы и сами смогли бы объяснить другому военному начальству, что вообще происходит на этой земле. А ехать нам нужно было опять по пересечённой местности. И так добираться постоянно из города в город, объезжая здесь почти всю территорию и славя свою Родину, как единственную в мире. В моих глазах пронеслась Родина ещё раз и я понял, что нам пора бы уже уезжать. Я собрался в дорогу и пошёл за Денисом. А он стоял на улице и как-то неожиданно копошился около нашей БПМ.

Тогда я спросил Дениса, готов ли он к отправлению в следующий город? Но при этом сам немного засмутился. Ведь сам Денис был какой-то неопрятный, как будто бы после долгой гулянки навеселе. Вид у него и глаза казались мне странно заплывшими и я спросил его - не болеет ли он? На что сам Денис сказал, что болеет, но вот только чем болеет - не мог до конца понять. У него была постоянная слабость и дрожь в руках, а иногда он от бессилия даже стоять на ногах не мог. Просто лежал и пытался выспаться, как раненый боец, которому нужно прийти в форму. Я конечно же был в хорошей форме, вот только переживал, что Игоря с нами так и нет. Может он застрял позади нас и теперь попросту не может добраться? Но это было только лишь предположение, а не сам факт, выгнутый на том поле неправды в мозгу. На этом же поле был только город Снежное и куча различных маргиналов. Которые не плюют тебе конечно в лицо, но иногда ведут себя как настоящее быдло. Я пытался добиться от них разговорного ответа, но всегда получал только гадости.

И в такой обстановке мне уже совсем не хотелось быть покорным и может даже послушным, а внезапно просто устроить бунт. На том корабле, где мы проплывали море этого фетиша службы. Я его видел издали, но казался всегда другим людям очень поглощённым в работу. Эта работа не могла ничем заменить моё мужское одиночество, но когда я раскрывал там карты друзьям, то всё менялось. И теперь я видел опять Игоря здоровым и весёлым, но где-то в отдалении уже бы моей форменной фантазии. А в реальности мы были только втроём и мне приходилось делать много механической работы на БПМ. От такой работы не было особенной пользы, только вечная перестраховка и путь уже бы осознанного гения в голове. Когда аналитически ты себя утверждаешь на примере уже бы идеальных людей, но когда видишь их, то сам почему-то разочаровываешься. Эти люди были конечно верховные главнокомандующие, но во мне тяготело поле из старых интересов среди друзей. Там, где я жил в городе Шахты и по мне летела одна и та же идеология трудной работы, например, работы рудокопа. Я бы тоже хотел добывать в шахтах полезные ископаемые, но внутри у меня горел пожар почище этой знойной работы между глаз других людей.

Где ты сам как человек не можешь себе признаться в чём-то важном, но ждёшь, что твои глаза станут сегодня сакраментально серыми. Ты будешь искать там и глаза своего напарника, чтобы объяснить ему как нужно правильно жить на нашей Земле. А эта правильность не выше и не ниже тебя, а только личная военная сила или харизма, от которой можно даже побледнеть. Я уже был готов к отъезду в город Шахтерск, когда стал искать Богдана в военной части. Он вечно где-то прохлаждался и крутил с дамами свободные разговоры. А после напивался водки

и наутро у него очень сильно болела голова. Он так причитал, что женщины к нему жестоки, что я хотел спросить, а в чём же нынче жестокость у дам? И тогда бедный Богдан поднимал свои глаза и говорил, что жестокость дам именно в том, что они не дают ему насладиться сегодня любовью на личной встрече. Тут, я стал припоминать, что сам Богдан был ещё недавно довольно целомудренным мужчиной. И что же случилось за такой небольшой отрезок времени, где даже я не заметил бы шероховатых и сильных изменений?

На что Богдан не стал даже оправдываться, а прижал свой дорогой медальон к груди и сказал, что нынче ему никто внутри и социально в личных делах не помогает. Поэтому будет справедливо, если сам Богдан не будет отвечать на эту просьбу мне, то есть Артёму. На моих глазах раскинулась такая бы странная картина, где мой напарник стал выходить попросту из под контроля. Он конечно не ныл, но заводился каждый раз, когда ему чего-то особенного в жизни не хватало. Где сам Богдан мог быть послушным, а после всё равно делал бы свой мир тяжёлым и невыносимо трудным. Так он возвышал между собой и мной настоящую стену, где нет людей. Их не было никогда раньше, а теперь они все превратились для него просто в шпионов. И каждый кто хочет узнать побольше о Богдане становился его шпионской тенью. Из которой он сам мог выглядывать и говорить, что будет делать со своими врагами намеренно.

Богдан конечно же ничего не делал в нашей дороге, но искал промежуток между встречами наших глаз и там он молчал. Такое поведение было постоянно. Артём подумал, что это всё произошло из-за его травмы, но ведь опасность была намного сильнее, чем он думал. По этой причине я мог только пожелать ему удачи в бою, чтобы он сам теперь думал о своих идеалах в жизни. Я не был преподавателем или морализатором, а хотел его немного приручить. И мои глаза мелькали между ним и Денисом, чтобы мы втроём нарисовали себе уже бы матрицу нужных действий. Или таблицу, через которую мы будем перешагивать наши встречи с нацистами или с инопланетянами. Даже если эти самые инопланетяне - такие же нацисты. И тогда мы сможем поверить в настоящее чудо, что проводит своей рукой между стилия красоты ума и небрежностью нашей работы. Чтобы слаженность была важна также, как и сама красота военного дела, а лаконичность решений давала то умозрение мудрости в будущем, которое нам и нужно.

Я проверил казарменные комнаты для отдыха и увидел там Богдана! Он как ни в чём не бывало сидел на светлой кровати и разговаривал там с местной дамочкой. Видно это занятие ему так понравилось, что он даже меня не заметил. Но, когда это действие произошло, то сам Богдан вздрогнул и сказал, что он уже готов к отъезду. Когда мы уезжали из города Снежное, то за нашу хорошую работу нам выдали много вкусной провизии. А ещё Константин Ростиславович подарил нам целый ящик современного оружия. Там были пулемёты и АК-12, были бесшумные автоматы и мины. В огромном количестве и чтобы мы могли всем этим непременно воспользоваться. Я конечно сказал Константину Ростиславовичу огромное спасибо, но ещё больше меня поразили его широко открытые глаза. Словно бы сам он был так рад нас увидеть в жизни, что вообще не хотел отпускать дальше на верную смерть. В такой ситуации смерти мы конечно не боялись, но ждали объективных примет насчёт уже бы догадки во времени.

Она, то приходила, то уходила, но всё время вертелась, как мелкая пакость в мозгу. Артём пытался её сегодня прочесть, но в итоге сам запутался, чтобы не ждать большего восторга на уме. Я привык к обывательскому разговору, чтобы военные могли выдохнуть и сами между собой пообщаться. Но тут, к нам стали приставать постоянно все вокруг, как будто бы знали, что в будущем мы точно уже прославимся. Там мы станем играть роль храбрых парней и защитников нашей Родины, а потом и сами станем такими в реальности. Чтобы день уже переходил в наш разгон по мозговой линии лучшего ожидания. Этим ожиданием был следующий город Шахтерск и он находился довольно далеко. Мы должны были ехать поодаль огромной трассы, но по более мелкой, чтобы не мешать другим водителям. И к такой идее я сразу приспособил и моих напарников, на что они сказали, что будут меня уважать за мои планы. В которых есть

всегда некая изюминка и есть такой рациональный подход, что очень трудно уловить. Ведь в каждом человеке есть также особенность, но я своей вилял довольно ярко и мои глаза при этом светились, чтобы не говорить никому неправды о будущем.

Была уже середина июня и мне не хотелось быстро передвигаться по городам. Ведь лето внушает некую жару, а я внушаю сам себе небольшую лень. Поэтому я подал сигнал по радиации для Ильи Сергеевича и узнал у него особенности нашего будущего города Шахтерск. Он рассказал мне, точнее предупредил, что около города всегда большое скопление нацистов. А мне придётся держать ухо остро и мерить уже не свою военную харизму и глаз на небе. Ведь они постоянно запускают БПЛА и их трудно сбить, если не увидеть сразу заранее. Потому мой стиль работы теперь был на предугадывание военно-аналитической ситуации. В которую мы конечно же попадём, если сами будем на опасном участке дороги. А объезжая эту дорогу мы не будем нянчиться с мимолётными желаниями из нашей головы, но будем уже как путешественники во времени. Этот стиль поведения я конечно только что придумал сам для себя. Он был не военный, а стратегический, чтобы искать глазами не только нацистов, но и время, приближённое к их личности. Когда они будут особенно активны и у них начнётся выход умного закоулка разума. А за такой разумностью мы будем прятать наше оружие и в точности их там подкараулим.

Я не был бы Артёмом - военным из славного города Шахты, но сегодня сам был таков. Что к новому испытанию мог подготовиться за две с половиной минуты, но никогда об этом не говорил своим напарникам. Они видно меня вообще считали местным гением или тем человеком, что сможет пронять любого врага на пути. И чтобы закрепить этот матёрый результат - ещё и проникнуть в мозг самого нациста. А там - ой как много разных цветных снов. Они колышутся и ждут, что мы будем в дороге небрежны или неаккуратно сложены, что у нас не хватит сноровки или ума. В таком бы полюсе истины я провожал глазами не только будущее этих скверных людей, но и их тупую выучку говорить о других военных неправду. Словно бы они самые умные, а сами попадаютсся намного чаще, чем например я. Мне не хотелось проводить с такими людьми богатых бесед, но думалось, что в гробу я также не буду этого делать. Артём лишь будет играть там тенями уже бы готической подземельной истины, но смотреть на свет открыто, а не как смотрят туда уже обглоданные кости.

Так я называл теперь нацистов и их компрометирующий взгляд в будущее. Ведь кости не могут разговаривать, а только имеют вид уже бы белых сооружений, собранных под один большой купол мечты. Эта мечта сегодня рассыпается, а вместе с ней рассыпаются и те долгие движения самих нацистов, которых мы боимся. Мы будем ждать их днём и ночью, но теперь они просто не имеют под собой никакого бы преимущества в жизни. Потому что кости не умеют разговаривать и ненавидеть других людей. А за нами постоянно присматривает Бог, что также улучшает время и континуум такого бы мироустройства. В моей матрице реальности было сегодня почти всё необходимое мне. Артём не верил, что можно упустить из виду хоть один военный факт, когда станет темно. Но кости нацистов давно бы уже рассыпались в аду, поэтому их незачем бояться, но видеть их тени за собой всё же нужно. Так я и делал, составляя за этой прожитой жизнью другой континуум правды. В него я мог вложить, например, русский характер или русские привычки. И к ним прикрепить уже и любовь к Родине, чтобы не болеть вовсе и не хандрить на лице.

Поэтому я сопоставил внутри себя то время, когда я сам сидел в старом доме в городе Шахты и то время, где я сегодня нахожусь. И при этом Артём вычел эту временную разницу, чтобы убрать ту нацистскую идеологию, которая его окружает в настоящем. При такой аналитической работе осталась только одна не разогретая скважина души. И она вела меня постоянно в будущее и манила своим бы замкнутым кругом перевоплощения в душе. А значит тайна моего квантового перемещения лежит не как иначе, а в будущем. Значит я должен дожить до этого времени и соединить всю эту цепочку событий в одну оправданную линию логики чело-

века. А когда я это сделаю, то даже не знаю, что мне подскажет уже моя природа души или квантовая матрица, заряженная на перепутье двух миров. Один мир из прошлого, а другой мир из будущего, чтобы искать там сходства в квантовой соразмерности дела и слова. Артём конечно любил говорить, но больше всего я любил и делать сегодня полезные вещи. Поэтому я быстро за полчаса всё собрал для нас и сказал своим напарникам, что мы уже выдвигаемся.

Как только наши ноги оторвались от земли, то началось некое столпотворение частиц. Точнее началась выдумка из моего мозга или психическое явление под названием дежавю. Я запустил дрон «Орион» и проверил уже бы настоящую матрицу на наличие такой вот отшельнической твари. Которая не хочет никогда попадаться на глаза, а сидит постоянно в окопах и глазееет не то на людей, не то внутри странности непередаваемых слов. Артём конечно знал все эти слова и был готов к трудностям преодоления своей жизни. Тем более последнее время я постоянно думал о необъяснимости моей собственной жизни. Как будто бы какой-то парадокс вошёл в мою голову в самом начале нашего пути. В том старом доме около города Шахты. А теперь даже сам я не знаю, что случится со мной, если я попаду в похожую ситуацию? Ведь мне будет довольно обидно решиться сегодня на образование такой бы квантовой мечты. Которая могла бы, например, возвращать из прошлого уже бы друзей и любимых, помогать мне достигать просветления в жизни, а также обогащения для моего будущего. Я не верил в чудеса, но они начинали мне мерещиться повсюду. Из моего горла выходил пар, а входила туда в основном только военная еда и водка. В отличие от Богдана я не особенно часто напивался, но умел повеселиться на славу.

В одной такой весёлой истории я даже потерял свои военные сапоги и был почти что нагой. Мне удалось найти другие, но вот где остались те я не могу с точностью сказать наверняка. Как капает бы дождь летом или идёт гроза осенью, а может выходят к тебе нацисты навстречу и говорят, что всем им нужна обычная свобода. Мне она также была нужна сегодня и я ничем её не подкреплял. Только мой аппетит сегодня рос, а вместе с ним росло и дежавю. Это началось почти сразу как мы выехали и я узнал по радиации от Ильи Сергеевича, что нас поджидает большое количество врагов впереди. Мне такой информации как раз не хватало, но разведывательный дрон говорил совсем другое. Что вокруг нас нет ни одной живой души. Нет даже деревни по пути, а только одинокие перелески и пустынная местность, а-ля бесхозные поля. Потому что на ровные и гладкие поля мы теперь боялись выезжать и думали, что там для нас может быть смертельная опасность. Что бы кто ни говорил, но такое психическое расхождение со смекалкой менялось постоянно и меняло этим даже душу. Артём её не хранил в своём личном портрете, но вокруг собирались не только знакомые мне люди, но и чувство того самого дежавю.

Это было похоже на сон или небольшое психическое невежество, а на деле - это была просто улыбка из собственного безразличия мозга. Как будто бы он знал всё уже наперёд и мог просто тебе сказать об этом прямо, но внутри себя этот мозг всё же лавировал и считал, что мне нужно ещё подумать. Такой бы самогипноз из матричной клетки разумности и бессмысленности. Где логикой ты не видишь военно-аналитическую картину души. Ты просто прирос сегодня к своему окну бронированной военной машины. А она стала на время частью твоего внутреннего сознания. И так мы едем постоянно вдвоём. Рядом со мной сидит Богдан, он же опытный механик, а позади сидит Денис и руководит прочей обстановкой на пути. Я держу свой руль сквозь матрицу удовольствия и неудачи, но во мне только ветер души и это пресловутое дежавю. Сегодня я его почти не трогал, а завтра уже видно и не потрогаю. Ведь на месте этого чувства будут постоянно страхи и человеческие ожидания. Потому что Денис мне и сам жаловался постоянно, что нет времени на то, чтобы говорить, а нужно всё быстро делать. В такой клеточной теории риска я могу только привинтить к себе крышку гроба и начать говорить из под неё. Как будто бы я уже умер, а во мне сидит некий безжалостный вампир и отдаёт честь уже бы за победу из моей души.

Она для меня готическая и очень приятная, а мир смотрит немного отдалённо на всё это действие, как будто бы этот мир - театр. Ты вокруг вождееешь смелость души Бога, но видишь пустой опыт своего символизма прошлого. И так я переоценил очень много на пути, когда уже мы проехали много километров и остановились на передышку. Ведь руки и тело устали постоянно, а ведь ещё нужно было запускать дроны для разведки впереди. Эта несложная работа сегодня дала небольшие результаты. Мы увидели, что впереди встречаются некоторые люди, но при приближении это были видно просто туристы. Но какие туристы могут быть в такой глуши? На этот вопрос я сам себе не ответил, но пришёл куда-то опять в собственный гроб размышлений. А Денис сказал, что нацисты могут переодеваться даже в туристов и мечтать уже бы подловить российских военных на пути. Мы не спорили по этому поводу, а ловили в воздухе бабочек. Они собирались над дымкой уже вечернего летнего пейзажа и несли нас по своим крыльям туда, откуда нам будет не улететь. Потому что мы обязаны воевать и делать это на благо нашей Родины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.